

Станислав Далецкий

ОБРЕТЕНИЕ ЧУВСТВ

повести и рассказы

Станислав Далецкий

Обретение чувств

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Далецкий С. В.

Обретение чувств / С. В. Далецкий — «ЛитРес:
Самиздат», 2017

В данном сборнике помещены повести и рассказы о чувственных и психологических взаимоотношениях между мужчинами и женщинами сто лет назад и в современном российском обществе.

© Далецкий С. В., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

ЗЕМСКИЙ УЧИТЕЛЬ

повесть

(Из романа «ЖИЗНЬ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН»)

Иван, Домов, дворянский сын, достигнув совершеннолетия, закончил в 1906 году обучение на учительских курсах в городе Орше, получил Аттестат учителя начальных классов и согласился на учительство в селе Осокое, что в двадцати верстах от Орши. Это место ему предложил уездный смотритель училищ, который доброжелательно относился к Ивану и настоятельно рекомендовал ему поработать на селе и, определившись с призванием, продолжить обучение в учительском институте в городе Вильно. Этот институт когда-то закончил и сам смотритель и считал, что там дают приличное образование, которое даст возможность преподавать в гимназиях и городских училищах в старших классах.

С Аттестатом учителя и наставлениями смотрителя училищ Иван отбыл на отдых к отцу, чтобы в середине лета отправиться к своему будущему месту работы для обустройства на новом месте.

Учеба, наконец, закончилась, и юноша вступал в самостоятельную жизнь, в которой должно состояться его становление как учителя и как мужчины.

. I

В село Осокое Иван прибыл в середине лета прямо из отцовского дома, который навестил по окончании обучения на учителя земской школы.

За десять лет учения у тетки Марии и на учителя в Орше Иван привык лето проводить у отца: не изменил своей привычке и в этот раз, перед началом самостоятельной жизни. В отцовском доме его, как всегда, встретила Фрося, погрузневшая, но всё еще молодая и привлекательная женщина – хозяйка отцовской усадьбы. Петр Фролович в свои 65 лет выглядел пожилым мужчиной, но никак не стариком, что сидят на завалинке у дома, даже летом в валенках, и, шурясь на солнце, всматриваются в прохожих, пытаясь угадать в них знакомых или соседей, беззвучно шамкая беззубыми ртами. Петр Фролович, напротив, утратил за годы жизни лишь пару зубов в глубине рта и, улыбаясь, обнажал ровные ряды пожелтевших от курева, цвета слоновой кости, крупных зубов без изъянов и потертостей.

– Это у старых меринов зубы стираются, а я не мерин, но боевой конь, который врага может и укусить в пылу боя, – смеялся отец и, не смущаясь присутствия взрослого сына, прикусывал Фросю то в плечо, то за бедро, если она в этот миг оказывалась в пределах досягаемости для его зубов.

– Разыгрался старый охальник, – беззлобно улыбалась Фрося, шлепая ладонью Петра Фроловича легонько по губам, – правду говорится, что седина в бороду, а бес в ребро, – и уходила, покачивая крутыми бедрами нерожавшей женщины. Петр Фролович действительно побелел головой и бородой за последние годы, но плешивым не стал. Довольно пышная, цвета серебра, шевелюра на голове и аккуратно подстриженная заботами Фроси борода, делали его лицо, обветренное долгими пребываниями на свежем воздухе и оттого приобретшего цвет калёного кирпича, похожим на Деда Мороза, каким его рисовали палехские умельцы на крышках лакированных шкатулок, одна из которых как раз и стояла в гостевой комнате на комод.

Иван снисходительно относился к слабости отца относительно Фроси, ибо их отношения были уже не прелюбодеянием, а почти браком, но не освященном в церкви перед алтарем. Мужчине, если он здоров и не слишком стар, обязательно нужна женщина, чтобы хозяйствовать по дому и в постели, иначе мужчина скиснет, захиреет и очень быстро, от душевного одиночества, переберется на погост в надежде на лучшую долю в потустороннем мире, в чем Иван лично сомневался.

Фрося, простая крестьянка, едва разумевшая грамоте, которой её обучил Петр Фролович, с самого начала своей службы в усадьбе барина, поняла, что может прожить здесь долгие годы, или даже всю жизнь, если подладится под нрав Петра Фроловича и не даст повода его жене к ревности и злобе. Мать Ивана уже тогда прихварывала, но понимая, как и Фрося, мужские потребности, которые сама, по болезни, уже удовлетворить не могла, смотрела молча на связь Петра Фроловича со служанкой, справедливо полагая, что лучше муж пусть здесь дома удовлетворяется женским телом, чем заведет связь на стороне с беспутной женщиной, которая может и обобрать мужчину до нитки.

Фрося же, за жалование служанки, удовлетворяла и похоть барина, и исполняла домашние хлопоты к всеобщему удовлетворению и, незадолго до своей кончины, Пелагея, жена Петра Фроловича и мать Ивана, позвала Фросю к себе в комнату и наказала ей заботиться о барине как о муже, сказав, что знает об их связи плотской и благословляет на совместную жизнь после своей кончины, лишь бы сыночку Ванечке было хорошо, и Петр Фролович не задумал, на старости лет, и не привел бы со стороны себе другую жену.

– У тебя душа добрая, Фрося, – тяжело дыша, говорила Пелагея, лежа в кровати и вытирая пот со лба влажным платком, что подала ей служанка. – И корысть в тебе не завелась и не иссушила душу, а потому живи с моим Петром Фроловичем после моей кончины как жена, и если бог даст вам ребеночка, то и перед алтарем можете повенчаться – я буду не против и благословлю вас с небес.

Петр Фролович – мужчина с норовом, но лаской и душевным участием он быстро усмиряется. Не давай ему одному ездить в город, где азартные игры в карты – может проигратись в пух и прах, как было у него однажды в бытность офицером, из-за чего он вышел в отставку и поселился здесь. Ты не знаешь, но усадьбу эту спас от разорения и кое-какие средства нам выделил его брат Андрей и после Петр Фролович остепенился вроде бы, но пригляд за ним нужен. Поклянись, Фрося, что исполнишь мою волю, как свою, – попросила Пелагея, и Фрося охотно перекрестилась на образа, обещая исполнить все точь-в-точь, если на то будет воля божья.

Ребеночка Бог ей не дал с Петром Фроловичем, но жила она в усадьбе полной хозяйкой, с хозяином ладила, потакала ему в мелочах, с удовольствием занималась с ним плотскими утехами в постели, так что деревенские бабы, измученные тяжким трудом в полях, во дворах, и в заботах о пропитании детей и от того рано состарившиеся, откровенно завидовали благополучию Фроси и не осуждали её за грех с Петром Фроловичем.

В свою очередь Фрося немного помогала своим родственникам рублем или мелкой подачкой и выручала по нужде ближних соседей, не требуя возврата долга с процентами, что ещё более способствовало миру и благополучию в барской усадьбе: жить скромно, но без зависти окружающих, гораздо лучше, чем в изобилии, но под жадными взорами завистников-недоброжелателей.

Иван, вступая в самостоятельную жизнь, вполне понимал необходимость женской ласки и тоже нуждался в ней, не зная, как удовлетворить это естественное чувство без греха.

В годы учебы на учительских курсах единственной возможностью удовлетворить свое плотское желание были услуги падших женщин за деньги. В городке публичных заведений не было, да и кто бы пошел туда на глазах горожан, которые почти всех знали в лицо. Были одинокие блудницы, которые принимали клиентов у себя на дому, часто в неказистой избушке в грязи и хламе, будучи сами неопрятны и замызганы, что вызывало глубокое отвращение Ивана, привыкшего к чистоте и порядку, воспитанных родителями, а потом и тёткой Марией.

Но и к этим неприятным блудницам попасть можно было лишь темной ночью, чтобы избежать соседских глаз, рискуя при этом нарваться на предыдущего посетителя,

который, удовлетворив плоть мужскую, торопливо покидал избу греховодницы, которая без омовения тела равнодушно приглашала следующего.

Иван однажды, когда волна неудовлетворенной страсти захлестнула его поздней ночью, оделся и пошел по известному многим ученикам адресу за платной любовью к молодой куртизанке, как он называл гулящих женщин, чтобы придать им романтичности и загадочности. Подходя к той избушке, он увидел силуэт пузатого мужчины, отворившего калитку дома изнутри и торопливо прошедшего мимо Ивана, укрывшегося в листве молодого тополя. Мужчина был в возрасте, с бородой, грузный, и когда Иван представил, что он воспользуется плотскими услугами женщины после этого мужика, его охватила брезгливость, желание исчезло, как не бывало, и он спокойно ушел в пансион, досматривать сны о чистой и непорочной любви к девушке, как об этом писал в своих книгах популярный писатель Майн Рид. Однако такие сны частенько заканчивались непроизвольным семяизвержением и многие ученики в пансионе, проснувшись поутру, старательно прикрывали пятна на простынях, как последствие сладострастных юношеских снов.

Несколько однокурсников Ивана, незадолго до выпуска, обзавелись благоверными из мещанских дочек. Поскольку брак с учителем считался хорошей партией, а девиц на выданье было множество, то подыскать девицу для брака не представляло труда – было бы желание. У Ивана желание плотское было, но девицы по душе он так и не встретил на учительских курсах, и к тому же он считал, что в брак должен вступать лишь самостоятельный мужчина, а не ученик, которым Иван ещё являлся.

Помнится, на выпуск из училища тётка Мария прислала ему денег почтой. Ученики, получив учительские аттестаты, организовали вечеринку с учителями прямо в училище, пригласив и знакомых девиц, если таковые имелись в наличии. На следующий день однокашники предложили съездить в Витебск, прикупить кое-что к гардеробу перед ссылкой на учительство в дальнее село, а заодно и посетить бордель с городскими блудницами, которые не чета местечковым: знают толк в своем деле, и умываются после клиента.

Иван согласился, и после покупок учителя зашли в заведение некой мадам Красницкой, где к их услугам были предложены девицы на выбор. Иван ткнул наугад в первую попавшуюся жрицу любви, заплатил за услугу и прошел за девицей в номер. День выдался жаркий, девица быстро разделась и ушла на кровать, пока Иван, смущаясь и отвернувшись от нее, стаскивал с себя одежды. Оставшись в одном исподнем, он повернулся, чтобы идти к продажной женщине и взглянул на неё. Та лежала на кровати, совершенно голая, бесстыдно раздвинув ноги. Дряблое, потасканное тело блудницы покрылось мелкими капельками пота, которые, сливаясь по бокам на простыню, оставляли мокрые пятна. Желания на эту женщину у Ивана не было изначально, а сейчас, увидев её во всей неприглядности, приготовившейся к спариванию, Ивана охватила тошнота, он начал икать и, поспешно одевшись, выбежал из заведения, так и не воспользовавшись оплаченным соитием с проституткой.

Все эти перипетии Иван вспомнил, глядя на благополучные отношения отца с Фросей.

– Женщине за тридцать, отцу за шестьдесят, а между ними мир и лад, да божья благодать, а все благодаря мудрости поведения крестьянки Фроси, которая прилепилась душой к моему папаше, создала духовный уют и плотскую утеху старику, а себе спокойную жизнь в барской усадьбе и женскую усладу, – размышлял Иван, вспоминая, как неоднократно в ночи он слышал страстные стоны Фроси, когда она с отцом думали, что Иван уже спит и потому не сдерживали чувств.

– Так и должно быть: женщина, добровольно исполняя прихоти мужчины, предупреждая его желания и никогда не переча по пустякам, взамен тоже получает любовь, согласие и плотское удовлетворение. Конфуций говорил, что счастье – это когда тебя понимают, большое счастье – когда тебя любят, и настоящее счастье – когда любишь ты. У отца с Фросей, наверное, просто счастье, но и его достаточно для жизни: ведь они живут вместе больше

десяток лет и не наскучили, и не надоели друг другу, – вспоминал Иван, что не далее, как вчера ночью он слышал знакомые стоны Фроси, доносившиеся в тишине дома из отцовской спальни.

Иван гостил у отца две недели. Все эти дни Фрося потчевала его домашними яствами собственного приготовления, добавляя иногда на стол и кое-что принесенное из ближней лавки, что находилась возле церкви, а именно: селедочка, осетринка, колбаса по-жидовски и, конечно, чай и сахар. Стояло лето, скот не забивали, поэтому к обеду Фрося готовила что-то из курицы, которым сама и рубила головы прямо во дворе.

Она ловила курицу, засовывала ей голову под крыло, потом качала на вытянутых руках, курица впадала в забытие, Фрося клала её на чурбан, доставала голову курицы из-под крыла и легким ударом топора отрубала голову. Безголовая курица бегала по двору ещё с минуту, пока, истекши кровью, не падала замертво. Обдав тушку кипятком, Фрося умело ощипывала птицу, опаливала тушку над огнем плиты и потом готовила блюдо по собственному усмотрению, но всегда вкусно, потому что хозяйствовала с душой.

Иван давно приметил, что результат в любой работе определяется настроением человека: если дело делается в дурном настроении или нехотя, то и результат посредственный, а у кухарки и вовсе блюдо получается невкусным. Но если дело делается с радостью и желанием угодить, то результат хорош, а блюдо у кухарки получается вкусным. Потом, в своей жизни, если ему приходилось кухарничать, Иван старался делать пищу с душой и частенько удивлял едоков вкушением своих блюд, учитывая, что делал он их не по рецептам, а по наитию.

Впоследствии Иван убедился, что и его отношения с женщиной определяются взаимным настроением, и, чем больше совпадают желания его и женщины, тем лучше конечный результат: что в обыденной жизни, что в интимных отношениях в постели.

Как всегда, в дни приезда домой, Иван прошёлся несколько раз по селу, посидел у могилы матери в молчании, слушая, как жужжат шмели в разогретом воздухе погоста, и наблюдая, как эти шмели пытаются добыть нектар из цветков лопухов, что разрослись на заброшенных могилах, высасывая соки из земли, чтобы через цветы, опыляемые шмелями, дать семена потомству, которое с ещё большей энергией будет высасывать соки из земли, где погребены когда-то жившие здесь, в селе, люди.

Мать свою Иван не помнил ввиду своего малолетства при её смерти, а лишь чувствовал ласковое прикосновение её руки к своей голове, когда он заходил к ней в спальню, чтобы отпроситься по своим неотложным мальчишеским делам.

И вот он, уже не мальчик, но муж двадцати годов от роду, сидит на скамейке возле осевшего холмика на материнской могиле и тщетно пытается вспомнить её облик или получить какой-то сигнал из её потустороннего бытия, если оно есть, о том, что мать чувствует сына и радуется завершению его учебы и началу самостоятельной жизни, что случится вскоре в незнакомом ему селе.

Но никаких ощущений Иван от матери не получил, лишь шмели продолжали жужжать над лопухами, добывая свой взток, чтобы отнести его в норку и там вывести новое потомство шмелей. Какая-то яркая птичка вспорхнула в листву березы над головой неподвижно сидевшего человека и начала пронзительно гукать, нарушая кладбищенскую тишину и покой.

Иван с погоста зашёл в церковь, где в полумраке поставил свечу за упокой души рабы божьей Пелагеи, перекрестился несколько раз под внимательные взгляды двух-трех старушек, молча стоявших на коленях перед образами и вглядывавшихся через полумрак в лицо Ивану, тщетно пытаясь признать в нём своего сельчанина. – Видимо какой-то проезжий зашел в церковь, – решили старухи и принялись снова отбивать поклоны, чем и занимались до его прихода.

Навестил Иван и свою сестру Лидию, которая за эти годы превратилась в рыхлую, болезненного вида женщину, наподобие их матери в последние годы жизни. Хотя Лидии и было немного за тридцать лет, но рождение трех детей совершенно изнурило её силы, которых едва хватало на ведение домашнего хозяйства и заботу о детях. Старшему сыну, Борису – уже стукнуло четырнадцать лет и он, окончив земскую школу, помогал учеником приказчика отцу в лавке.

– Никогда в нашем роду не бывало лавочников, – возмущался частенько Петр Фролович при упоминании про дочь свою, Лидию. – Но благодаря дочери Лидии я дожил до того, что мои внуки – лавочники, и это пойдёт дальше на их потомство. Поэтому я и хожу редко к дочери в гости, хотя и живём в одном селе, что не могу ладить с лавочниками.

– Какая тебе разница, кто твои внуки, – всегда возражала ему Фрося. – И чем тебе твой зять не угодил: торгует по справедливости, не скопидом и жену не бьёт, – лучше бы тебе было, старый, если б дочка вышла замуж за жида из ближнего местечка, тоже торговца, который одно время, как сказывают, волочился за твоей дочерью Лидией?

– Ну, этому не бывать никогда! – багровел Петр Фролович.

– Так они тебя и не спросили бы, – усмехалась Фрося. – Принесла бы Лидия ребенка в подоле, и деваться некуда. Так твой дядя Андрей женился на жидовке, никого не спросив, правда, Бог наказал его дочь Марию чёртовой отметиной, прости Господи! – крестилась Фрося, вспоминая Марию с родимым пятном на пол лица, у которой Ваня благополучно прожил годы учёбы: видимо, Фрося несколько ревновала Ивана к этой тётке, считая себя чуть ли не матерью сыну своего Петра Фроловича.

На том, обычно, их незлобивая перебранка заканчивалась до следующего посещения Петром Фроловичем своей непутёвой, как он считал, дочери.

Зашёл Иван и в школу, где начал курс обучения, а теперь доучившись до звания учителя, равного его первому учителю – тоже Ивану Петровичу.

Учитель оказался во дворе, где в сарае мастерил что-то на верстаке. Он не признал Ивана, отпустившего за полгода небольшую бородку для солидности перед будущими учениками и их родителями: крестьяне с сомнением относились к пришлым грамотеям – учителям и фельдшерам, если они были молодые и безбородые.

Когда Иван представился, учитель радостно всплеснул руками: – Значит, доучился, наконец, Ваня до земского учителя и будешь теперь, подобно мне, в дальнем селе обучать детишек грамоте. Благородное, скажу тебе, это занятие – учить людей, вытаскивать их из болота невежества и мракобесия предрассудков на светлую ниву образованности. Я здесь учительствую уже 15 лет и половина грамотных на селе обучены мною. Жаль, что большинство крестьян так и остались неучами, потому что родители в своё время не отдали их в обучение. Грамотного человека труднее обмануть, а сегодня, в двадцатом веке, без грамоты из села не выбиться никому: в городах нужны лишь грамотные люди.

– Мои детишки подросли: сын и дочка учатся сейчас в гимназии в Витебске, где у меня родители живут. Потом хочу сына отправить в университет Московский на дальнейшее обучение – он у меня в математике гораздо сообразителен. Я пока с женой здесь поживу – привык к селу и людям простодушным и без изъяну в душе. А тебе, Ваня, мой совет такой будет: поработай год-два на селе, но не женись, и отправляйся доучиваться в институт или университет – если сможешь, и средства позволят. Женишься если, то считай, учеба пропала – семейные заботы вредят учёбе. Я тоже когда-то хотел учиться дальше, но женился, пошли дети, и стало не до учёбы. Конечно, я не жалею: жена примерная, дети справедливые подросли, но иногда, в мечтах, представляю себя профессором в университете Москвы и становится грустно, что это лишь мечты.

Они еще поговорили о селе, о городах и весях, о прошлогодних беспорядках в стране, которые назывались революцией, и что теперь на селе становится беспокойно, земли кре-

стьянам не хватает, они бунтуют, власть применяет силу, а новый министр Столыпин грозит всех усмирить нагайками и саблями без всякой пощады.

– Грядут большие перемены, Ваня, и чем больше в стране будет грамотных людей, тем лучше для страны и народа будут эти перемены. Так что желаю тебе, Ваня, успехов в нашем трудном, но благородном учительском деле и помни мой наказ о дальнейшем своем образовании, закончил учитель Иван Петрович и взялся за рубанок:

– Видишь, доски строгаю, что привёз из уезда. Хочу несколько новых парт смастерить для класса: старые совсем развалились, а денег у общества на покупку нет. Даже доски эти купил на своё жалование – совсем за последние годы село обеднело: то неурожай, то война с новыми налогами, то революция с беспорядками, а страдают крестьяне, которые есть стеной хребет русского государства – сломай этот хребет и не будет страны России, потому и надо учить крестьян грамоте, чтобы понимали своё место в стране и не ломали шапку перед всякими выскочками и инородцами.

У нас крестьяне не жгли барские усадьбы, а в других губерниях многие помещики пострадали, да и то сказать, за дело. Крестьянам волю дали без земли, когда крепостное право отменили, вот сейчас эта несправедливость и отразилась. Земля должна принадлежать государству, а через него обществу, которое на этой земле трудится, так я разумею, – продолжал учитель, строгаю доски для парты.

– Я согласен с вами, Иван Петрович, поэтому и состою в партии эсеров, которая за передачу всей земли крестьянам без всякого выкупа, а помещики пусть тоже живут своим трудом: хватит, пососали народную кровь, – ответил Иван учителю.

Тот удивленно посмотрел на него: – Ты же дворянин, Ваня, и должен защищать своих дворян, но не крестьян.

– Декабристы тоже были все дворяне, но ратовали за народ, – возразил Иван. – Образованный человек понимает несправедливость даже, если сам страдает. Сейчас многие рассуждают как я, без различия в сословиях. И сословия эти тоже надо убрать, уничтожить. Люди должны быть равны между собой и различаться лишь трудом, знаниями и способностями, а не именами, деньгами и должностями при царе и губернаторах.

– Да, видимо грядут большие перемены, коль дворянские дети ратуют за равноправие с крестьянами, – задумался учитель. – Только будь, Иван, осторожнее в своих мыслях при посторонних. Людей много сейчас озлобленных развелось: донесут на тебя, и лишишься ты учительского места и надежды на дальнейшую учёбу. Сейчас не время свои мысли вслух высказывать, – напутствовал учитель своего бывшего ученика перед его уходом. – Поработай, поучись ещё, а там глядишь, и время для свободных мыслей настанет, вот тогда и решайте дела своей партии эсеров, в которую ты записался.

На этом учитель и ученик расстались, чтобы больше не увидеться. Учитель в городе, навещая детей, заразился, видимо в поезде, чахоткой и скоропостижно умер через год, еще до приезда Ивана домой, в свой первый отпуск.

Попробовал Иван навестить и своих бывших друзей по малолетству, но радостной встречи не получилось. Друзья детства успели жениться и обзавестись уже по ребёнку, так что домашние хлопоты и труд на поле не располагали к длительным воспоминаниям о беззаботном детстве с барчуком, который легко и просто выучился на учителя. Но Фёдор и Егор высказали благодарность Ивану за то, что в детстве он обучил их чтению, которое помогает им в крестьянской жизни.

– Спасибо, Иван Петрович, за грамоту, что обучил нас в детстве, – степенно благодарил Егор учителя, поглаживая курчавую русую бородку, которая нехотя покрывала его лицо редкой порослью. – Детей своих мы обязательно отдадим в учение, может им повезёт вырваться из села в город, где нет такого тяжелого труда, но требуется грамота по чтению и письму. Мы-то с Федей пишем, как гусь лапой: что ты учил, забыли, а подучиться в школе уже неко-

гда. А вот чтение не забывается, и даже улучшается со временем, жаль, что читать времени нет, да и читать нечего, кроме Псалтыря: книг покупать не на что, а взять в селе не у кого.

– Возьмите у учителя, посоветовал Иван, – у него и книги есть для чтения и письму он поможет обучиться, когда зимой будет свободное время. Учиться никогда не поздно, – убеждал Иван, – может в солдаты придётся идти, так там грамота нужна всегда. В японскую войну вы не попали по возрасту, но вдруг случится ещё война, вот грамотность и пригодится.

– Полноте, Иван Петрович, – возразил Фёдор, – какая к чёрту война, если и без войны мы живём, почти голодая по весне. Ломаешься на поле всё лето, а соберёшь урожай со своего клочка земли, да уплатишь подати в общину, и глядишь, хлеба хватает до Крещенья, редко до Поста, а до новин никогда. Семьи растут, а земли в общине не прибавляется.

– Вот и надо зимой уезжать на заработки, – посоветовал Иван, – тогда и грамота пригодится. Только ехать надо не в уезд, а в губернию. В большом городе много работы и платят там лучше, поэтому за зиму можно прилично подработать, – убеждал Иван. – Если ничего не предпринимать, так и закисните здесь, в нужде, мохом покроетесь раньше времени и детям своим помощь в их жизни не окажете. Непременно зимой езжайте вместе в Могилёв, али в Витебск, там обучитесь мастерству какому-нибудь в подмастерьях, – глядишь, дальше и дело пойдёт.

– Спасибо, Иван Петрович, за совет, – ответил Егор, – мы это обдумаем и, наверное, попробуем, пока силы и здоровье есть.

На том бывшие друзья и расстались.

В следующий свой приезд, через год, Иван узнал, что Фёдор уехал с семьёй искать счастья в Сибири по программе переселения, а Егор в Могилёве пристроился рабочим на железной дороге – грамотность помогла и переехал на житьё в город вместе с семьёй: жизнь рабочего тоже не сахар, но всё же легче, чем у крестьянина-бедняка.

Погостив у отца положенное время, Иван отправился к месту своей службы в село Осокое Оршанского уезда Могилёвской губернии. Для поездки он нанял соседа-кучера с лошадью, который и довёз Ивана за три рубля и за два дня в отцовской коляске до места назначения.

II

Прибыв в село, Иван отыскал дом старосты, чтобы уладить вопросы работы и жилья, поскольку земские школы содержались совместно казной и общиной: казна давала учителя и платила ему жалование, а община содержала школу и учительское жильё за свой счёт. Старосты дома не оказалось: он улаживал какой-то спор крестьян по размежеванию сенокосных лугов у леса, и пришлось ждать его возвращения. Хозяйка дома, узнав, что Иван – это новый учитель в школе, сразу стала приветливой, угостила его и кучера холодным квасом с дороги и пригласила отобедать вместе с хозяином, когда он вернётся.

Староста появился далеко за полдень. Это был степенный мужик далеко за сорок лет, с окладистой бородой иссиня-чёрного цвета с проседью на широкоскулом лице с узкими прорезями глаз: по всему было видно, что в родичах у него толпились степняки, возможно с монгольского нашествия.

Тимофей Ильич, – так звали старосту, искренне обрадовался приезду учителя. – Я ещё с весны просил в уезде учителя, поскольку наш собрался переезжать в уезд, чтобы там обучать своих детей: свои-то они всегда ближе чужих. Смотритель училищ обещал мне подыскать подходящего учителя, но я не гадал, что пришлют такого молодого.

Ну, молодость – это не беда, а опыт – дело наживное, общество посмотрит, как вы справитесь с обучением юных огольцов. Село наше волостное, поэтому школу содержим в порядке, и учительская квартира при школе тоже вымыта и вычищена после прежних жиль-

цов. Можете, Иван Петрович, заселяться, хоть сейчас. А когда изволите семейку свою перевезти сюда, чтобы я повозки вам дал для перевозки домашнего скарба?

Иван, несколько смущаясь, объяснил, что он холост пока, и во время учёбы было не до женитьбы.

– Ну, это дело поправимое, – усмехнулся староста. У нас на селе девок полно: одна другой краше. Если не побрезгуете, то и крестьянки есть из зажиточных семей, и у торговцев девицы водятся, у урядника две дочки на выданье, а у батюшки нашего, настоятеля, смешно сказать, целых шесть дочек подрастают, из них две созрели вполне, а вот сыночка ему Бог не дал, и женишков пока нет.

– Что же вы меня сразу оженить собрались, – возразил Иван, – сначала надо поработать, осмотреться, а потом, если какая по нраву придется, можно и жениться. Ещё поэт Пушкин писал: «Ведь жена не рукавица, с белой ручки не стряхнешь, да за пояс не заткнешь».

– И то верно, это меня черти заставили повести разговор о женитьбе: смотрю, ладный вы собой, молодой, а ещё учитель, вот и дёрнула меня нелёгкая про женитьбу речь вести, чтобы вы, Иван Петрович, девок наших понапрасну не смущали. А то глянут в ваши разноцветные глаза и обомлеют разом, – хитро прищурил староста свои узкие глаза, которые превратились в щёлки.

– Вот сколько живу, а такого не видал, чтобы у человека глаза были разные: один цвета воды – голубой, а другой цвета травы – зелёный, – удивился староста вслух, – потому и девки наши будут засматриваться на вас, если уж меня, старого, удивили своим видом.

– Ладно, сытый голодного не разумеет, – откушайте с нами, Иван Петрович, а потом и пойдем на квартирку. По первости можно столоваться у меня: моя матушка горазда у печи управляться, такие щи напарит, что губы прикусываешь от удовольствия. Пойдёмте в дом и ямщику вашему место найдётся.

На крыльцо вышли две девушки-погодки, лет шестнадцать старшей, черноволосые, с раскосыми серыми глазами, тонкие и стройные, как камышинки, всмотрелись в приближающегося к ним Ивана и, ойкнув, убежали в дом.

– Ну вот, говорил я вам, Иван Петрович, что смущать будете наших девиц. Это мои дочки были, есть ещё и сын старший, он сейчас на покосе, с работниками сено скотине запасает, – объяснил Тимофей Ильич, приглашая гостя в горницу, где на столе уже дымились щи в фаянсовых тарелках, стояли соленья, жареные караси, свиное сало и чугунок молодой отварной картошки, посыпанной укропом и политой рыжиковым маслом.

– Прошу отведать, что моя Евдокия выставила на стол. Если знать заранее, то она бы что-то праздничное напарила-пожарила: ведь приезд нового учителя – это праздник для всего села. Коль учитель будет умелым и поладит с обществом, то и детишки наши будут грамоте обучены и манерному поведению, – пояснил староста, придвигая Ивану стул вместо табуретки, как ямщику.

– Может по стопочке «Смирновской» за ваш приезд, Иван Петрович? – оживился староста.

– Эй, мать, неси-ка на стол полуштоф водки из шкафчика, – скомандовал староста жене, и та послушно выставила бутылку на стол.

– Извините, но я не пью водки, – отказался Иван от угощения.

– Что, совсем не пьёте? – удивился староста.

– Да, совсем не пью водки. Могу кружку пива выпить после бани или вина немного в праздник, но водки не принимаю.

– И правильно делаете, – одобрил староста. – Одно зло от водки, если много употребить. А вот с устатку, когда измаешься за день на крестьянской работе, то стопка – две снимают усталость. Ещё полезнее после бани, под солёный огурчик принять водочки на грудь. Мне, к примеру, частенько приходится гостей принимать из уезда по казенному делу, так без

водки и разговор не клеится, и дело не движется. Привык к ней, окаянной, но всегда в меру, две-три стопки и не больше, – объяснил староста, наливая водки себе и ямщику, которого даже и не спросил о согласии.

Чтобы мужик, да от даровой выпивки отказался, в такое староста не верил. Учитель – это другое дело, у образованных людей свои причуды: этот водки не пьёт, прежний на пианино играл, что привёз из города учить детей музыке, а до этого был пожилой, так всё крестьян рисовал на материале красками. Учёные люди – их не поймёшь.

Увидев, что учитель отказался от выпивки, хозяйка тотчас убрала бутылку с водкой обратно в шкафчик, а на возражение мужа, напомнила ему, что в прошлый раз он с урядником выкушали штоф водки и потом пели песни на всё село и чуть не подрались: то-то стыда было бы обоим от общества: – Ведь власть, а не забулдыги какие-то подзаборные, – объяснила она новому учителю.

Закончив обед, староста перекрестился на образа и пошёл устраивать учителя на квартиру при школе. Кучер на коляске ехал сзади. Встречные крестьяне ломали шапки перед старостой, интересуясь, кто с ним рядом, и Тимофей Ильич каждый раз объяснял, что это новый учитель приехал, будет жить при школе и учить детишек.

Когда подошли к школе, наверное, пол села знали уже о приезде учителя: молодого и холостого.

Школа оказалась почти такой, как и в отцовском селе Ивана, где он начинал свой курс обучения у первого своего учителя – тезки, как тот объяснил на первом уроке.

Староста отпер замок ключом, который захватил из дома, прошёл коридором и отпер другую дверь – уже в учительское жильё, которое состояло из двух комнат и кухни с русской печью. В квартире было чисто и пусто. Столы, шкафы и табуреты остались на своих местах: увозить мебель, сделанную местным столяром, было дороже, чем купить новую. В одной из комнат была широкая деревянная кровать без матраса.

– Железные кровати с панцирной сеткой, стулья венские, прежний учитель увёз, как и перину с этой кровати: то вещи все дорогие были, а деревяшки остались.

Я дочкам дам задание, они матрас набьют сеном душистым и мягким нынешнего укуса и к вечеру подвезу его на лошадёнке, – сказал староста.

Кучер занёс два чемодана Ивана в горницу и, откланявшись, поспешил с отъездом.

– Проеду дотемна, сколько получится, в коляске вздремну, и конь попасётся на лужайке, а поутру в путь и к полудню буду дома, – объяснил кучер своё поспешание и отбыл с наказом передать Петру Фроловичу, что сын его устроился на новом месте вполне благополучно.

Староста тоже удалился давать дело дочерям насчёт матраса, а Иван принялся распаковывать чемоданы и раскладывать вещи по шкафам, благо, что вещей этих было немного. Закончив с вещами, он пошёл осматривать свои владения.

В классе стояли три ряда парт, за которыми могли расположиться около пятидесяти учеников. В углу стоял шкаф с учебниками, что были куплены за счёт общины и потому оставались в школе. Бачка с водой в коридоре не было, а стояла деревянная лохань с ковшом для питья.

В квартире на кухне валялась кое-какая посуда глиняная, пара чугунков с отбитыми краями и несколько деревенских пиал и кружек, выточенных из цельного дерева. Из коридора дверь вела на веранду, а с веранды был выход в огород, что примыкал к школьному двору, отделяясь от него ивовым плетнем. Огород чьими-то стараниями был засажен картошкой, которая обещала хороший урожай через месяц. В глубине огорода виднелась небольшая банька, где учителя с домочадцами мылись и парились для чистоты тела, а душу очищали в церкви, что располагалась неподалёку от школы, на соседней улице. Во дворе школы был колодец с воротом, но без верёвки и ведра.

– Вот и все владения мои на ближайший год-два, – с грустью подумал Иван. – Одиноко мне будет здесь и скучно, но надо привыкнуть, показать себя в деле учительском, а там, если Бог даст, продолжу учёбу в институте, если скоплю деньжат на учёбу: отца и тётку просить не буду, хватит сидеть у них на шее, пора самому себя содержать, уже двадцать лет стукнуло.

К вечеру приехал староста на бричке и сгрузил матрас, набитый сеном.

– Вот, Иван Петрович, вам перина пуховая, мои дочки постарались, чтобы вам мягче спалось. – Может, ко мне переберётесь, пока обживаться будете? – предложил вновь староста, но Иван отказался.

– Не смею вас обременять, Тимофей Ильич, по пустякам, но если по делу, то всегда обращусь за содействием, – отговорился Иван, и, подхватив матрас, оказавшийся неожиданно лёгким, понёс его в дом. Простыней у него тоже не было, и свою первую ночь он провёл на сенном матрасе без простыни, одеяла и подушки, благо ночи стояли ещё тёплые.

Поутру, проснувшись, Иван сожалел, что отказался от приглашения старосты. Сено, которым был набит матрас, ещё не обмялось и кололось через холст, из еды оставалась пара пирогов с ливером, что дала ему в дорогу Фрося, и даже чаю попить было невозможно по причине отсутствия самовара.

Съев пироги и запив их холодной водой, добытой с трудом из колодца, Иван решительно отправился к лавке, что видел вчера по дороге, чтобы начать устраивать свой быт покупкой необходимых предметов обихода и кое-какой снеди для пропитания. Деньги на обустройство ему выдали в уезде вместе с направлением на работу в это село.

Вообще-то бытовые заботы учителя должна обеспечивать сельская община, но Иван решил не начинать свою работу здесь с просьбы и требования.

Лавочнику, который приветливо встретил его в магазине, уже зная, что это Иван Петрович, новый учитель, Иван выставил целый список вещей и товаров, что ему необходимы, начиная от самовара и посуды и кончая хлебом, чаем и сахаром. Многого из потребного в лавке не оказалось, но лавочник обещал прислать отсутствующее, закупив товар у других торговцев.

Скоро подъехала телега с покупками, Иван с помощью лавочника занялся разгрузкой, а потом и обустройством, прерываясь лишь на перекус хлебом с ветчиной и сыром и запивая всё чаем из самовара, что приобрел в первую очередь и сам принёс из лавки, шагая по селу с самоваром на удивление сельчан.

Целая неделя ушла у Ивана на обустройство своего жилища. Он и не представлял раньше, сколько всяких мелочей должно быть в доме, чтобы всякий раз не бежать в лавку за недостающим. Вместо сенного матраса лавочник, по заказу, привёз из Орши ватный матрац с пуховой подстилкой, ватное одеяло, пуховую подушку, полотенца и коврики на пол, – всё, чего не оказалось в сельской лавке.

В субботу, к вечеру зашёл староста, осмотреть, как новый учитель обустроился при школе, остался доволен хозяйственностью Ивана и пригласил его на воскресный обед к себе в гости.

– Будет ещё урядник с семьёй, мы по переменке ходим друг другу в гости, и вы, Иван Петрович, как новый и одинокий человек в нашем обществе. Гляжу, хозяйством вы обзавелись, но, чтобы им управлять, нужна женская рука: я вам пришлю вдовую молодку, чтобы готовила, стирала и убирала вашу квартиру за небольшую плату, что вы ей назначите. У нас любая плата считается хорошей, а уж сколько вы положите, – ваша воля.

– Три рубля в месяц хватит? – наугад предложил Иван свою цену.

– Помилуй Бог, Иван Петрович, да за три рубля я сам у вас хозяйствовать буду: в деревне это большие деньги, тем более для вдовы, живущей в приживалках у свёкра: мужа прибило деревом при заготовке дров, а ей деваться некуда, поскольку из дальней деревни, и там у родителей жила в тесноте. За такие деньги свекор ею помыкать перестанет, и сыночка

своего она к вам в школу запишет, если, конечно, эта женщина придётся вам ко двору. Мне, как старосте, порядок нужен на селе, чтобы люди других не обижали, потому я и присмотрел вам, Иван Петрович, эту женщину, что бесправная она вдова, при ребёнке и в приживалках.

Порешили, что в понедельник, с утра женщина придёт показаться учителю и сговориться о работе по дому. Староста ушёл, а Иван продолжил обустраивать жильё, как мог: опыта такой работы у него до сих пор не было, и многое приходилось угадывать или откладывать по неумению.

На следующий день Иван пришёл к старосте на обед по приглашению. Тимофей Ильич по случаю приоделся в рубашку с пиджаком, жена его, Евдокия, нарядилась в суконное платье, а две черноволосые дочери бегали по дому в ярких ситцевых платьях, похожие на диковинные заморские цветы, картинки которых Иван видел в учебниках.

Подошёл и урядник в белом полицейском кителе с погонами унтер-офицера с женой и двумя дочками на выданье: русоголовыми и с голубыми глазами – такими же, как и левый глаз Ивана. Все познакомились, но Иван тотчас забыл их имена, кроме хозяина: таково было свойство его памяти – забывать имена или путать с другими, но всегда помнить лица, даже случайного знакомого, через годы.

За обедом Тимофей Ильич рассказывал о сельских новостях, вводя Ивана в курс сельской жизни, урядник говорил об обстановке в волости после прошлогодних мятежей и погромов в еврейских местечках и в Орше, где как раз начинался суд над погромщиками.

Хозяин подливал себе и уряднику водки из графинчика, а Ивану предлагалось вино, специально купленное по заказу в уезде. По мере того, как графинчик пустел, разговоры мужчин становились громче, Иван, слушая хозяев, изредка делал глоток вина из бокала, а четыре девушки украдкой поглядывали на учителя и шушукались между собой, изредка заливаясь беззаботным смехом.

Стол ломился от блюд: запечённая курица, пироги и расстегаи, селёдка, жареные караси, картофель, запечённый с кожурой в сале, грибки солёные и огурцы, зелень из огорода, сало шпик и копчёный окорок и это, не считая вкуснейшего борща, которым потчевала хозяйка в начале обеда.

Иван немного стеснялся новых знакомых, особенно девушек, чувствуя себя словно на смотринах под озорными взглядами девиц. Заметив их озорство, Евдокия удалила девиц из-за стола: – Идите во двор и там смешите себя, а здесь старшие пусть поговорят спокойно о делах и заботах, – напутствовала она девиц, видя, что учитель им понравился, как и ей самой, и намереваясь об этом поговорить с мужем в вечерней постели, исполнив женские обязанности: после застолий с выпивкой, Тимофей Ильич всегда, ложась спать, помогался жены, и, удовлетворив свою плоть женщиной, как до этого желудок водкой, спокойно засыпал до самого утра, иногда всхрапывая во сне, как норовистый конь перед кобылой.

Закончив обед, мужчины поговорили о том, о сём, допили графин водки, а Иван, допив свой единственный бокал вина, сослался на дела по обустройству и, поблагодарив хозяев за гостеприимство, вышел из дома. Девицы, которые сидели во дворе на лавочке и лузгали семечки, оживлённо переговариваясь, разом смолкли, увидев учителя, и, вскочив с лавочки, присели в полупоклоне, прощаясь с гостем.

Иван, сказав «до свидания», задержал взгляд на старшей дочери старосты, которая смотрела ему глаза в глаза, слегка покраснев от собственной смелости. Иван почувствовал, как глубина этих серых глаз завораживает его, вызывая в душе смятение и неодолимое желание подойти, обнять девушку и заглянуть через глаза в самую глубину её души, что видимо и есть любовь с первого взгляда. Её звали, кажется, Татьяна, и этот смелый взгляд, обжигая, призывал к смелости и мужчину, которому предназначался. Быстро отвернувшись, Иван торопливо вышел со двора и пошёл вдоль улицы, чувствуя спиной устремлённые ему вслед взоры девиц.

– Смотрины прошли успешно, – только непонятно кто кого высматривал: я девиц или девицы меня. Но надо быть осторожнее: подашь девушке надежду, она скажет отцу, и, пожалуйста, женитесь, господин учитель, в свое удовольствие и по сельским обычаям. Плакала тогда моя учёба в институте. А Татьяна эта и вправду хороша: необычного вида для здешних мест, да и в городе она будет весьма заметна своей дикой красотой, наследованной по отцу от давних предков-степняков. Может её прадеды нападали на Киев или Москву, а сейчас Татьяна напала на меня, своим дерзким взглядом давая понять, что она меня выделила из окружающих и желает более близкого знакомства.

– Нет, нет, не буду пока посещать старосту, чтобы не поддаться юношеской страсти взамен здравому рассудку, – решил Иван, направляясь к школе и раскланиваясь с встречаемыми сельчанами, которые уже все знали, что это новый учитель.

Утром понедельника, когда Иван ещё валялся в кровати на пуховой подстилке поверх ватного матраса взамен сеного, что он снёс в сарай и намеревался вернуть старосте, да не успел, в дверь осторожно постучали. Он вскочил, набросил халат, вышел в сени и отворил дверь, которая, как всегда, была не заперта. На крыльце стояла молодая женщина: русая, голубоглазая, с хорошей фигурой, угадывающейся под неказистым платьем.

– Я от старосты, Тимофея Ильича, – сказала женщина, смущённо отводя взгляд от босых ног Ивана. – Он приказал зайти к вам насчёт работы.

– Да, да, он давеча говорил, что пришлёт мне в помощь вдову, но я не ожидал вас видеть так рано, и прошу извинить меня за столь фривольный вид, – ответил Иван. – Подождите немного здесь, на веранде, я приведу себя в порядок, и мы поговорим о деле. Женщина прошла на веранду и присела на табурет в уголке, а Иван быстренько умылся, оделся и через несколько минут вышел уже в приличном виде.

– Как вас звать изволите? – спросил Иван, уже внимательнее присматриваясь к женщине, которая ему положительно нравилась. Впрочем, последнее время, почти все молодые женщины ему стали нравиться: учёба закончилась, началась самостоятельная жизнь, и его здоровое мужское тело требовало женщины, потому они, почти все, и казались Ивану привлекательными.

– Зовут меня Ариной, мне 26 лет, вдовая, ребёнку семь лет, живу у свёкра, Антона Кузьмича, который доводится сродным братом нашему старосте, – отвечала Арина, тоже приглядываясь к учителю, который в одетом виде показался ей порядочным человеком.

– Мне, Арина, нужна помощница по хозяйству: готовить пищу, содержать дом в чистоте, ходить в лавку, постирать и прочие женские дела. Скоро начнутся занятия в школе, и мне некогда будет заниматься этим, да, признаться, я и не умею вести хозяйство как следует. Платить я буду три рубля в месяц, как сказал старосте, ну и кушать вы можете здесь же. Целыми днями находиться при мне необязательно: сделали дела и можете идти домой, завтрак и ужин я сам спроворю, обед желательно подать на стол, а все остальные дела по вашему усмотрению, лишь бы в доме были порядок и чистота. Если устраивают мои условия, то можете приступать немедленно, и задаток могу дать, но окончательно сговоримся через неделю, а пока я буду присматриваться к вашему умению и сноровке.

Когда Иван назвал три рубля платы за ведение хозяйства, Арина удивленно вздрогнула: это были большие деньги в деревне даже для мужика-хозяина двора, а для бедной вдовы и вовсе показались богатством.

– Пожалуй, я сразу возьмусь за дело, Иван Петрович, утром понедельника в самый раз начинать новое дело, – так мне муж покойный, царствие ему небесное, говорил, – ответила Арина, беспокоясь, как бы, кто другой не перехватил эту чрезвычайно выгодную работу.

– Откуда же вы знаете, как меня зовут? – удивился Иван.

– Так всё село, почитай, уже знает вас, Иван Петрович, и в лицо, и по имени-отчеству, – ответила Арина. У нас так на селе: появился новый человек и дня через два уже всем

известно, кто он, откуда и зачем объявился на селе – бабы быстро разносят новости по дворам, да и мужики от них не отстают.

– Показывайте мне ваши домашние припасы, чтобы сообразить, что приготовить на обед. Должна признаться, что разносолы всякие я готовить не умею, вернее сказать не пробовала: мы крестьяне, и нам не до разносолов в еде, а лишь бы быть сытыми. Но я грамоте обучена и могу по книге приготовить блюдо: есть такие книги, я у жены урядника видела, где написано, из чего и как можно приготовить яство. Свекровь говорит, что у меня рука лёгкая и еда получается вкусной.

– Да у меня, собственно, и припасов-то никаких нет, – ответил Иван, – питаюсь всухомятку и из лавки: окорок, сыр, масло, хлеб, яйца – под чай эта еда идёт неплохо. Вы уж сами, Арина, сходите в лавку и купите, что нужно. На обед хотелось бы борща, наподобие того, что вчера старостиха потчевала. Вот, Арина, три рубля, ассигнацией: два рубля на продукты и рубль задаток за вашу работу и действуйте по своему усмотрению, а я позавтракаю и пойду по дворам обход делать насчёт учеников в школу. Скоро занятия, и надо определиться, сколько детей будет учиться.

Арина, действительно, оказалась легка на работу по дому: не успел Иван оглянуться, как она растопила плиту и зажарила на завтрак яичницу с ветчиной, что нашла в припасах на кухне.

Иван с удовольствием позавтракал и пошёл по своим школьным делам по селу, оставив новую прислугу хозяйствовать на дому.

Подворный обход села Иван начал прямо от школы по главной улице в правую сторону. Постучав в первую калитку ближнего двора, Иван дождался выхода хозяйки из дома, представился новым учителем в школе и спросил, есть ли в семье малые дети после семи лет и если есть, то будут ли они, по желанию родителей, учиться в школе. Хозяйка ответила, что дети такие есть, но учиться в школе им ни к чему – так они решили с хозяином.

– Пусть приучаются к крестьянскому труду, а не протирают штаны в школе. Старший сын год проучился в школе, грамоту понимает и этого достаточно. Дочкам и вовсе нужно учиться не грамоте, а женским делам по дому.

Ни с чем Иван посетил ещё три двора и, наконец, в четвёртом доме, из которого вышел хозяин, а не женщина, ему удалось записать в школу на второй год обучения мальчика десяти лет. С таким результатом он и вернулся домой к обеду.

Арина, быстро освоившись, уже сходила в лавку, прикупила овощей у соседей и сварила наваристый борщ с курицей, поскольку разжиться мясом не удалось: время забоя скота ещё не наступило, и летом на селе мясо было в большой редкости – если телок или свинья повредили ногу, провалившись в погреб или какую яму, тогда их забивали, а мясо везли в город на продажу, если местные лавочники не желали его покупать.

Кроме борща Арина отварила молодой картошечки и заправила её топлёным салом со шкварками.

Всё оказалось вкусным, в доме Арина успела навести чистоту и порядок, и Ивану определённо повезло с домработницей. – Оставляю её и без испытанья, – подумал он, поблагодарив Арину за обед, – глядишь, и по женской части может получиться, как у отца с Фросей, – мелькнула мысль при виде ладной фигуры женщины.

– Однако надо выкинуть эти мысли из головы. Отец стар и живёт на отшибе, а мне никак нельзя прелюбодействовать со служанкой или ещё с кем: сразу пойдёт молва по селу и общество меня осудит, а то и вовсе дадут отставку распутному учителю.

Иван ещё раз, с сожалением, взглянул на молодайку Арину, что возилась с уборкой на веранде, и прошёл к себе в кабинет обдумать про набор учеников в школу. Однако сытный обед разморил учителя, он прошёл в спальню, и, не раздевшись, лег на кровать поверх одеяла и быстро заснул здоровым сном сытого молодого человека.

Проснувшись, он попил чаю и решил снова пройти по селу с переписью учеников: ближе к вечеру хозяева семейств должны быть дома, и с ними обстоятельнее решать вопросы обучения их детей – так думал Иван и оказался прав.

Действительно, мужчины более обстоятельно относились к судьбе своих детей, чем их матери, и, понимая необходимость грамотности, особенно, если сами были неграмотны, прикидывали так и сяк возможности обучения детей, соглашаясь чаще, чем жёны, с записью в школу. Иван тоже более обстоятельно объяснял пользу обучения, налегая на то, что учёба-то будет проходить осенью и зимой, когда крестьянской работы мало и отпуск детей в школу не повредит домашним делам, а само обучение бесплатно и учебники за счёт общины.

Набор рекрутов в школу пошёл успешнее и к ужину Иван возвратился с записью о пяти учениках, из которых трое были записаны впервые, а двое продолжали обучение на второй и третий год.

Арина закончила уже уборку во всём доме, и жилище учителя засверкало чистотой и порядком, а на стол к ужину были поданы жареные караси, купленные у рыбаков, а также свежий творог со сметаной и блины, затворенные на молоке.

– Иван Петрович, на сегодня я работу закончила и побегу домой к дитю, а завтра приду также рано, как сегодня, – объяснила служанка.

– Можешь не торопиться с утра. Завтракаю я по своему усмотрению и без вас, Арина, управлюсь, – возразил Иван. – Старание ваше мне по нраву, и вот вам рубль: купите ситцу на платье и пошейте, чтобы здесь по дому не трепать вашу одежду, – сказал Иван, подавая Арине ещё один рубль серебром. Одежды служанки ему, конечно, не было жалко, но хотелось увидеть Арину в лёгком платье-сарафане, не скрывающем женских прелестей.

III

Всю неделю Иван ходил по селу, выискивая учеников в школу, и к воскресенью уже имел солидный список из полусотни крестьянских детей, которых родители согласились отдать в учение.

А в воскресенье он был приглашён на обед к уряднику, с которым встретился, обходя село.

– Вижу ваше усердие, Иван Петрович, в поисках учеников, и весьма доволен слухами о новом учителе, – сказал урядник, Петр Прокопович, толстый, низенький полицейский, вытирая полотняным платком вспотевшее лицо морковного цвета.

Прошу пожаловать ко мне на обед в воскресенье: будет староста с семейством и волостной старшина – наш со старостою начальник, да и ваш тоже – полезно будет познакомиться. Хотя просвещение и школы и идут по другому ведомству, но от старшины зависит выделение средств на содержание школы, так что будьте предупредительны к нему. Наш старшина любит почитание и уважение к себе. Он будет один, без семейства, которое уехало погостить к тестю. Кстати, младший сынок старшины будет учиться у вас на втором году, вы уж будьте повнимательнее к мальчонке – учёба даётся ему с трудом по причине нездоровой головы.

На том и договорились.

В субботу, к вечеру, Иван отпустил Арину до понедельника, сказав, что обедать будет у урядника. Арина поблагодарила и ушла, покачивая крутыми бедрами и высокой грудью, выпиравшей из ситцевого, василькового цвета платья, которое она успела пошить на подаренный рубль.

Иван даже сожалел, что дал денег на платье: в нём молодайка Арина была ещё привлекательнее мужскому глазу Ивана, мучившегося одиночеством так сильно, что на неделе, ночью ему приснился сладостный сон в объятиях девушки, похожей на дочку старосты, Татьяну, и проснулся он от семяизвержения, вызванного этим сном. Пришлось встать и

замыть кальсоны под рукомойником, чтобы не оставить следов на простыне и не вызвать этим тайную усмешку у служанки, когда она будет стирать его бельё.

На обед к уряднику Иван пришёл в этот раз пораньше. Приглашение к трём часам пополудни означало, что в этот час гости усаживаются за стол, но деревенский этикет требовал предобеденных разговоров гостей на местные темы, потому-то Иван и пришёл пораньше.

Пока хозяйка с дочерями хлопотали в гостиной, подавая на стол, гости расположились на веранде. Староста отпустил дочерей за ворота дома, наказав не уходить далеко, и на веранде остались лишь взрослые. Волостной старшина, по имени Акинфий Иванович, худой высокий мужчина, рано облысевший, с невыразительным взглядом водянистых глаз и рыжеватой бородой, седой у подбородка, завёл разговор об уплате податей в казну сельскими общинами, и что он опасается за их полный сбор. Урожай выдался нынче средний, да к тому же новый министр Столыпин затекает какую-то земельную реформу и многие зажиточные крестьяне будут тянуть с уплатой податей, надеясь на грядущие изменения. Староста и урядник почтительно слушали Акинфия Ивановича, поддакивая ему время от времени. Закончив обсуждение государственных дел, старшина обратился к Ивану:

– Наслышан о вашем усердии, господин учитель, в наборе рекрутов на обучение грамоте, только считаю, что грамота тутошним крестьянам лишь во вред. На земле хозяйствовать – грамота не нужна, а есть какая надобность в письме, так мой писарь Прошка составит бумагу в лучшем виде за кусок сала или курицу.

Прошлогодние волнения показали, что смута идёт через грамотных работных людей и крестьян, читающих крамольные газеты и не понимающих вреда от этого чтения. Раньше я, старшина, старосты сёл, да попы объясняли народу, что, да как, а теперь газеты или того хуже прокламации крамольные по рукам ходят и вносят смуту в головы людей. Так что, Иван Петрович, вы особенно не усердствуйте в обучении: читать научатся ваши ученики и довольно, а письма не надо.

– Как можно не учить письму – есть программа обучения, и я должен её выполнять: может и уездный смотритель школ приехать и проверить успехи моих учеников, – возразил Иван.

Старшина досадливо поморщился: – И то верно, приказы начальников надо выполнять, иначе порядка в стране совсем не будет, но и усердствовать не надо. Прежний учитель так и делал: учил, как положено, но если ученик не осваивал письмо, то списывал это на несмышление крестьянское, и уездное начальство это понимало. Вот и вы, Иван Петрович, так и поступайте, тогда и волки будут сыты, и овцы целы, как гласит народная мудрость.

Разговор прервала хозяйка, пригласив гостей за стол. Обед прошёл в том же составе участников, что и неделю назад у старосты плюс волостной старшина. Да и блюда на столе примерно в том же ассортименте. Правда, уряднику по делам приходилось ездить по окрестным деревням и местечкам, а потому на столе появились жидовская колбаса и жаркое из баранины, что урядник привёз из своих вояжей.

Старшая дочь старосты, Татьяна, сидела напротив Ивана, и временами он ловил на себе быстрый взгляд её миндалевидных серых глаз, который она тотчас отводила, как только встречалась с ответным взглядом разноцветных глаз учителя.

Мужчины пили водку, налегали на еду и, раскрасневшись от выпитого и съеденного, продолжали разговоры: о губернских новостях и известиях из столицы, об уездных интригах, что было девицам неинтересно слушать, и они, прихватив сладкого печенья, испечённого на меду женой урядника, выскочили из-за стола во двор, чтобы обсудить свои заботы и девичьи мечты, в которых важное место отводилось и новому учителю с разноцветными глазами.

Обсуждение девиц свелось к спору: разные глаза у одного человека – это от Бога или от чёрта? Так и не решив спора, дочери урядника и дочери старосты решили спросить об этом у приходского священника после воскресной службы в следующий раз.

Иван, не участвуя в выпивке и удивив этим волостного старшину, попивал глотками домашнее вино из вишни, что приготовила ему урядница, и внимательно слушал споры гостей за столом: это была верхушка села, с ними ему предстояло жить и ладить и, следовательно, надо было изучить их мысли, привычки и нравы, чтобы в дальнейшем не сотворить какой-либо промах при общении.

Впрочем, и староста, и урядник, судя по всему, уже видели учителя в своих зятях, и Ивану следовало ещё более быть осторожным в общении с их дочерьми, чтобы не дать родителям повода к женитьбе, но и не оскорбить их быстрым отказом в женитьбе на одной из дочерей.

Захмелевшие сельчане горячо обсуждали предстоящую земельную реформу в России, затевавшуюся новым министром Столыпиным. Принадлежа сами к верхушке крестьянства, гости за столом поддерживали начинания нового Председателя правительства, надеясь прихватить себе куски общинной земли в собственность пожирнее.

– Говорят, что с осени, после уборки урожая, и начнется аграрная реформа, по которой крестьяне смогут взять в собственность общинную землю, на которой хозяйствуют, – говорил старшина. – Нам здесь тоже надо подготовиться к этой реформе и перераспределить осенью земли так, чтобы хорошие наделы остались за нами и другими добрыми хозяевами, а голь перекатная пусть на неудобьях хозяйствует – всё равно пропьют эту землю.

Иван, не понимая в сельском хозяйстве, лишь слушал речи присутствующих, все более распалявшихся от выпитой водки, за которой охочим оказался и старшина.

Закончив обсуждение дел, гости закончили и обед. Хозяйка поставила самовар, пригласила со двора девиц, и обед продолжился чаем со сладостями, испечёнными хозяйкой на меду, что привёз урядник из ближнего села.

Девицы снова строили глазки Ивану и шушукались между собой, и Иван, как и в прошлый раз, отклонялся из гостей пораньше, ссылаясь на неотложные дела по подготовке к занятиям, до которых оставалась лишь неделя.

Староста не преминул заранее пригласить Ивана к обеду в следующее воскресенье: – Приходите, непременно, Иван Петрович, – сказал староста, – дочкам нашим веселие, когда вы в гостях: что им с нами, старыми, чай гонять, а с вами им и чаёк слаще кажется. И ещё будет батюшка наш, Кирилл, настоятель прихода. Вам, Иван Петрович, непременно надо с ним пообщаться: он семинарию духовную кончал когда-то, и любит научные разговоры вести. Вы будете говорить между собою, а мы, грешные, послушаем умные речи, может, что и дельное для себя услышим, – закончил староста, провожая Ивана до калитки двора.

Через пару дней Иван навестил священника Кирилла в храме, куда зашёл поставить свечу поминальную о своей матери Пелагее. Он собирался это сделать сразу по приезду, но завертелся домашними делами и подготовкой к занятиям, и вот, в свободный день решил исполнить сыновний долг.

Днём в церкви никого из прихожан не было, и Иван в одиночестве поставил свечу, что купил в церковной лавке у служки. Поставив свечу, он трижды перекрестился на образа иконостаса, пытаясь вспомнить лицо матери, но так и не вспомнил. Он, малолетним лишившись матери, помнил лишь несколько прикосновений материнских рук и её голос, но не её лицо, которое в воспоминаниях представало размытым пятном в обрамлении длинных русых волос, закрученных в узел на затылке.

В полумраке церкви было тихо и пусто. Жизнь осталась там, за входом, а здесь Иван был единственным человеком в окружении сонма икон и образов божьих на стенах храма.

– Что есть Бог, и есть ли он на самом деле? – думал Иван неспешную думу в тишине храма. – В наш просвещённый век вера в Бога – удел малограмотных людей, а остальные, как и я, лишь отдают дань традиции посещения церкви и всем связанным с этим ритуалам церковных служб. Вот и я зашёл сюда не по влечению внутреннему души, а по обычаю ставить свечи в память об умерших. Мать моя жива в моей памяти моими мыслями, а не божьей волею, тем более, что воля божья довольно часто бывает жестока к людям хорошим и благосклонна к подлым и низким людишкам. Но хватит в церкви размышлять о Боге – здесь надо исполнять обычаи и молиться: искренне или напоказ, что я и делаю, вспоминая свою мать Пелагею, царство ей небесное!

Сзади, неслышно, подошёл батюшка Кирилл и, положив руку на плечо Ивану, тихо сказал:

– Наконец-то наш новый учитель посетил храм. Я было подумал, что вы вообще не посещаете храм и удивлялся: как можно учительствовать, не веруя в Господа?

– Извините, батюшка, замотался делами с переездом, минуты свободной не было, вот и не заходил в храм. Хотя и считаю, что Бог должен быть в душе человека всегда, а не только в минуты посещения церкви. Здесь, в церкви, осуществляется обряд поклонения Богу прилюдно, напоказ, и отличить истинно верующего от притворца в церкви невозможно. Как говорится в Евангелии, Господь сказал: «И по делам судите их», так и людей надо оценивать не по словам и частым посещениям церкви, а по поступкам и поведению вне церкви. Впрочем, не след вести праздные разговоры в храме, если угодно, батюшка, выйдем во двор и поговорим там о мирских делах, особенно о школе нашей.

Иван снова перекрестился и направился к выходу. Чему-чему, а поведению в храме и напускной набожности на учительских курсах учили тщательно, чтобы поведение учителя было примером набожности для учеников, особенно для крестьянских детей, семьи которых почти всегда отличались искренней набожностью, к которой их вынуждали нищета и беспросветность обыденной жизни. Может там, в вечности загробной жизни, они будут счастливо, беззаботно быть в райских кущах, если здесь, в своей земной юдоли, заслужат божьего благословения.

В церковном дворе на начинающих желтеть берёзках тенькали синички, перебравшиеся из лесов к людскому жилью, не дожидаясь близкой уже непогоды и холодов. День был тихий, солнечный и тёплый. Ещё жужжали шмели, выискивая остатки нектара в цветках лопухов, пролетали какие-то букашки, торопясь напоследок насытиться и потом спрятаться в расщелине берёзовой коры и уснуть там до будущей весны, но маленькие паучки уже выпустили серебристые паутинки и летели на них вдаль, как переселенцы в поисках земли обетованной. Природа делала свои последние летние приготовления к осени и долгой зиме.

Батюшка Кирилл вышел из церкви следом за Иваном и добродушно щурился на солнце, подставляя лицо и окладистую бороду нежарким уже солнечным лучам.

– Так что вы, Иван Петрович, хотели сказать о вашей школе? – спросил священник учителя, оглаживая и расправляя бороду.

– Откуда вы знаете моё имя-отчество? – вновь удивился Иван.

– Как не знать, если две мои старшие дочери с самого вашего приезда только и говорят, что о новом учителе: молодом и холостом. Они у меня на выданье уже и интересуются всяким приезжим в село: вдруг это их суженый будет. У меня шесть дочерей, а сына Бог не дал. Был бы сынок, он бы сменил меня, если бы стал священнослужителем, тогда и дочки мои остались бы при нём, если бы Бог меня призвал к себе. Но сына нет, и печалюсь я о судьбе моих дочерей.

Замуж за простого крестьянина им негоже выходить, а других женихов здесь не водится. Я уже и всем знакомым священникам по епархии письма слал: может у них сыновья поженятся с моими дочками, но пока результатов нет. Иначе дочкам моим один путь – в

монастырь, если со мной несчастье произойдёт. Епархия, конечно, пенсион назначит моей матушке и дочерям, но только до совершеннолетия. В таких мыслях о мирских своих заботах и службу веду, – откровенничал батюшка Кирилл с молодым учителем, – видно сильно досаждали ему мысли о судьбе своих дочерей.

– И что это мы с вами, Иван Петрович, во дворе беседу ведём? – спохватился батюшка. – Пойдёмте ко мне в дом, чайку душистого с медком и блинчиками попьем, там и обсудим ваши заботы о школе, – пригласил отец Кирилл учителя, и Иван не стал отказываться.

Дом священника стоял рядом с церковью и духовник с учителем на глазах редких прохожих прошли по улице, отвечая на их поклоны: учитель наклоном головы, а духовник благодатным перекрестием. Дом священника оказался больше, чем предполагал Иван, потому что длинной стороной уходил от улицы, на которую смотрели только четыре окна, тогда как во двор выходило восемь окон и ещё четыре глядели в соседний двор. Попадья встретила их на крыльце и по кивку мужа пригласила их в гостевую комнату, принявшись хлопотать у самовара.

Священник предложил Ивану место у стола, и лишь только учитель присел, как в комнату вбежали две девушки и что-то начали шептать отцу, украдкой поглядывая на гостя.

– Видимо, это и есть дочки на выданье, – догадался Иван. – На вид хороши неброской русской красотой, с хорошей статью, и жаль будет их, если придётся идти им в монастырь, – подумал Иван, разглядывая девушек, но не пристально, а мельком, чтобы не смущать их девичьи души и сердца, ждущие любви плотской, ибо духовной и родительской любви у них, судя по всему, было в достатке.

– Это мои старшие дочки, Маша и Даша, а младшенькая – Наташа, будет учиться у вас, Иван Петрович, в вашей школе, потому я и ждал вашего визита, чтобы уговориться об её учёбе: вы по дворам села прошли, но в мою обитель не заглянули и не записали мою Наташеньку в класс. Будьте добры, сделайте это теперь же, не мешкая, а я попрошу старших дочерей пригласить младшую вам на показ, – сказал священник, и девушки скрылись за дверью, чтобы через минуту показаться вновь с младшей сестрой, которая на удивление Ивана оказалась черноволосой со жгучим цыганским взглядом карих глаз.

– Вот Бог послал нам с матушкой напоследок чернявенькую дочку, – засмеялся священник, увидев удивление учителя. – Мой-то батюшка тоже был чернявый, но порода жены моей Евдокии оказалась сильнее, и лишь напоследок масть отца моего победила женскую породу, и Наташа оказалась чернявой.

Правда, я надеялся на сыночка, но на всё Божья воля, и если старшие дочери отыщут суженых и разъедутся, то младшая ещё долгие годы будет с нами скрашивать нашу старость, – пояснил священник. Аккурат с его словами в комнату вошла попадья Евдокия: дебелая женщина, повязанная ситцевым платком, скрывающим её голову и оставляющим открытым только лицо, похожее на лик Богородицы с иконы, стоявшей на столике в углу комнаты в окружении других икон святых, пристально вглядывающихся из-под своих окладов на учителя Ивана.

Матушка Евдокия поставила на стол стопку блинов на блюде, плошки с мёдом и сметаной, за ней вновь вошли старшие дочери с посудой в руках, и через минуту стол был уставлен снедью, что Бог послал священнику в этот день.

– Кушайте, Иван Петрович, – потчевал гостя отец Кирилл, вам в одиночестве не до разносолов, а у меня в доме целых шесть хозяек подрастает, так что сготовить и собрать на стол для них одно удовольствие.

– У меня тоже есть теперь домработница, – возразил Иван, – староста прислал женщину, Ариной звать, она уже навела мне порядок.

– Знаю эту женщину вдовую, – вздохнул отец Кирилл, – живёт с мальчонкой у свёкра, потому что деваться ей некуда. Вы уж, Иван Петрович, не обижайте вдову: набожная она женщина и нрава кроткого.

– Как можно служанку обижать? – удивился Иван, – у моего отца служанка больше десяти лет живёт и никаких обид не видит. Потому что не дворянское это дело – людей низкого звания обижать, – продолжил Иван и замолчал в смущении, вспомнив супружеские отношения отца с Фросей и переключив внимание на блюда.

Блины с мёдом оказались вкусны, чай у священника был ароматен и горяч, и к концу трапезы Иван размяк от удовлетворения, молча слушая священника о падении нравов людей села и в стране, что выразилось в прошлогодней смуте в Москве, в Петербурге и других городах, и даже в уездной Орше. За разговором учитель чуть было не забыл о цели своего визита в церковь.

– Хотел посоветоваться, батюшка, насчёт школы. Занятия должны начаться на Покров, но я хотел начать раньше – на Богородицу, чтобы и самому наловчиться, и школяров, что придут, немного подучить. С полным классом в пятьдесят учеников и более мне сразу трудно будет справиться, а десять-пятнадцать, что придут раньше, вполне по силам: мне урок, и всей школе потом польза будет. Как вы смотрите на мою затею, отец Кирилл? – высказал Иван свою задумку.

– Весьма почитаю ваше, Иван Петрович, усердие по службе и, если это вам на пользу, то препятствий никаких не вижу. Но крестьянским детям ваше рвение без пользы: им грамотность нужна совсем малая – прочитать псалтырь, да подписать на казённой бумаге поставить. Многие из них после школы за 2-3 года совсем письмо забывают: за сохой ходить грамота не нужна. А вы, Иван Петрович, делайте как нужно вам, я и дочку Наташу пришлю на уроки – чай ей тоже сподручнее начать учёбу будет, когда в классе учеников немного: она у меня стеснительная. Если решите начать уроки раньше положенного срока, то и я Закон Божий начну читать ученикам раньше, а если буду занят делами, то дьячка своего пришлю уроки вести. Только сообщите мне заранее о своём решении, – высказал поп своё отношение к планам учителя.

Иван спохватился: – Что-то я засиделся у вас, батюшка, а ведь впереди день, и много ещё дел задумано, так что позвольте мне отбыть по делам и спасибо за угощение, – сказал учитель, вставая и откланиваясь хозяйке, которая молча слушала разговоры мужчин, выпивая, видимо, уже шестую чашку чая.

– Думаю, что не задержится он в селе надолго, учитель этот, видать из благородных будет и общество ему нужно тоже благородное: поживёт здесь, поскучает и уедет в уезд или губернию при первой возможности. А наши невесты уже шушукаются по углам насчёт учителя с разноцветными глазами, только чует моё материнское сердце, что не сладится у них с учителем. Ищи, батюшка, женихов среди наших священнослужителей, хотя бы и дьячков: невесты товар скоропортящийся – была молода, но минуло 2-3 года, и уже перестарок, а не невеста, – закончила попадья и начала убирать со стола.

IV

В воскресенье Иван посетил старосту, будучи зван на обед, где кроме него оказались гостями урядник с женой и дочками и поп Кирилл тоже с двумя дочками, которых Иван уже видел ранее. Всего, с хозяйскими дочками, оказалось шесть невест на выданье: выбирай любую, холостой учитель.

– Ладно, сегодня отобедаю и больше ходить в гости на обеды не буду, чтобы не давать повода считать меня женихом, – подумал Иван, разглядывая девушек, которые были одна другой краше, юны и призывно разглядывали Ивана, которого уже успели обсудить в своём

кругу и решили, что любая из них охотно пойдёт замуж за этого разноглазого молодого учителя.

Лишь Татьяна, старшая дочь старосты, не участвовала в обсуждении качеств молодого учителя, а задумчиво поглядывала на Ивана, прикрывая серые глаза, когда они вдруг вспыхивали огнём скрытой страсти.

Иван пару раз встретил этот взгляд, и ему стало не по себе от этого пронзительного взора, казалось, прожигающего насквозь. – Стоит остаться с ней наедине и, пожалуй, мне не устоять перед напором страсти этой прелестной девушки, и прощай тогда все мечты о дальнейшей учёбе, о науке истории и о жизни в столичном городе, – размышлял Иван, тем не менее, с удовольствием разглядывая девушку Татьяну, но не забывая взглянуть и на остальных девушек, сбившихся в стайку, из которой иногда доносился залиvistый смех.

Дело происходило во дворе, где расположились гости, пока хозяйка дома собирала на стол приготовленные заранее блюда и закуски.

Для девушек в этот раз был обустроен отдельный сладкий стол с чаепитием под плюшки и варенье с мёдом, щедро выставленными хозяйкой молодым любительницам сладенького, пока приближающаяся осенняя непогода не разгонит девушек по домам: в распутицу мало у кого будет желание под дождём и по грязи ходить в гости, даже на смотрины кандидатов в женихи. Лучше этих женихов приглашать к себе в гости, о чём девушки непременно будут просить своих родителей.

Когда столы были устроены, гости разошлись: мужчины за стол с выпивкой, девушки за стол со сладостями, устроенный прямо во дворе, благо погода стояла сухая, тёплая и солнечная, в предвестии бабьего лета на Рождество Богородицы, после которого Иван и хотел начать уроки в школе с немногими учениками, которых родители согласятся отдать в учение раньше.

Обед в гостях у старосты Иван провёл также, как и в прошлый раз: сельчане выпили водочки и разговорились о сельских новостях. Главной темой разговора были слухи из уезда о том, что царское правительство во главе со Столыпиным готовит какую-то земельную реформу, а что это будет за реформа, было неизвестно, и потому можно высказывать любые мысли по этому вопросу, щекотливому для крестьянского ума.

Батюшка Кирилл, выпив три-четыре чарки водки, раскраснелся и назидательным тоном, которым читал проповеди в церкви, вещал весьма уверенно: – Государь наш батюшка, в неустанной заботе о своих подданных, озаботился земельным устройством и поручил правительству подготовить реформу, наподобие отмены крепостного права, что провёл его дед царь-освободитель Александр Второй.

Теперь очередь дошла и землю освободить для исконных земледельцев, чтобы не пустовала и по справедливости. А устроить это можно, лишь передачей части государственной земли в ведение общин – так, я думаю, будет и справедливо и по-божески. Нельзя же, в самом деле, землю у помещиков отобрать и отдать крестьянам в наделы, как французы-лягушатники это сделали в свою революцию. Не надо нам таких революций и потрясений, – закончил отец Кирилл и, выпив очередную чарку водки, закусил хрустящим солёным огурцом.

– Мне старшина наш, Акинфий Иванович, как-то говорил, – возразил староста попу, – что в нашем уезде на три тысячи помещиков приходится триста тысяч десятин земли в их собственности, а на сто тысяч с лишним крестьян с детьми и жёнами приходится сто пятьдесят тысяч десятин надельной земли сельских общин: это старшина в уезде у заезжего грамотея-землемера узнал. Вот и получается, что на помещика приходится сто десятин земли, а на крестьянина лишь полторы, включая леса, неудобья и прочие пустыри. Ну и как крестьянам прикажете кормиться с этой земли? Да и народ всё плодится и плодится.

Вон в нашем селе за 15 лет чуть ли не наполовину жителей прибавилось, а земли не прибавилось ни единой десятины в нашей общине. Вот народ и ропщет, и в прошлом году в смуту у многих помещиков усадьбы пожгли. Но думаю, государственные люди правильно решат земельный вопрос: чтобы бунтов не было, и чтобы землицы крестьянам добавить, но и помещиков-владельцев не обидеть. Надо, мне кажется, казне эту землю выкупать у помещиков и отдавать крестьянам бесплатно, – закончил староста и сам удивился своей выдумке.

– Нет, в ваших домислах ни золотника истины, – возразил урядник на слова старосты. – Ни царь своей земли не отдаст, за просто так, ни казна выкупать помещичью землю не будет – на это никаких денег в казне не хватит.

Будет министр Столыпин надельную землю общин меж крестьян делить и делать из крестьянских дворов маленьких помещиков, которые смогут со своим наделом делать что хочется: паши и сей, а не нравится, продай соседу, у которого есть деньги, или возьми под залог земли деньги в специальном земельном банке, который надумали учредить, и на эти деньги хозяйствуй на земле, но если не отдашь ссуду, то землю заберут за долги. Об этом мне в уезде наш уездный земской начальник говорил, а ему из губернии тот слух принесли, – закончил урядник своё сообщение в полной тишине.

– Такого не может быть, – возразил староста, – община тогда развалится, и мы в селе будем жить словно волки, грызясь с соседями за лучшие земельные участки, а нерадивые крестьяне сразу продадут свою землю и пропьются, и куда им потом деваться прикажите? Тогда бунты против власти пойдут, почище прошлогодних и жди прихода второго Емельки Пугачёва, что поднимет людей на смуту ради земли и справедливости. Нет, до такой глупости наш царь-батюшка не допустит, хватит с него 1905 года и манифеста о свободе. Иначе по всей нашей земле пройдёт пожар и манифестом не отделаться: того и гляди головы лишиться может этот министр Столыпин, который всё это затевает.

– Столыпин Пётр Аркадьевич, ныне Председатель правительства и министр внутренних дел, четыре года назад был губернатором в Гродно, потом в Саратове, и уже тогда занимался разделом земли и расселением крестьян по хуторам. Когда начались волнения в Саратовской губернии, он приказал войскам стрелять в крестьян, и сколько народу погибло, никто толком не знает.

Это я к тому говорю, что решимости ему не занимать, опыт подавления бунтов у него есть, нас ждут в скором времени большие перемены в сельской жизни, и я думаю, большая смута и кровь в недалёком будущем, – подвёл итог урядник и предложил выпить по чарке за мир и согласие в этом доме, и за дочек, чтобы им вовремя отыскались хорошие женихи.

Гости подняли чарки, посмотрев на Ивана Петровича, которому адресовались последние слова урядника и выпили водки. Староста крикнул после стопки, сказав: – Всяк выпьет, да не всяк крикнет, – и предложил гостям горячее жаркое из курицы, запечённой в печи вместе с картошкой, луком и морковью, что гостям показалось весьма вкусным.

Отобедав, гости снова вышли во двор: девушки уже освободили сладкий стол, и их звонкие голоса звучали на улице, от которой двор огораживал высокий дощатый забор, в отличие от соседей, которые обходились ивовым плетнём, но с дощатыми воротами с калиткой, чтобы каждый раз не отворять ворота для одинокого входящего-выходящего человека.

Увидев самовар на детском столе, батюшка Кирилл тотчас запросил чаю, что и устроила ему хозяйка Евдокия, благо самовар ещё дымился лёгким сизым дымком, поднимающимся вверх и тотчас же рассеивающимся в вышине от легких порывов тёплого дня на исходе лета – начале осени.

Иван с остальными гостями тоже присел за стол для чаепития и, быстро выпив две кружки крепкого чая, с интересом слушал степенную беседу окружающих на животрепещущие темы жизни села: кто умер, у кого произошло прибавление семейства, каков нынче собран урожай зерна, и что пора начинать копать картошку, пока сухо. Не дай Бог, зальют

дожди, и копайся потом в грязи, выбирая клубни, да ещё просушить их надо будет в сарае, прежде чем убирать в погреба на зиму – иначе сгниет урожай картошки, а в этих местах бульбочка кормит и крестьян, и скотину домашнюю, и птицу, что оставят на зиму для весеннего разведения.

Иван, вслушиваясь в эти разговоры, пытался тоже проникнуться интересами жизни села, понимая, что в этом случае ему будет легче установить взаимопонимание со своими будущими учениками и их родителями.

Вернувшись со званого обеда в свой пустой дом при школе, Иван зашёл в класс, где в скором времени хотел начать уроки и осмотрелся. Парты расставлены в три ряда, как и положено в одноклассной школе на три года обучения: справа от учителя будут сидеть первогодки-малыши, в середине – второгодки, и, наконец, в левом ряду будут выпускники школы – здесь и парты стояли побольше. Парты ученические были смастерены сельскими плотниками, но по казённым чертежам: наклонная столешница с откидной крышкой на петлях, под ней ниша для учебников, скамья со спинкой соединена внизу брусьями со столешницей, так что образовывалось ученическое место для двух учеников. Сложенные воедино скамья-стол образовали удобное ученическое место, которое трудно сдвинуть с места при ученических шалостях в отсутствие учителя.

В углу классной комнаты, в шкафу, лежали учебники: букварь, родная речь, арифметика и закон божий, по которым следовало сельскому учителю учить крестьянских детей. С собой Иван привёз несколько новых учебников, по которым намеревался давать дополнительные знания ученикам, чтобы за три года обучить их твёрдому, уверенному чтению, азам арифметики, и, по возможности, правильному письму, а также он хотел вести курс по истории России, опираясь на книгу Карамзина, чтобы дети знали, откуда есть и пошла земля русская.

Эта книга была в своё время одобрена императором Александром Первым и потому дополнительный для земской школы курс истории по Карамзину не должен был вызвать нареканий учительского инспектора при проверке школы, при условии, что ученики и по другим предметам покажут хорошие знания.

Намереваясь продолжить своё обучение дальше в институте, Иван хотел зарекомендовать себя хорошей учительской практикой, чтобы получить рекомендацию от попечительского совета. Решив, что класс полностью готов к началу занятий, Иван задумал завтра, в понедельник, ближе к вечеру, пройтись по домам будущих учеников, кто записались в школу, и предложить тем, кто сможет, начать уроки в школе через день после Богородицы: в аккурат с понедельника, через неделю.

Задумано – сделано. Иван обошёл учеников, предупредил их родителей о своём решении и ровно через неделю, утром во дворе школы уже толпились несколько учеников и учениц, которых родители освободили от домашней работы ради учёбы по прихоти нового учителя. Всего собралось пятнадцать учеников, в том числе поповская дочка и сын домработницы Арины.

Свой первый урок Иван провёл учителем так, как в далёком уже детстве он воспринял первый свой урок учеником у первого своего учителя, тоже Ивана Петровича.

Сначала Иван рассадил учеников по годам обучения: справа – первогодки, в середине – второгодки, а левый ряд оказался пустым: старших учеников родители ещё не отпустили – много работы оставалось на полях и во дворах, и подросшие дети десяти-одиннадцати лет уже вполне успешно справлялись с тяжёлой крестьянской долей.

Записав пришедших детей в журнал, Иван раздал учебные книжки: младшим буквари, а второгодникам книги по чтению и, показав малышам первую букву «Азъ», он написал её на классной доске грифелем и предложил второгодникам прочитать слова на эту букву: оказалось, что за лето многие ученики успели забыть чтение и с трудом разбирали буквы,

складывая их в слоги и слова. Младшие смеялись над потугами товарищей, но Иван одёрнул их:

– Видите, дети, в каждом деле нужна сноровка, а чтение – это тоже дело. Ученики летом не пользовались чтением и потому многое забыли. Но мы вместе наверстаем упущенное и к весне младшие научатся читать из родной речи, а второгодники приобретут умение к чтению, которое, я надеюсь, уже никогда не забудут.

Учитель увлечённо провёл три урока с перерывами, которые обозначал звоном колокольчика, стоявшего на его учительском столе.

Школьники, видя старание учителя, тоже увлеклись учёбой: старание одного человека в общем деле всегда вызывает желание помощи и участия со стороны других, а на селе дети привыкли к тому, что хорошие дела всегда решаются сообща и потому ученики помогали учителю в начавшемся деле обучения их грамоте.

Четвёртый урок Иван посвятил рассказу об истории этого края, где располагалось село Осокое, начиная с киевских князей и до настоящего времени, что ученики восприняли с большим интересом, иногда удивлённо вскрикивая, когда учитель рассказывал о сражении с иноземными захватчиками, старавшимися захватить эти земли и лишить людей православной веры.

На том первый день занятий в школе закончился, и учитель, и ученики закончили уроки вполне довольные собою и друг другом. Иван собрал учебники, объяснив первогодкам, что по учебникам они будут учиться только в школе, и здесь же будут выполнять домашние задания в тетрадках, чтобы дома не мешать своими уроками взрослым и другим детям. На том и расстались.

Иван прошёл на свою учительскую половину школы, где его ждал обед на столе, заботливо приготовленный Ариной. Её сын успел рассказать матери, что учитель ему понравился, и потому Арина была ещё более заботлива и внимательна к Ивану, чем обычно, хотя и ранее она отличалась старательностью и добросовестностью в исполнении обязанностей домохозяйки, а не домработницы, которой считалась во мнении односельчан.

Подавая тарелку борща, Арина наклонилась, и Иван, скосив глаза, увидел через вырез сарафана, в котором домработница хлопотала по дому, её груди, которые словно половинки наливных яблок свешивались вниз, оканчиваясь розовыми упругими сосцами, меж которых вдали виднелась курчавая поросль женского лона – деревенские женщины одевали под платье лишь полотняную рубашку и не носили исподнего.

Похоть ударила Ивану в голову и, не помня себя, он схватил служанку за бёдра, вскочил, и потянул женщину в угол, на диван.

Арина, словно ожидая этого порыва, покорно сама пошла к дивану, легла навзничь, раскинув ноги и закрыв глаза в ожидании.

Иван, не раздеваясь, освободил свою возбуждённую мужскую плоть, и, не медля секунды, овладел служанкой, которая обхватила его руками и удовлетворённо ойкнула, отдаваясь хозяину. Мужская плотская страсть, получив женщину в собственность, быстро достигла полного удовлетворения, и Иван после судорожного семяизвержения затих в объятиях женщины, ощущая, как звенит в голове, освободившейся от мыслей греховного желания женской плоти.

Придя в себя, Иван торопливо вскочил с дивана и, отвернувшись, начал застёгивать брюки, отводя в смущении глаза от лежащей женщины. Арина, словно ничего не случилось, встала с дивана, непринуждённо оправила сарафан и хрипловатым голосом проговорила:

– Вы, Иван Петрович, ешьте борщ, пока не остыл, а я принесу котлетки на второе: сегодня в лавке разжилась свининкой, вот и накрутила котлет из свежатины, вкусные получились, Вам в самый раз подкрепиться после уроков и дивана, – улыбнулась женщина и пошла на кухню, удовлетворённо покачивая крутыми бёдрами.

Иван, не зная, что ему делать после происшествия со служанкой, покорно сел за стол и начал хлебать борщ, который показался ему совсем безвкусным после удовлетворённого мужского желания. Служанка, женским чутьём догадавшись о смятении чувств учителя, не мешала ему своим присутствием, и Иван заканчивал тарелку борща, уже ощущая его вкус и свою оголодалость после выполненной работы в классе и на диване.

Арина принесла тарелку с котлетами, как только Иван отодвинул опустевшую тарелку. Поставила котлеты перед хозяином и, присев рядом, проговорила:

– Вы ничего плохого обо мне не думайте, Иван Петрович, я женщина чистая, незапятнанная и окромя мужа, царство ему небесное, у меня других мужиков не было. Свёкор несколько раз покушался на меня, но свекровь ему дала укорот, и он пока затих в своих притязаниях. У нас в деревнях считается, что свёкор имеет право сожительствовать со снохой, если сын не против или мямля и не может перечить воле отца. В прошлом году у нас один свёкор пользовал свою сноху, когда сын бывал в отлучке, а та боялась сказать мужу. Однажды свёкор этот подмял сноху, а тут сын вернулся нечаянно и застал такую картину. Недолго думая сынок схватил топор и зарубил отца, и пошёл на каторгу, а жена его осталась соломенной вдовой: вроде муж есть, но далеко в Сибири.

Это я к тому, что за меня и заступиться некому будет, если свекровь помрёт, и уйти мне с малым сыном некуда. Поэтому будьте спокойны, Иван Петрович, я о нашем сожительстве никому не скажу – не нужна мне такая слава по селу, а вас и вовсе могут из учителей прогнать, тогда я без места останусь.

Как вы меня к себе в домработницы взяли, я сразу поняла, что мы будем сожительствовать: вы молодой совсем, вам женщина нужна постоянно – это я по белью вашему исподнему заметила, когда стираю.

Пусть так и впредь будет, Иван Петрович: как захотите, так и пользуйте меня без всякой опаски. Детей у меня больше быть не может, так бабка-повитуха сказала, когда у меня случился выкидыш: муж как-то ударил меня в живот, беременную, за то, что щи доставала в чугушке из печи и нечаянно пролила, зацепив ухватом за свою рубашку. Так что пользуйте меня, Иван Петрович, в своё удовольствие и мне в утешение, поскольку мужа нет, а мужик молодой вдове тоже надобен, чтобы в хандру не впасть.

Если вы мне ещё и рублик приплачивать будете за это – то и вовсе хорошо сладимся: я смогу немного скопить денег, уехать в уезд, купить там избёнку и устроиться на работу какую, когда вы, Иван Петрович, уедете отсюда насовсем. Я думаю, что вы поживёте здесь год-другой и уедете – сельская жизнь не для вас – это сразу видно и издалека, – закончила своё объяснение Арина, пока Иван в смущении кушал котлеты, и пошла в кухню за чаем для учителя.

Иван, закончив обед, прошёл в свой кабинет-спальню, лёг на кровать и стал обдумывать случившееся между ним и служанкой.

– Ну и что плохого в сожительстве со служанкой, – думал Иван на сытый желудок и удовлетворённый близостью с женщиной. Буду приплачивать ей рубль за эту услугу, а сам перестану мучиться по ночам от плотских желаний, и ей на здоровье – сама сказала.

Только нужно соблюдать осторожность, чтобы никто не догадался, иначе ей будет дурная слава, и мне несдобровать: учителю, как и священнику, связь с женщиной на селе не прощается и не совместима с должностью. Потому буду с Ариной аккуратен в отношениях и вступать в связь по необходимости, когда припрёт совсем. Теперь не буду больше глядеть голодными глазами на местных девиц: того и гляди по страсти мог бы надумать жениться на одной из них, хотя бы Татьяне – дочке старосты. Она, похоже, глаз на меня положила, и от этого глаза мне не устоять одному, а с помощью Арины вполне по силам. Права служанка: год-два учительствую здесь и поеду доучиваться в институт – не всю же жизнь прожить в

этом селе земским учителем: я способен на большее – закончил Иван свои рассуждения, засыпая в сладкой дреме.

Занятия в школе пошли своим чередом. Ведение уроков давалось Ивану легко, учеников прибавлялось с каждым днём – по мере того, как убывали сельские заботы, и родители отпускали детей на учёбу, которую многие из них, впрочем, считали зряшным делом.

Отношения с Ариной вполне определились. Два-три раза в неделю Иван, взяв женщину за локоть, вёл её к дивану и там молча овладевал ею, изливая в женщину избыток мужского желания.

Домработница воспринимала эту процедуру как часть своих обязанностей по дому и отдавалась хозяину с закрытыми глазами, никогда их не открывая, пока Иван не освобождал её и не уходил в свой кабинет.

Тогда Арина вставала, оправляла платье, разглаживала полог на диване и принималась собирать на стол обед для хозяина, окликая учителя, когда всё было готово. Иван обедал и далее уходил в кабинет, вздремнуть часок после женщины и обеда: совмещая два этих занятия, он чувствовал себя несколько усталым, и эту усталость снимал короткий дневной сон. Имея женщину в минуты желания, Иван стал спать спокойно ночью, а потому к утренним урокам в школе бывал свеж и энергичен, и проводил уроки с увлечением, даже азартом, увлекая за собой учеников, которым молодой учитель нравился, и крестьянские дети чувствовали себя с ним свободно и без ненужной робости.

К Покрову класс наполнился окончательно, и даже пришлось поставить ещё две парты для новых учеников из ближней к селу деревеньки, куда Иван не успел добраться, когда записывал учеников в свой класс. Малышей пришлось посадить за большие парты в третьем ряду, поскольку учеников третьего года обучения оказалось всего двенадцать. Но такое, видимо, случалось и раньше: в сарае при школе хранились деревянные подставки на сидения парт, которые позволяли малышам усаживаться повыше и вполне удобно дотягиваться до учебников и тетрадей.

Законоучитель, священник Кирилл, тоже начал уроки Закона Божьего после Покрова, и, проведя пару уроков, стал присылать дьячка, ссылаясь занятостью службами в церкви: по осени в селе обычно играли свадьбы, потом через год рождались дети и требовались крестины, потому у батюшки Кирилла было много забот по церкви.

После своего первого урока в школе, отец Кирилл высказал учителю:

– Что-то, Иван Петрович, вы ни разу не зашли ко мне в церковь или домой: дочки старшие не однажды спрашивали о вас: почему учитель не заходит попить чайку и поговорить о чём-нибудь интересном молодым девицам. Да и в храм, хотя бы на воскресную обедню вам, Иван Петрович, непременно надо ходить, иначе мужики могут подумать, что вы нехрист какой-то и не будут пускать детей в школу: дикость, конечно, но пострадают невинные детки, так что попрошу вас посещать храм.

И ко мне в дом приходите, когда будет угодно, я завсегда рад беседам с образованными людьми, хоть на богословские, хоть на мирские темы, ибо в спорах рождается истина, если спор этот не противоречит канонам православия.

Староста тоже справлялся о вас, Иван Петрович, и приглашал быть у него в гостях без уведомления. Есть присказка, что незваный гость хуже татарина, но староста смеётся, что он сам потомок татарский и к его гостям такая присказка не применяется.

Учтите мои слова, Иван Петрович, и не чурайтесь деревенского общества, иначе общество может вас отторгнуть, а на селе это последнее дело: если община кого отторгнет, то такому человеку не жить на селе и придётся уезжать в другие места, – закончил батюшка Кирилл свои наставления молодому учителю.

– Понимаю Вас, батюшка, – ответил тогда Иван, – и непременно поступлю, как вы советуете. Просто я замотался с началом занятий: ведь это моё первое учительство и всё время

кажется, что чего-то не знаю и не умею, читаю книжки, чтобы пополнить знания, составляю планы уроков. Стыдно сказать, даже по воскресеньям, когда домработницы нет, репетирую вслух проведение уроков, словно актёр какой-нибудь из пьесы. Но сейчас, кажется, втянулся в курс обучения и в это воскресенье непременно буду в церкви, а после и к вам загляну на чай, коль вы приглашаете.

– Воистину поступите хорошо, – напутствовал учителя отец Кирилл, – и ко мне заходите непременно после обеденной службы – я матушке скажу, чтобы блинов напекла: блинчики с мясом, творогом и вареньем у моей Евдокии замечательно вкусными получаются. На том и порешили.

В четверг, отпустив учеников, Иван намеревался совершить соитие со служанкой, но не наспех, в одежде, а обнажившись. Ему чего-то не хватало в объятиях этой женщины, а чего, он не мог понять из-за отсутствия опыта в таких нескромных делах. За учёбу на курсах он пару-тройку раз пользовался услугами продажных девок, что ему совсем не понравилось. С Ариной было значительно приятнее, но он ожидал большего, и в этот раз решил разнообразить близость с женщиной. Иван переоделся в халат на голое тело и, выйдя на кухню, где Арина хлопотала около печи, готовя обед учителю, взял её за руку и привычно повёл к дивану, чему женщина привычно повиновалась.

В этот раз Иван сам повалил Арину на диван, вздёрнул ей сарафан по самые плечи так, что ладное тело двадцатилетней женщины обнажилось во всей своей прелести, и, распахнув халат, приник к ней сверху, соединившись нагими телами.

Арина и в этот раз воспринимала близость с Иваном почти равнодушно, как обязанность, но вдруг начала вздрагивать, извиваться и, наконец, застонав, судорожно сжала мужчину в своих объятиях, кусая в плечо и содрогаясь всем телом, пока не затихла в полном расслаблении чувств, восприняв в себя мужское желание Ивана, который тоже замер в оцепенении сбывшегося желания женщины.

– Так вот чего мне не хватало: ответного желания женщины, – расслабленно думал Иван, медленно сползая к спинке дивана и освобождая Арину от своей тяжести. – Оказывается, если женщина тоже хочет, то близость с ней становится значительно слаще, чем с бесчувственной соучастницей.

Арина лежала, не шевелясь, потом тихо проговорила: – Спасибо, Иван Петрович, я впервые в жизни почувствовала себя женщиной и поняла, наконец, какое это несравнимое удовольствие. У меня с мужем такого никогда не было, и я думала, что бабы врут об удовольствии с мужиком, раз у меня такого нет, но оказывается, ничего приятнее, чем быть с мужиком и почувствовать его в себе, нет на белом свете, и не может быть.

Прости, Господи, мне эту греховную связь, которая оказалась такой сладостной. Ещё раз спасибо, хозяин, за удовольствие, – закончила Арина непривычную для себя длинную речь, встала с дивана, одёрнула сарафан и, напевая какую-то мелодию, скрылась в кухне, чтобы продолжить обеденные хлопоты.

– Как мало человеку нужно в жизни для радости, – подумал Иван, стряхивая с себя дремоту, навалившуюся на него после близости с женщиной и удовлетворения мужского желания, – получила женщина желанное удовольствие от меня и сразу запела, будто на празднике в шумном застолье, а ведь живёт в прислугах, со мной вступила в греховную связь за плату – ради рубля в месяц, живёт у чужих людей, свёкор, старик, её домогается, и, видимо, добьётся своего или изживёт сноху со двора, а вот, поди ж ты: впервые почувствовала себя женщиной и сразу запела.

Может, и я когда-нибудь полюблю по-настоящему милую сердцу девушку и тоже стану петь душою, если добьюсь от неё взаимности. Но с Ариной надо теперь быть осторожнее: в женщине пробудилась чувственность, и, как пишут в романах, ради удовлетворения чувственности женщина способна на любой поступок.

Вон, незабвенная императрица Екатерина Великая, по слухам, уснуть не могла без женского удовольствия от мужчины, и была блудливой сучкой, покупая мужские ласки и расплачиваясь за эти услуги из казны. Два годовых бюджета страны на оплату своих жеребцов потратила, так что сынок её – император Павел – долго расплачивался потом за похотливость своей матушки-императрицы. Может, потому Екатерину и прозвали Великой, что была она великой блудницей.

А Арину надо предупредить, чтобы осторожничала: если появится на селе у кого подозрение насчёт нашей связи, мне придётся отказать ей от места служанки – иначе меня самого уволят с должности учителя за прелюбодеяние, – закончил Иван свои мысли, стряхнул дремоту, накинул халат и прошёл в спальню одеться к обеду: не дай Бог, кто случайно зайдёт в школу, а учитель обедает в одном халате, и ему прислуживает женщина в сарафане, не скрывающем её женских прелестей, да и по лицу Арины можно увидеть, что женщина довольна своим положением и не стесняется хозяина.

V

В воскресенье, с утра, проснувшись, Иван не встал, как обычно, чтобы успеть к урокам, а решил поваляться немного, потом позавтракать, сходить к обедне в церковь – как обещал отцу Кириллу и, вероятно, зайти к священнику в гости, чтобы искупить свою вину в редком посещении храма для молитвы и благочестия.

Из кухни доносились осторожные шаги Арины: домработница уже успела растопить печь и приступила к приготовлению завтрака и кое-чего приготовить на обед и ужин: по воскресеньям она хлопотала у Ивана с утра, и потом уходила домой, чтобы воскресный день провести с сыном.

– Может, уложить её в постель с утра, – подумал Иван, чувствуя, как подрастающее желание возбуждает его плоть. – Я с утра ею ещё не занимался, надо попробовать. Потом в церкви замолю свой грех: Христос любит кающихся грешников, вот и будем грешить и каяться, грешить и каяться, – весело вскинулся учитель с кровати и как был в исподнем, пошёл на кухню, чтобы со служанкой уестествовать свою плоть.

Арина, увидев хозяина в одной рубашке, сразу догадалась, в чём дело, и сама направилась к дивану: видимо ей тоже не терпелось проверить, получит ли она опять женскую усладу от близости с мужчиной, что случилось с нею впервые в прошлый раз. Иван, приобняв женщину за талию, потянул её в спальню к кровати, но Арина заупрямилась: – На кровати никак нельзя заниматься греховодством, – пояснила женщина. – Кровать для жизни с мужем, а на диване можно и согрешить.

Иван повиновался, Арина обнажилась, как в прошлый раз, учитель нетерпеливо овладел ею, почувствовав, как женщина вздрогнула, когда он вошёл в неё. Плотская страсть захлестнула обоих, Иван, вдруг представив, что под ним находится дочка старосты, Татьяна, возбуждённо мял и тискал женское тело, впиваясь губами в розовые сосцы, которые разом набухли и затвердели от его прикосновений.

Женщина ответно вздрагивала в мужских объятиях, извиваясь всем телом и, наконец, страстно обхватила Ивана руками, крепко прижалась к нему, и они одновременно, издав стоны, содрогнулись, излив плотскую страсть в последнем порыве чувств.

Иван ещё несколькими движениями втиснулся в женскую плоть и замер неподвижно, ощущая, как быстро бьётся его сердце и звенит в ушах, а вожделение постепенно покидает его тело. Арина, получив желаемое удовольствие, полежала с минуту неподвижно, наслаждаясь ранее неизвестными ей ощущениями, затем осторожно выпросталась из-под мужчины и тихо удалилась к себе на кухню, оставив Ивана в неподвижном забытии на диване. Немного полежав, Иван встал и ушёл в спальню, окончательно поняв, что взаимное желание с женщиной приносит гораздо больше удовольствия, чем одинокая мужская похоть.

– Эх, если бы к плотской страсти добавить ещё духовную близость с женщиной, то удовольствие от владения такой женщиной, наверное, увеличивается в разы и, видимо, именно тогда близость называется любовью, – подумал учитель, рухнув без сил на кровать.

– Но и просто взаимное желание приносит много удовольствия, – заключил учитель, слушая как Арина хлопочет на кухне, припевая вполголоса песню про миленького, который уезжает далеко и не хочет взять любимую с собой в далёкий край, потому что там у него есть жена.

На крыльце послышались чьи-то шаги, потом в дверь постучали и в кухню вошёл староста Тимофей Ильич, чью дочь Татьяну учитель только что мысленно представлял в своих объятиях, удовлетворяя плотскую страсть с кухаркой.

– Хлопочешь, Арина? – молвил староста, – а где же хозяин?

– Учитель ещё почивает, – ответила кухарка. – По воскресеньям они изволят отдыхать, намучившись с нашими детишками на уроках в школе. Тут с одним сынишкой хлопот полон рот, а у Ивана Петровича их полсотни пострелят, и каждого надо учить грамоте, как тут не измучиться, – пояснила женщина, покрасневшись лицом: то ли от печного жара, то ли от недавней близости с мужчиной, о которой староста, конечно, не мог и догадываться.

На голос старосты Иван поспешно оделся и вышел в кухню вполне одетым, как будто он всегда ходил по дому при полном облачении, и в пиджаке на жилетку.

Староста первым поздоровался и пояснил: – Я в церковь на заутреннюю службу ходил и дай, думаю, навещу учителя: почему он почти месяц не заходит в гости, и как там моя родственница справляется по хозяйству. Она говорила, что вы, Иван Петрович, положили ей жалование в два рубля, а за такие деньги надо хорошо потрудиться – это почти пять пудов зерна можно прикупить, на два-то рубля! Теперь вся их семья кормится на ваши деньги, а потому и спрос с Арины особый, – закончил староста.

Иван удивился: он Арине уже платил четыре рубля в месяц, но она почему-то сказала про два, да Бог с ней, не его это дело, но за старательность служанки, с которой только что лежал на диване, вступился:

– Не извольте беспокоиться, Тимофей Ильич, Арина хорошо справляется по дому: видите везде чистота и порядок, и на кухне у нас дела идут хорошо. Она грамотная, и хочет по книгам кулинарным научиться готовить разные блюда: как только освоит, я вас приглашу в гости на пробу. Иногда ей приходится и в школе мыть полы, если ваши крестьянки не справляются. Вы бы от общины положили ей рубль жалования, она бы всегда порядок в школе наводила вместо приходящих матерей учеников, которые поочерёдно моют полы в классе.

Староста почесал в бороде: – И то верно, Иван Петрович, постоянный работник всегда лучше временного. Поговорю со старшиной волости, может и решим вопрос полюбовно. Только не будет ли работа Арины в школе в ущерб вам, Иван Петрович?

– Думаю, что не будет мне ущерба, – возразил Иван. – Сама-то Арина согласна ли будет убираться по школе за рубль в месяц? – спросил Иван.

– Конечно, согласная буду, – покрасневшись лицом, ответила Арина, почтительно слушая разговор мужчин, от которых зависела её судьба.

– Вот и ладно будет, – закончил этот разговор староста. – Но вы так и не ответили мне, Иван Петрович, почему чураетесь моего гостеприимства и не заходите в дом? Мои дочки уже устали спрашивать меня, когда учитель придёт к нам на чай. Что скажете, Иван Петрович? – снова спросил Тимофей Ильич.

– Понимаете, Тимофей Ильич, учитель я начинающий, без опыта, поэтому приходится готовиться к урокам, чтобы ученикам было на занятиях и полезно и интересно, – ведь без интереса никакое дело не ладится. Потому вечерами и в воскресный день готовлюсь к урокам, проверяю задания, что ученики делали в классе, и прикидываю, кому из них как помочь,

чтобы успешно учились грамоте, письму и арифметике. Сейчас уже немного освоился и надеюсь вас посетить через неделю-вторую, а сегодня вот собрался сходить в церковь к обедне и потом зайти к батюшке Кириллу в гости – уже обещался.

– Это ладно, это хорошо, что вы в церковь ходите и к отцу Кириллу навещаетесь, – одобрил староста. – Но и нас, грешных, не забывайте и непременно жду вас в гости через неделю – как раз мой черёд наступает принимать гостей. До скорого свидания, Иван Петрович, пойду домой и обрадую дочек о вашем к нам посещении, – закончил староста и, ещё раз взглянув на порядок в доме, что навела Арина, одобрительно хмыкнул и вышел вон, тихо прикрыв за собою дверь.

Арина, почти без чувств, присела на табурет.

– Зайди староста в дом минут на пять раньше и конец бы нам пришёл обоим на том диване, – произнесла кухарка. – Вы лишились бы учительского места, а я заработка и женского удовольствия, что вы пробудили во мне на том диване. Впредь надо быть осторожнее: хорошо, что я отказалась идти в кровать, вот Бог и пронёс грозу стороной. Но и закрываться изнутри на щеколду тоже не след, когда мы здесь вместе.

Давайте дальше будем грешить с опаской, чтобы нас не застали врасплох, как сегодня староста, – закончила Арина и, словно скинув с плеч эту заботу, легко вскочила с табурета и принялась за хлопоты по кухне, что прервала с приходом старосты.

– Позволь поинтересоваться, Арина, почему староста сказал, что я плачу тебе два рубля в месяц? – спросил Иван, присаживаясь к столу, в ожидании завтрака.

– Потому что я свёкру отдаю эти два рубля, а оставшиеся два прячу в схронку в сарае, чтобы скопить денег и уехать из этого чужого мне села вместе с сыном, как я вам говорила, после вашего отъезда: я так думаю, что через год-два.

Я с вами почувствовала себя женщиной и готова прислуживать вам хоть всю жизнь, но это в сказках крестьянская дочь выходит замуж за принца, а в жизни крестьянке даже с учителем нужно прятаться от людских глаз, иначе всё село осудит наше греховодство. Я вдова, вы – свободный человек и, кажется, что в этом плохого, если мы по согласию ложимся вместе на диван, но на селе такого не прощается.

Вам уезжать учиться дальше, а мне на скопленные деньги может быть тоже удастся как-то пристроиться с сыном: глядишь и мужичок какой-никакой подвернётся: теперь-то я поняла сладость мужскую, за что спасибо вам, Иван Петрович, большое, – простодушно объяснила Арина, выставляя на стол стопку блинов, что успела напечь за этим разговором.

Позавтракав, Иван вздремнул немного, а Арина, закончив дела на кухне, ушла домой, не попрощавшись, чтобы не будить хозяина, который не только щедро оплачивает её работу, но и доставляет одинокой вдове женское удовлетворение, не испытанное ею ранее и потому ещё более сладостное.

После полудня Иван зашёл в церковь к поздней обедне, постоял и послушал проповедь отца Кирилла, помолился про себя за отпущение грехов Арине в прелюбодеянии с ним и, с лёгким сердцем выйдя из церкви, ожидал отца Кирилла, чтобы вместе отправиться в дом священника на чаепитие-обед, как обещался.

Во дворе было прохладно. Северный ветер гнал низкие тучи, из которых иногда сыпалась снежная крупа, покрывая сухие жёлтые листья под деревьями – стояла поздняя осень, и со дня на день должен был выпасть снег, который и так уже запаздывал недели на три, что прошли с Покрова.

Поёживаясь в лёгком пальто, оставшемся ещё со студенчества, Иван, наконец, дождался выхода батюшки Кирилла и, поприветствовав священника, вместе с ним направился к поповскому дому.

Отец Кирилл неодобрительно взглянул на пальтецо учителя и назидательно, как на проповеди, сказал:

– Негоже вам, Иван Петрович, в таком пальтишке на холоде пребывать. Я понимаю, что после учёбы вы не успели приодеться прилично учителю, но и рисковать здоровьем тоже нельзя. Простудитесь, не дай Бог, и сгорите от воспаления: кто тогда наших детушек грамоте учить будет?

У меня есть знакомый жид в местечке, он хороший портной, и в три дня сошьёт вам хорошее пальто на вате, а воротник и шапку из мерлушки вам сошьёт местный скорняк. Ещё надо вам пошить сапоги на меху, и тогда будет полный порядок, – заключил отец Кирилл. – Завтра же пришлю вам этого портняжку и сапожника, а пока остерегайтесь выходить на холод без тёплой поддёвки под пальто и шарфик тёплый, чтобы горло укрывать, я вам сегодня подарю: мне дочери старшие связали каждая свой, и жена тоже хотела угодить, а три шарфа мне вовсе ни к чему.

Вот мы и пришли: видите, в окнах дочери старшие мелькнули, это они вас, Иван Петрович, высматривали: я сказал, что вы сегодня будете гостем в нашем семействе.

Действительно, в окне показались и мигом исчезли две русоголовые девушки, которых Иван уже видел в свой прежний приход.

Обед прошёл в приятном разговоре с отцом Кириллом о пользе просвещения. Иван рассказал священнику об успехах в учёбе его младшей дочери Наташи. Старшие дочери расспрашивали учителя о годах учёбы в уездном городе, который казался им огромным в сравнении с селом, где все знали всех в лицо. Иван охотно делился впечатлениями студенческой жизни, непринуждённо общаясь с прелестными юными созданиями, поскольку плотскую страсть он удовлетворил ещё утром с Ариной и теперь спокойно и без вожделения разговаривал с девицами, не выказывая увлечённости ими.

Обед с беседой и чаепитием затянулся дотемна, и Иван заторопился домой, чтобы подготовиться к завтрашним урокам. Отец Кирилл подарил, на выбор, один из трёх шарфов козьего пуха и, когда Иван, наугад, указал на один – этот шарф оказался работы старшей дочери, Марии, чему она была очень рада:

– Теперь мой шарф не даст вам простудиться, потому что я вязала его тёплыми руками и с молитвой, – засмеялась девушка. – Наденьте его сейчас же, при мне!

Иван повиновался и, действительно, шарф согрел его так, будто две девичьи нежные теплые руки обвилились вокруг его шеи, чтобы защитить от холодного ветра, разбушевавшегося к ночи.

Утром Иван проснулся от тихих хлопот Арины на кухне: она растопила печь, и потрескивание дров в печи и тепло достигли ушей учителя, поскольку задняя стенка печи выходила в спальню, обогревая этот уголок дома.

Гостиная комната с диваном обогревалась голландской печью, облицованной жостью, чтобы гарь из печи не проникала сквозь мелкие щели в комнату и не отравляла воздух.

За окном побелело. Ночью выпал снег и укрыл сухую землю плотным слоем: по приметам, снег, легший на сухую землю, должен был растаять, увлажнить землю, и уже потом, другой снег укрывает землю до самой весны.

– Вот и первая зима моей самостоятельной жизни наступила в чужом селе, среди чужих людей, но при учениках, при новых знакомых, и, конечно, при этой женщине, что хлопочет на кухне и своим теплом и ласкою скрашивает мою жизнь в этой глуши.

Поработаю здесь пару лет и непременно буду учиться дальше: иначе отсюда не выбраться, того и гляди оженюсь на крестьянке или поповской дочке и прощай тогда мечты о науке и жизни в большом городе, – размышлял Иван в тепле и неге под ватным одеялом, прислушиваясь, как дрова потрескивают в печи, да Арина осторожно позвякивает посудой на кухне, приготовляя учителю-сожителю завтрак.

– Нет, при Арине мне удастся избежать женитьбы на местных невестах: желания мои она вполне удовлетворяет, и страсти к браку по этой причине нет. Интересно, почему я вчера

в её объятиях вдруг подумал о старостиной дочери Татьяне, чем усилил своё вожделение? Неужели эта Татьяна запала мне в душу или мысль о ней мелькнула случайно? Однако пора вставать, чтобы успеть к урокам и не предаваться пустым размышлениям, – одёрнул себя учитель, вставая с постели и надевая тёплый халат и войлочные чуни, чтобы сбегать в туалет по первому снегу.

Пробегая мимо Арины, он тихонько шлёпнул её по ягодице, от чего та испуганно отпрянула, не заметив за делами появления хозяина.

– Напугали вы меня, Иван Петрович, – обиделась Арина, – с испуга и описаться можно, – по простоте душевной пояснила женщина.

– Прости, Аринушка, за неудачную шутку, – смутился Иван и побежал дальше.

Уроки в школе по первому снегу прошли успешно. Ученики после уроков не разошлись сразу, а поиграли в снежки на школьном дворе, забрасывая девочек, которые истошно визжали, но не убегали со двора, в свою очередь, гурьбой наваливались на какого-нибудь мальчика и валяли его в снегу.

Иван, не вмешиваясь в эти безобидные игры детей, наблюдал с крыльца, следя, чтобы игра ненароком не перешла в потасовку: от игры до драки – один нечаянный снежок, попавший в лицо, и в таких потасовках Иван тоже участвовал в бытность учеником школы в родном селе Охон.

Наигравшись, дети разошлись, а учитель приступил к обеду, который ему сготовила заботливая работница Арина, втайне надеясь на мужскую ласку на диване. Проснувшаяся в женщине страсть требовала удовлетворения, но Иван в своих желаниях оказался скуповат: ему хватало двух-трёх соитий с женщиной в неделю, чтобы чувствовать себя вполне удовлетворённым.

Возможно, испытав любовь, он стал бы более страстным, но пока это чувство было учителю незнакомо, и Арине пришлось довольствоваться тем, что есть, не рассчитывая на большее. Впрочем, женщиной она была уравновешенной, привыкшей повиноваться мужчине и потому в минуты близости старалась извлечь максимум удовлетворения, вызывая некоторое удивление учителя своей страстностью, переходящей в одержимость в моменты совместного оргазма.

Но всё это будет потом, а сейчас Арина потчевала учителя на обед вкусной мясной солянкой, которую приготовила по рецепту из поваренной книги, ибо в крестьянском быту такое блюдо ей готовить не приходилось.

После обеда в школу зашёл портной: низенький, плешивый, но круглый жид, которого направил к учителю священник для пошива учителю тёплого пальто. Портной этот показал образцы материи на пальто и рисунки моделей, по которым Иван с его помощью выбрал фасон и материал на пальто. Портной снял мерки и удалился, обещая через два дня принести наживлённый на нитку раскрой пальто для примерки.

Не успел уйти портной, как в дверь постучал сапожник – видимо батюшка Кирилл всерьёз озаботился здоровьем учителя, что так спешно направил к нему мастеров, чтобы одеть и обуть Ивана Петровича сообразно наступившим холодам.

Сапожник, долго не мешкая, тоже снял мерку с ноги и пошёл к себе тачать сапоги на меху. Иван догадался справиться у мастеров насчёт цены их работы: денег, что оставалось у него от подъёмных едва хватало на оплату услуг, но днями должна была почтой прийти оплата учительства за первый месяц, и средств на жильё и жалование служанке Арине должно было хватить до следующего получения жалованья из уезда. Оказалось, что учительская зарплата, показавшаяся Ивану поначалу довольно приличной, на самом деле позволяла жить весьма скромно: хорошо ещё, что Иван был без семьи – иначе ходить бы ему в студенческом пальто всю зиму.

– Надо будет начать экономить, чтобы немного средств удавалось скопить для дальнейшей учёбы в институте, – решил Иван, – иначе о высшем образовании нельзя и мечтать. – Но и ходить в студенческом кителе и пальто тоже нельзя: перестанут такого учителя уважать на селе. И подработать репетиторством здесь негде – никто своих детей учить дальше после земской школы не намеревается. Хотя надо будет спросить у старосты: может, кто из уважаемых сельчан захочет учить детей на дому: тогда после обеда вполне можно позаниматься с такими детьми за отдельную плату.

За житейскими хлопотами незаметно и закончился день первого снега. За окном стемнело, и Арина, которая задержалась, пока портной и сапожник занимались учителем, тоже попрощалась и ушла домой, где её ждала крестьянская работа: уход за скотиной, мытьё полов и прочие сельские заботы, да и сыну надо уделить материнского тепла и внимания – растёт безотцовщиной у чужих людей: свёкор относится к внуку равнодушно, полагая, что мальчонка вместе с матерью когда-нибудь да съедут со двора, и в доме будет посвободнее.

В этом дому-пятистенке проживали: хозяйева – свёкор со свекровью, Арина с сыном, младший сын хозяина с женой и ребёнком-трёхлеткой, да ещё хозяйская дочь незамужняя и, видимо, такой останется, поскольку была крива на левый глаз, который неосторожно повредила в детстве. Итого восемь душ, так что спать Арине с сыном приходилось на полу в горнице вместе с хозяйской дочкой.

К ночи за окном закружила метель, ветер завыл в печных трубах, и Иван, попив чаю, лёг спать пораньше, укрылся тёплым одеялом, и вскоре уснул под всхлипывания вьюги за окном, напоминавшие похотливый вой котов в марте, до которого ещё была вся зима впереди.

Снег, выпавший на сухую землю, так и не растаял, метель, что мела три дня кряду, добавила снега по щиколотки, и Иван почти не выходил из дома: лишь в класс на уроки и обратно в дом, с нетерпением ожидая, когда портной принесёт пошитое окончательно пальто: примерка случилась уже два дня назад.

В субботу, словно сговорившись, портной и сапожник принесли свой товар: всё оказалось впору, и, расплатившись, Иван задумал в воскресенье пройтись к старосте, который пригласил его на обед, а заодно расспросить: не желает ли кто из сельчан подучить своих отпрысков сверх курса земской школы. Шапки у учителя не оказалось и пока приходилось одевать фуражку, но морозец стоял лёгкий, и в тёплом пальто, и в меховых сапогах даже в фуражке было не холодно выйти на село.

VI

За подготовкой к зиме Ивану было не до Арины, но в воскресенье с утра он надумал снять мужские желания, чтобы идти в гости к старостиным дочерям без похотливой озабоченности. Взгляд старшей дочери старосты Татьяны часто вспоминался учителю и он опасался, что духовное стремление к этой девушке, что он испытывал, вкупе с мужской страстью могут сыграть с ним плохую шутку: неосторожное рукопожатие или нечаянный поцелуй в щеку, которых, несомненно, ожидает от него Татьяна, приведут его к женитьбе на этой девушке. Иван чувствовал глубокую симпатию к Татьяне и внутренне сопротивлялся этому чувству, чтобы оно не переросло в любовь, поэтому доступность Арины для удовлетворения мужской страсти была весьма кстати.

Накинув халат на ночную рубашку, Иван, всунув ноги в чуни, пробежал мимо Арины, хлопотавшей у печи, в туалет, утопая в снегу, что намело за ночь и, вернувшись в дом, скинул халат и подкравшись сзади к кухарке, обхватил её груди. Арина видимо ожидала внимания учителя, поэтому вытерла мокрые руки о фартук, который сняла, пока Иван продолжал мять её груди, и, направляясь к дивану, приговаривала:

– Что-то опасаюсь я, Иван Петрович, как бы ненароком не вошел кто в дом, как староста в прошлый раз, напугав меня до смерти.

– Не бойся, никто утром по снегу сюда не сунется, и ты успеешь согреть меня своим телом после улицы, – успокоил учитель женщину, укладывая ей на диван, обнажая и обнажаясь сам.

Их близость была короткой, но бурной, и закончилась взаимным удовлетворением плоти со стонами и страстными судорожными движениями сплетенных объятьями тел. Впервые Арина отдавалась хозяину с открытыми глазами, обнимая его руками и целуя в грудь, на что Иван ответно покусывал женские соски, пахнущие свежестью, вжимаясь в нежное податливое тело на всю возможную глубину.

Женские груди были упруги, нежны и пахли луговыми травами.

Содрогнувшись в последнем порыве чувств кухарка и хозяин молча и неподвижно лежали некоторое время, потом разъединились и женщина, высвободившись, с улыбкой удовольствия на лице, ушла заниматься хозяйством, а мужчина вышел следом за ней на кухню, сполоснул лицо холодной водой из рукомойника, что висел в углу у входа, плеснул воды на грудь и плечи, вытерся чистым полотенцем и прошел к себе в спальню, чтобы одеться, шлепнув мимоходом женщину по упругой ягодице. Он хотел благодарно поцеловать Арину в губы, но она смущенно увернулась.

Услада похотливых желаний мужчины и женщины, по взаимному согласию, на этом закончилась до следующего раза.

За завтраком, Иван, умиротворенный плотской утехой с кухаркой, спросил, попивая горячий чай с баранками:

– Хочу сказать, Арина, что ты всегда чистенькая и пахнешь луговой свежестью, как тебе удается это?

– Так я, Иван Петрович, каждое утро иду в баню, что на задворках нашего двора, и там, раздевшись донага, обтираюсь терпким настоем луговых трав: зверобоя, чистотела и ромашки, которые завариваю в чугушке с вечера, ну и, конечно, по субботам парюсь в бане с сыном – потому и чистая. Свекор однажды спросил меня: что это я каждое утро намываюсь, идя к вам в услужение, так я ответила, что обтираюсь травами, чтоб не нести с собой к учителю в дом тяжелые запахи деревенской избы, где мы живём. Здесь и куры под печью и теленок по весне в углу кухни привязан – иначе в сарае может замерзнуть. Свекор понял и отстал с расспросами, а теперь вот и вы поинтересовались.

– Мне нравятся твоя чистота и запахи, тело у тебя нежное и упругое, вот только руки грубоваты.

– Так как им не быть грубыми от крестьянской работы, – удивилась Арина. – Попробуйте пшеницу жать серпом и у вас руки загрубеют. Ничего, за зиму я руки приведу в порядок, не извольте беспокоиться, Иван Петрович, – обиделась Арина.

– Прости, я не хотел сказать обидного, – смутился Иван, – и ещё хочу спросить: почему ты никогда не целуешь меня в губы и мне не позволяешь? Может тебе это неприятно?

– Нет, с вами, Иван Петрович, мне никак нельзя целоваться губами, – возразила Арина. – В губы целуются только муж с женой и у них в это время души сливаются воедино. А мы греховодники, и нам это ни к чему, чтобы наши души сливались – это бесовщина будет.

– Крестьянское, наверное, это поверье, – удивился Иван. – Я-то думал, что души мужчины и женщины сливаются в минуты плотского удовольствия, когда тела соединились, а по-вашему выходит, что при целовании в губы. Ладно, не буду больше вводить тебя Аринушка в искушение своими поцелуями в губы: но в грудь-то можно? – спросил Иван, закончив завтрак и мимоходом сунул свою руку в вырез сарафана, ухватив женщину за грудь и сжимая сосок между пальцами.

– Бессовестный вы охальник, Иван Петрович, делаете с бедной вдовой, все что хотите, да ещё и посмеиваетесь над нашими обычаями не целоваться в губы при греховной связи. Кроме целования, все остальное вам позволено: когда захотите и сколько захотите – я согласна хоть сейчас повторить ваш утренний урок на диване, – засмеялась Арина, ускользая грудью от хозяйской руки.

– Нет, мне в гости ещё к старосте идти, – пояснил Иван, а после второго нашего блудодействия я уже идти никуда не смогу. Как говорится – хорошего помаленьку. И ты, Аринушка, заканчивай хлопоты и иди домой к сыну. Он у тебя смысленный малый и учится старательно: пусть заходит сюда после уроков и покорми его на кухне, – я возражать не буду.

– Спасибо вам, Иван Петрович, за вашу доброту и заботу, – оживилась Арина. – Сыночек мой приходит после уроков, а там семейка уже всё подъела в обед и ему остаётся лишь хлебушек, да изредка щей остатки. Утром-то я сама его кормлю и вечером тоже, теперь вот и с обедом наладится по вашей доброте. И кошку надо бы завести здесь, Иван Петрович: давеча в подпол лазила за картошкой, и есть подгрызенные местами клубни и морковь тоже. В деревне без кошки припасов не уберечь от мышей, особенно зерно. Так я присмотрю где-нибудь кошку и принесу, если не возражаете?

Иван не возражал, служанка прибралась в доме, напекла пирогов с ливером – в селе начался забой скота и птицы и Арина прикупила где-то свежатины: мясо вынесла на мороз, подвесив мешок в сарае, чтобы ни мыши, ни кошки соседские не добрались, а из внутренних помещений напекла вкусных пирогов хозяину на ужин или просто к чаю.

С уходом служанки Иван тоже засобирился в гости к старосте: ему, молодому человеку двадцати одного года от роду не терпелось пройти по селу в новом пальто и теплых сапогах, не прячась от лёгкого морозца с ветерком, что был на дворе после трех дней снежной метели. Прифорсившись, учитель вышел из дома и степенно направился к старосте, отвечая наклоном головы на приветствия сельчан, которые, по привычке снимая шапку, раскланивались с учителем.

– Отсюда, наверное, и пошло выражение «ломать шапку», – подумал Иван, наблюдая, как встретившийся ему по пути крестьянин, сняв шапку, приветствовал его, нервно тиская шапку в руках.

В доме старосты было тепло и уютно, как бывает в домах, где проживает много женщин, наводящих чистоту и порядок, а у старосты на него и сына старшего приходились жена и две взрослые дочери, которые и блюли чистоту и порядок.

В этот раз, других гостей, кроме Ивана, у старосты не было, но дома оказался его сын Егор, который в прошлые посещения учителя бывал то на работах в поле, то в отъезде по делам, поскольку староста возложил на сына все крестьянские дела, оставив за собою только управление селом, что было необременительно, но приносило доход и уважение односельчан.

Дочки старосты: Татьяна и Ольга – что помладше, к приходу гостя вырядились в ситцевые яркие платья, в которых из дома в снег и холод даже под шубейкой не выйдешь, но в теплой горнице в легких платьях девушкам было уютно и нарядно.

К воскресному обеду старостиха наварила мясного борща и напекла пирожков с ливером: наверное, добрая половина села в эти дни пекла подобные пироги после летнего воздержания от мясных блюд.

Староста с сыном днями тоже закололи подсвинка. Засолили сало, закоптили окорока, мясо убрали в амбар, а из ливера старостиха, в который уже раз, пекла пироги – не пропадать же добру, которое долго нельзя хранить, иначе пойдет горечь.

Обедали поначалу молча, но когда перешли к чаепитию и стало уместным вести застольную беседу, Иван, вспомнив свои размышления об учительском приработке, спросил старосту, нет ли на селе желающих поучить своих детей на дому за небольшую плату:

– Видите ли, Тимофей Ильич, по школе я вполне справился с уроками, но после обеда, когда уроки закончились, у меня свободное время: по хозяйству хлопочет ваша Арина, а я мог бы поучить детей на дому, если кто из сельчан не пожелал отдать детей в школу. Да и взрослых могу обучать на дому, если кому приспичет грамоту знать. В уезде мы, школяры, частенько детей мещан обучали на дому – и нам приработок, и детям польза.

– Хорошо, Иван Петрович, я поспрашиваю мужиков и думаю через недельку – две дам ответ, – принял староста просьбу учителя.

– Не надо далеко ходить, – вдруг вмешалась старостина дочь Татьяна в разговор старших. – Я вот, тятенька, давеча говорила, что хочу выучиться на учительницу – вот Иван Петрович пусть и натаскает меня знаниями, чтобы смогла учиться я в учительской семинарии в городе Могилеве, где у вас, тятенька, живет сродный брат Михаил, который обещался мне дать кров на время учебы.

– Когда это ты успела сговориться с Михаилом? – удивился староста.

– Так прошлым летом, когда он проездом был у нас в гостях – тогда я спросила и он обещал. Только не знала я – как мне готовится к этой учебе, а сейчас объявился у нас учитель и я согласная, чтобы он позанимался со мною уроками на дому здесь или у него в школе. У меня есть знакомые девочки на селе, которые тоже хотят подучиться сверх земской школы. Вот и будет у Ивана Петровича еще один небольшой класс для занятий после обеда. Мы уже взрослые и учеба у нас пойдет ловчее, чем в школе, с малышами, – убеждала Татьяна своего отца.

Староста оживился: – Дело, дочка говоришь, я знал, что ты у меня сообразительная. Надо подумать нам над твоим предложением, поэтому не будем сейчас давать ответ учителю. Ты, дочка, поговори со своими подружками, я потолкую с мужиками, и, наверное, наберется на селе с десятков девиц, которых родители пожелают немного доучить. В школе-то девушкам разрешено обучаться лишь до тринадцати лет вместе с мальчуганами, а отдельно женским классом, можно учиться хоть до старости или до замужества. Все лучше, чем зимой по домам кинуть, да ждать женихов.

На том и порешили. Татьяна, победно сверкнув глазами в сторону учителя, вышла с сестрой из горницы, а Иван со старостой еще долго гонял чай и слушал рассказ Тимофея Ильича как он воевал с турками в прошлую войну на Балканах за освобождение болгар от османского ига, и получил там за свою храбрость георгиевский крест.

И мог бы еще сражаться, но был ранен, а потом война окончилась и его освободили от воинской службы. С той поры минуло почти тридцать лет, но события воинской службы навсегда сохранились в памяти старосты и он рассказывал о войне в мельчайших подробностях, как будто это было вчера. Из-за этой войны Тимофей Ильич и женился поздно: пока встал на ноги с помощью отца и вот уже пятнадцать лет бессменно здесь старостой, потому что с людьми ладит по справедливости и поблажки не дает ни нашим, ни вашим.

Застольный разговор затянулся до темна, тем более, что староста попивал чаек вперемежку с чарками водки, чему старостиха не мешала: в одиночку, без участия учителя, Тимофей Ильич соблюдал меру, а важный разговор мужчин никогда не обходится без чарки-другой водки.

Расстался Иван со старостой почти дружески, хотя по возрасту он был ближе к дочерям и наравне с его сыном, но образованность на селе дает такой же почет, как и старость, а учитель в глазах сельчан – тот же барин, потому что из другого общества: не из крестьян. Староста пригласил Ивана к себе в дом на следующее воскресенье: к тому времени он поговорит с народом об учебе их детей и даст ответ учителю на его предложение организовать дополнительное обучение взрослых девушек.

Неделя промелькнула незаметно. Дни становились всё короче: не успеешь оглянуться, а за окном уже темнеет. Выпавший снег так и остался лежать и по селу ходили слухи, что не к добру это, коль снег выпал на сухую землю и остался в зиму не таявши.

По крестьянским приметам это было к неурожаю в следующем году и грозило суровой зиме нынче. Действительно, установились морозы за двадцать градусов, два-три раза еще подсыпало снега и Иван радовался, как своевременно он пошил себе пальто и сапоги. У местного скорняка он подобрал себе мерлушковую шапку и мог не опасаться больше морозов, спокойно прохаживаясь по селу, поскрипывая снегом под сапогами.

В субботу, староста через Арину передал свои извинения: ему по делам срочно надо съездить в уезд, и пусть Иван Петрович без обиды заходит в гости через выходной, тем более, что и крестьян на счет учебы их взрослых дочерей староста не успел опросить.

Иван принял это объяснения и в воскресный день пошел в церковь, куда не заходил вторую неделю. В церкви Иван послушал службу, поставил свечу, подождать батюшку Кирилла, чтобы показаться ему во всей своей зимней одежде и поблагодарить за присланных мастеров, что одели и обули учителя и тем самым сберегли его здоровье от стужи.

Батюшка Кирилл одобрил внешний вид учителя: – Теперь вы, Иван Петрович, выглядите барином в теплом пальто, а не хилым студентиком в легком пальтишке, подбитом ветром. В таком виде крестьяне вас будут уважать и охотно отпускать детей в школу. Как там мой дьячок, справляется с уроками Закона Божьего в школе? – поинтересовался священник, который свои школьные заботы переложил на подневольного дьякона.

– Видимо справляется, коль ученики на его уроке сидят смирно, – отвечал Иван.

– Вот и славно, – отвечивал отец Кирилл. – Пусть дьяк учит детей Божьему слову, а мы пройдем ко мне и попьем чайку с пирогами, что напекла с утра моя матушка.

Иван принял это предложение и вскоре сидел в поповском зале за столом, в окружении поповских дочек, попивая чай с мясными расстегаями и беседуя со священником о сельских делах.

– Наслышан я от старосты о вашем желании учить взрослых дочерей дополнительно и отдельно от парней и весьма приветствую ваше начинание. Своих старших: Машу и Дашу я учу сам на дому – образование в духовной семинарии не уступает учительскому и поэтому я могу успешно поднять образование своих дочерей, чтобы они тоже могли учиться в светских учреждениях, если пожелают. Но другие односельчане не могут сами образовывать своих дочерей и я думаю, что желающие добра своим дочерям родители найдутся в нашем селе: им будет польза, а вам учительская практика и дополнительный доход, – подвел священник итог своим рассуждениям.

– Если кто из прихожан спросит моего совета насчет обучения детей, я им посоветую обратиться к вам, Иван Петрович. И учить девочек можно будет не на дому, а в вашей школе после занятий, так сказать во вторую смену. И под приглядом кого-нибудь из родителей, чтобы не подумали селяне чего худого о ваших занятиях с девушками, потому что вы молодой и холостой учитель, да еще и привлекательной наружности. Вон мои старшие дочери смотрят на вас во все глаза, и я удивляюсь, как на вас одежда не дымится от их обжигающих взглядов, – пошутил отец Кирилл.

– И ещё один совет хочу вам дать. Учите девушек не только грамоте, но и светскому поведению и домоводству: у меня есть книга «Домострой», многие сейчас называют её реакционной, но там много полезных советов для поведения девушек в семье мужа и будет хорошо, если вы используете эту книгу при обучении. Я сейчас же дам книгу вам. Кстати, можете и другими книгами из моей личной библиотеки попользоваться: у меня не только духовные, но и светские книги, есть весьма полезные для учительства, – закончил отец Кирилл и пригласил Ивана в свой кабинет, где в шкафах на полках стояли десятки книг. Иван тоже мечтал завести личную библиотеку, но учеба и переезды мешали этому: таскать

за собой тяжелые книги было неразумно и накладно по деньгам, и пришлось пока отказаться от этой идеи.

У отца Кирилла и вправду книг оказалось много и Иван, просмотрев их, тотчас, с разрешения священника, отобрал с пяток для изучения и возможного использования в учебе, в том числе и знаменитый «Домострой» об укладе семейного быта в русском обществе еще два века назад. Прихватив книги учитель ушел из приветливого дома священника, провожаемый взглядами дочерей отца Кирилла, прильнувших к окнам.

Неделя занятий прошла под снег и завывания метели за окнами школы, но воскресное утро выдалось погожим и солнечным. Низкое солнце серебрило свежий снег, который сверкало словно драгоценные камни всеми отливами цветов, так что слепило глаза при взгляде навстречу солнечным лучам.

Полутру Иван поимел служанку Арину, как всегда на диване, чтобы с чистой душой, освобожденной от плотских желаний, направится после полудня в гости к старосте. Часто, задумываясь о своих отношениях с Ариной, учитель пытался найти им такое понятие, которое бы никак не связывало его со служанкой, как интимная связь соединяет мужчину с женщиной и придумал: его отношение к Арине подобно отношениям хозяина к вещи: хозяин имеет сапоги, пальто, завтрак, приготовленный служанкой, имеет её тело, необходимое ему для душевного спокойствия и к взаимному удовольствию.

У старосты уже оказались и священник, и урядник, и даже волостной старшина – все без жён и деток, когда Иван пришел. Сельская верхушка власти обсуждала указ царского правительства о проведении земельной реформы, разговоры о которой велись еще с лета, но теперь стали законом, который старшина привез из уезда.

Как и предполагал староста, министр Столыпин по царскому велению разрешил крестьянам выход из общины с надельной землей, что была у семьи в пользовании. Эта земля переходила в собственность главе семьи навечно и могла теперь передаваться по наследству.

– Всё, не будет больше мира в деревнях по всей России, где есть надельная земля. Кто сейчас пользуется хорошей землей и одним наделом, – тот её и оформит во владение, выйдя из общины. Кому достанется сейчас земля похуже, да еще и кусками чересполосицы, тот либо продаст землю вовсе и уйдет из села в город, либо сдаст эту землю в аренду крепким мужикам, либо будет горемычно страдать в нищете на этой земле, не в силах сводить концы с концами.

Я, что греха таить, надеялся, что царь-батюшка поделится землицей государевой с крестьянством, да и помещиков своих поприжмет уступить часть земель. Тогда крестьянская община смогла бы всех наделить землей в достатке: только работай – глядишь и безлошадные семьи тоже как-нибудь вывернулись из нищеты с помощью общества, а оно вон как вышло: у кого оказался в руках кусок земли пожирнее, тому она и достанется.

Не понял этот министр Столыпин, что Россия держится на крестьянской общине и вместо укрепления этих общин, он с царской помощью принялся разрушать уклад нашей жизни. Быть большой беде от этого указа, кровушки народной прольются реки – это будет почище, чем революция пятого года – закончил староста села свои мысли.

– Ладно тебе причитать, Тимофей Ильич, – одернул урядник старосту. – У тебя самого земля хорошая и надел побольше, потому что староста: тебе первому сподручно будет выйти из общины, да и старосты, как я слышал, теперь будут не избираться народом, а назначаться уездным начальством. У тебя, Ильич, и земля останется, и должность сохранишь. И другие крепкие семьи возьмут землю и будут будто помещные дворяне хозяйничать на этой земле, а голь перекатная пусть продаёт землю, пропивает деньги и подаётся в города на заработки, коль здесь в селах на земле прокормиться всем не удастся, – подвел итог урядник, а старшина волости поддержал его.

Иван в этом разговоре участия не принимал: своей земли у него не было, у отца тоже, крестьянствовать он тоже не собирался, но рассудком он понимал опасения старосты. Возможность присвоить лучший кусок земли, конечно, разбудит в людях самые низкие инстинкты, соседи рассорятся навсегда, община, которая слабым помогала выжить, распадется на семьи, и каждый будет по-волчьи рвать кусок добычи себе и только себе.

Из истории известно ему, что русская земля покорила татаро-монголам лишь потому, что Русь была раздроблена на отдельные княжества и каждый князь был сам по себе и не желал никому подчиняться даже под угрозой нашествия диких племен. И только благодаря сельской общине, где люди действовали сообща, князю Дмитрию через сто пятьдесят лет удалось объединить людей, и разгромить татар на поле Куликовом. А теперь и каждый крестьянин будет волком сидеть на своем кусочке земли и грызть своих соседей, обманом, силой или деньгами стараясь захватить их земли: точь в точь как князья в старину.

Спор сельчан, впрочем, скоро закончился: реформа ещё только начиналась, многое было неясно, против власти не попрёшь, и утро вечера мудренее.

Староста обнадежил Ивана, что уже десяти девицам родители разрешили подучиться у него в школе, и завтра в понедельник их отцы придут в школу договариваться.

Гости, успокоившись, за обедом вели разговоры о житейских делах, не забираясь до государственных, от выпитой водочки размякли, подобрали и разошлись по домам вполне довольные собою и обедом у старосты.

Иван, попрощавшись с Тимофеем Ильичом, тоже направился домой, уговорившись со старостой, что уроки девушкам будет давать в школе: школа являлась собственностью общины и разрешение старосты было необходимо. Взамен Иван взялся обучать дочь старосты Татьяну бесплатно, чему староста был весьма доволен – целый рубль экономии каждый месяц!

Шагая по темной улице села, Иван размышлял о земельной реформе и министре Столыпине: кто это такой?

VII

Петр Столыпин – крупный помещик-землевладелец, возглавил правительство при Николае Втором в 1906 году, когда отголоски революции 1905 года еще отдавались по всей России, ибо подавление этой революции не решило ни единой проблемы Российского государства, главной из которых была несоответствие между сословной наследственной властью самодержавия и властью денег, которая не признает сословных привилегий, а определяется лишь количеством денег у представителя любого сословия и способом вложения этих денег в экономику страны с целью излечения личной прибыли.

Само понятие экономика означает искусство ведения домашнего хозяйства или совокупность общественных отношений в сфере производства, обмена и распределения продукции.

В промышленности России к этому времени сложились уже вполне капиталистические отношения, когда «его препохабие капитал», находящийся в частных и почти всегда грязных руках, определяет взаимодействие владельцев капитала и наемных работников, которые, собственно говоря, создают и приумножают этот капитал для его владельца, имея от своего труда лишь ту часть, что им милостиво соизволит выделить владелец капитала, подобно тому, как хозяин кинет кость своей собаке: добрый хозяин кинет кость побольше и пожирнее, прижимистый кинет обглоданную кость, а то и вообще ничего.

Такова власть капитала по изначальной принадлежности, независимо от того, каким образом собственники владеют капиталом: единолично или групповым способом, через разные акционерные общества и товарищества, где каждый товарищ волком смотрит на дру-

гого товарища, чтобы при случае загрызть его и отобрать его кость для себя -любимого и ненасытного.

Человек достаточно быстро удовлетворяет естественное чувство голода, но жажда денег, олицетворяющих капитал, не знает чувства и меры насыщения и этот феномен не имеет примеров для подражания в естественной природе.

Карл Маркс, труды которого Иван изучал в своём эсеровском кружке, писал, что за каждый крупным капиталом скрывается преступление. Например, некто избил и ограбил прохожего, взяв у него кошелек, на этот кошелек купил лавку, на доходы от лавки расширил дело, продолжая и разбойничать на дорогах. Потом его сынок, что пошел по стопам отца, приумножил капитал, организовал производство мануфактуры и глядишь через два – три поколения наследники этих разбойников становятся миллионщиками, уважаемыми людьми с честным взглядом и спокойным сном, ибо сами они никого не убивали и не грабили, а лишь воспользовались наследством своих предков-грабителей, как владельцы частной собственности: священной и неприкосновенной для остальных обитателей этой страны.

Итак, капитализм в промышленности России жил и развивался со средней скоростью в 2-6% прироста в 1900-е годы, что царская верхушка считала своим достижением. Однако, прирост населения был больше прироста капитала и по этой причине основное население страны нищало абсолютно и относительно других больших стран Европы, частью которой, несомненно, являлась и Россия.

Другое положение сложилось в сельском хозяйстве. Землей в России владели: государство в лице царя-императора, церковь – как организация, частные лица, помещики – землевладельцы и коллективы крестьян в лице сельских общин. Все эти владельцы имели право владеть, пользоваться и распоряжаться землей, кроме сельских общин, которые не имели права распоряжения, то есть продажи земли.

Петр Столыпин, сам крупный помещик, имевший семь тысяч десятин земли, и приверженец монархистской власти, решил провести земельную реформу только для земель сельских общин, чтобы крестьяне тоже имели право продавать ту землю, что сельская община выделила на эту семью: мол пусть эти наиболее активные и нахрапистые крестьяне, закрепят через власть кусок общей земли за собой и хозяйничают на этой земле, прикупая у других крестьян ещё земли или продавая эту землю по своему усмотрению.

Общинной землей обычно владела волость, через избранных от сел и деревень представителей крестьянства. Волость наделяла села и деревни землей близлежащей, причем сюда входили пахотная земля, угодья и леса, но часть земель, особенно лес, оставалась в общем пользовании волости. Затем сельская община села распределяла общинную землю по дворам согласно количеству едоков мужскому полу и каждый двор-семья пользовались этой землей по своему усмотрению, но так, чтобы уплатить положенные подати с этой земли в пользу государства и сельской общины, без права продажи, да и сама община не могла продавать землю.

Раз в несколько лет общинная земля по жребию перераспределялась между семьями, чтобы учесть новый состав семей. Такой порядок землепользования на Руси был много сотен лет, что объединило и сохранило русский народ как нацию: не торгашей-паразитов, а землевладельцев-тружеников.

По мнению Петра Столыпина, активные крестьяне, завладев землей и обобрав своих соседей: тихонь или пьянчуг, станут зажиточными, и сами без указания сверху, скрутят крестьянскую голытьбу в бараний рог и наступит по всей земле русской тишь да благодать под молитвы попов о благополучии царя-батюшки и всех его присных, владеющих частной собственностью: священной и неприкосновенной.

Худородные крестьяне вымрут с голодухи, а кто останется жив, тех можно отправить за Уральские горы, в Сибирь, где земли много и она никому не нужна в собственность по причине тяжелого климата для земледелия и скотоводства.

Обращаться с крестьянами, как со скотиной, Столыпин научился в бытность губернатором Саратовской губернии, когда по стране прокатились крестьянские волнения от бедности и безземелья, поскольку общиной земли не хватало для прокорма семьи, прикупить землю было не на что, а брать в аренду у помещиков и вовсе влезть в кабалу.

Столыпин первым применил войска для усмирения бунтов со стрельбой по безоружным крестьянам. Этот способ установления спокойствия в губернии был замечен царем Николаем в Петербурге и Столыпина назначили в 1906 году министром внутренних дел по наведению порядка и кладбищенской тишины уже по всей Российской империи.

Столыпин начал ретиво наводить порядок и скоро стал Председателем царского правительства, сохранив за собой и пост министра полиции, и работа закипела.

Нахрапистые крестьяне, используя связи и взятки, прихватили себе лучшие участки общинной земли, затем прикупили земли других крестьян: больных, убогих и пьянчуг, угловорив их выйти из общины и вскоре на просторах Российской империи на русских землях появился класс кулаков-захребетников, которые раскололи мир в общинах по принципу: каждый сам за себя. Эти кулаки переселились на хутора, на своей земле, отделившись от крестьянского мира общины, или же остались жить в селе, отделившись только землей, которую крестьяне-общинники называли «отрубам».

Недовольные и обманутые крестьяне взбунтовались, на что Столыпин ответил организацией карательных экспедиций по усмирению непокорных сел с массовым расстрелом на месте и организацией военно-полевых судов из офицеров-карателей с приведением приговоров на месте через повешение смутьянов. Более тихих, но непокорных, ссылали на каторгупоселение в Сибирь, вслед за добровольными переселенцами, решившими поискать счастья за Уральскими горами.

В промышленности, Столыпин-полицейский тоже ввел драконовские законы в отношении рабочих, позволяя фабрикантам по своему усмотрению устанавливать оплату наемных рабочих и распорядок работы.

В добавок к земельной реформе, Столыпин попытался решить и еврейский вопрос, который волновал его как православного помещика, видевшего угрозу в этих пришельцах из далёких земель для самодержавия и помещичьих привилегий.

Столыпин приказал в нескольких губерниях выделить земли вокруг еврейских местечек-поселений, чтобы иудеи начали крестьянствовать и ушли от привычных им дел: ремесленничества, торговли, содержания питейных заведений и публичных домов и ростовщичества. Иудеям, не желающим заниматься крестьянским трудом, начали выдавать ссуды для переезда обратно в Палестину, которая считалась их землей обетованной. Одни иудеи охотно брали деньги на ведение крестьянского хозяйства, другие брали деньги на переезд в Палестину, но всё оставалось по старому: никто из них не собирался работать на земле и почти никто не желал переезжать в Палестину. Обычно, взяв ссуду, иудеи переезжали в другую губернию, где их следы терялись в тамошних местечках.

Крестьяне – переселенцы в Сибирь, получив ссуду на переезд и обустройство хозяйства, делились деньгами с чиновниками – мздоимцами, а оставшихся средств не хватало на обустройство жизни в непривычно суровом климате Сибири и примерно пятая часть переселенцев возвращалась в родные места батраками, потому что свою землю они уступили кулакам по условиям ссуды.

Помещики и капиталисты горячо приветствовали действия Столыпина по наведению порядка в стране и усмирению недовольства крестьян и рабочих, но обездоленные и униженные ответили на репрессии сопротивлением, организовались в партии, в том числе и в

партию эсеров, к которой примкнул ещё в ходе учебы Иван и которая, в эти столыпинские времена, организовала боевую организацию, устраивающую уничтожение наиболее ненавистных представителей власти.

Жан Жак Руссо, французский философ, говорил: «Первый кто огородил участок земли, придумал заявить: «Это моё» – был основателем гражданского общества. От скольких преступлений, войн, убийств, несчастий и ужасов уберег бы род человеческий тот, кто, выдернув колья, крикнул бы себе подобным: «остерегайтесь слушать этого обманщика: вы погибли, если забудете, что плоды земли – для всех, а сама она – ничья!»

Своими действиями и реформами в интересах правящих классов помещиков-капиталистов, Столыпин окончательно расшатал устои царской власти и вызвал неотвратимость перемен в стране, что в последующем, привело к краху царской России.

Помещик-крепостник Столыпин так и не понял, что в условиях России, исключая южные окраины, земледелием можно успешно заниматься только всем миром, помогая и поддерживая соседей: даже ставить дом новый крестьянин кликал на подмогу сельчан и такая подмога называлась «помочь». Одиночке-пахарю в суровом климате России не сдюжить против природных напастей и развал общины – это не свобода распоряжаться землей, а уничтожение образа жизни русского крестьянина, чьим потом и трудом и была построена Российская Империя, которая начала рассыпаться, лишившись поддержки общины-народа.

Желая упрочить самодержавие, дворянство и капитал, Столыпин внес разлад в общинную жизнь крестьянства и тем самым подорвал основы самодержавия, которое и держалось несколько столетий лишь опираясь на сельскую общину.

Став на путь подавления крестьянского недовольства путем насилия, репрессий, расстрелов и виселиц, Столыпин лишь ускорил крах царизма, при этом, обвиняя своих противников в том, что «Вам нужны великие потрясения, а нам нужна великая Россия», но даже попы проповедуют, что благими намерениями вымощена дорога в ад.

Тысячи крестьян, восставших против столыпинской земельной реформы, были застрелены карателями, ещё тысячи были повешены по приговору военно-полевых судов, десятки тысяч отправлены на каторгу и все это делалось Столыпиным при согласии и одобрении царя-батюшки Николая Второго.

Лев Толстой, в своей статье «Не могу молчать» писал: «Обращаюсь ко всем... И до вас, двух главных скрытных палачей, своим попустительством участвующих во всех этих преступлениях Петру Столыпину и Николаю Романову...., чем дольше продолжается теперешнее положение, тем больше я убеждаюсь, что эти два человека, виновники совершающихся злодейств и развращения народа, сознательно делают то, что делают».

В самом начале столыпинских реформ и злодейств, по Льву Толстому, Иван и начал в селе Осокое учительствовать в земской школе.

VIII

В понедельник, утром, к Ивану в школу пришли трое крестьян, справиться насчет учебы своих взрослых дочерей, о чем их уговорил староста. Учитель спешил на уроки и договорился, чтобы сельчане пришли часа в три пополудни, когда он освободится и можно будет сговориться подробно об учебе девиц. Время наступило зимнее, работы крестьянской во дворах было немного и крестьянские ходоки в заботах о своих дочерях пришли в условленное время, обсудили условия учебы и плату за обучение: всё их устроило и со следующего понедельника уговорились о начале учебы девиц прямо в школе после уроков школяров.

За неделю Иван навестил и других сельчан, пожелавших обучить своих подросших дочерей, по списку составленному старостой, и в следующий понедельник после полудня в школу пришли двенадцать отцов семейств со своими дочерьми, которые либо вовсе не знали

грамоты, либо не доучились в земской школе, либо хотели подучиться основательнее для возможного

дальнейшего образования, как Татьяна – дочь старосты, хотевшая выучиться дальше на учительницу и пришедшая без отца, поскольку знала учителя лично.

Иван собрал девиц в классе вместе с их отцами, объяснил, как и чему он будет учить каждую из них в зависимости от грамотности и дальнейших намерений и уговорился о начале уроков завтра же, чтобы не терять даром время: пока зима – домашней и полевой работы мало, но с наступлением весны девушкам будет труднее уходить на учебу, ибо крестьянских забот прибавится. Плату за обучение Иван условился, по предложению старосты, в один рубль за месяц, что было посильно всем пришедшим зажиточным крестьянам, занимающимся ещё и отхожим промыслом в зимнее время года.

На следующий день Иван провел с утра уроки в школе, обучая малолеток, пообедал, отдохнул немного и скоро вернулся в класс, где уже собрались новые ученицы. Пришли и два отца, желающих посмотреть, как учитель будет обучать их дочерей и не зря ли они согласились платить рубль в месяц за их учение.

Ученицам было по 16-17 лет – в самом расцвете девичества, когда даже неприятельской внешности девушки свежи и обаятельны и потому выглядят весьма привлекательно для мужского глаза.

Иван рассадил девушек, чтобы ему было удобнее учить их в зависимости от уровня грамотности и, не медля далее, начал уроки. Для неграмотных вообще, он начал с обучения буквам, для грамотных задал чтение, а для пожелавших совершенствоваться в учебе далее задал переписать из учебника в тетрадь по целой странице, чтобы оценить их уровень знаний. Таких учениц оказалось лишь две: Татьяна – дочь старосты и дочь лавочника.

Уроки с девушками прошли быстро: учитель объяснял, что и как делать каждой из них, смотрел в тетради, проверяя написанное, но стараясь не наклоняться близко, чтобы не возбуждались его мужские желания от близости девичьих прелестей и не вызвать этим неудобольствие присутствующих отцов, зная строгость семейных нравов. К концу занятий, длившихся два часа, девушки вполне освоились, начальная девичья стеснительность исчезла перед молодым учителем, и Иван закончил уроки уже при взаимной доброжелательности и полном одобрении со стороны отцов, убедившихся в том, что они не зря будут платить деньги за обучение дочерей.

Ученицы разошлись. Иван прошел к себе в учительское жилище, где Арина уже готовила ужин и собралась уходить домой. Успешные уроки подняли Ивану настроение, близость молоденьких девушек возбудила желания и он, обхватив Арину за груди, молча потянул женщину к дивану.

– Что вы, что вы, – испугалась Арина, – вдруг кто вернется или нечаянно зайдет сюда, тогда стыда нам не обернуться и вашему житью здесь наступит конец.

– Не беспокойся Аринушка, калитку я запер на крючок, пока открывать будут, мы приведем себя в порядок.

– Ну, если по-быстрому, то как пожелаете, Иван Петрович, – покорно проговорила женщина, удобно укладываясь на диван и принимая на себя всю тяжесть мужского тела, потому что учитель не стал раздеваться, сняв только пиджак и ботинки, в которых проводил уроки.

Соитие учителя и служанки было быстрым и бурным со стороны мужчины, так что женщина даже не успела настроиться на близость, как Иван достиг семяизвержения и затих неподвижно в теплом женском теле.

– Эвон как, Иван Петрович, вас девицы распалили, – обиженно сказала Арина. – Я даже не успела вкусить женскую радость, как вы уже закончили свое греховодство. Не дай вам бог, Иван Петрович, позариться по настоящему на ученицу какую: отец девицы может и на смертоубийство пойти за честь дочери и конец тогда моей службе у вас на кухне и на

диване, а я ведь только-только вкусила женской сладости и начала подкапывать рубликов для своего отъезда в город, когда вы уедете тоже на свою учебу.

– Поэтому, Аринушка, и будем ублажать нашу плоть на диване, чтобы и мне глупость от мужского желания не совершить, и тебе получить удовольствие и доход от нашего греховодства, как ты говоришь, – отвечал Иван, освобождая женщину от своей тяжести.

– И насчет девиц этих не беспокойся: пока нам хорошо вместе, у меня и мыслей насчет них не будет. И быстрота моя сегодня с тобой не в обиду тебе, а потому, что день я провел удачно, вот желание и разыгралось. Мужчина, наверное, завсегда хочет женщину больше, если дела сделал хорошо и доволен собою. Я сегодня доволен собою, отсюда и быстрота улады с тобою. Ничего, завтра я исполню всё это снова и только для тебя – чтобы напрасно не обижалась. А теперь поспешай домой: сынок, наверное, заждался матери, да и соседи мои могут почуять неладное, если ты будешь затемно уходить из школы.

Арина быстро собралась и ушла, оставив учителя наедине и в полном удовлетворении чувственной мужской плоти.

На следующий день, проведя уроки со школьниками и девицами, Иван исполнил свое обещание удовлетворить женскую страсть и Арина билась под ним на диване, стонала и кусала в плечо, содрогаясь от сладко-пронзительного осязания близости с мужчиной, захлестнувшего женщину с ног до головы сбывшимся чувственным желанием плоти.

Зимние дни замелькали чередой, как вороны над ближним лесом, в будничных заботах учителя об учениках и ученицах и в устоявшихся отношениях интимной связи учителя со служанкой.

Уроки со школьниками давались Ивану легко: он нашел подход к крестьянским детям, которые в охотку, а не по принуждению стали учиться грамоте, видя старания учителя.

Девицы тоже вполне охотно посещали занятия и показывали хорошие успехи в учебе, стараясь не сплеховать перед молодым учителем и осторожно заигрывая с ним в тайной надежде стать его суженой: не может же молодой одинокий мужчина не увлечься кем-нибудь из них: молоденьких, свежих и привлекательных, а дальше одна дорога – под венец.

Но эти мечтания девиц были тщетны: плотскую страсть учитель тайно удовлетворял со своею служанкой, а по душе избранницу он не искал, чтобы не увлечься ненароком и не связать себя узами брака в ущерб мечтам о дальнейшей учебе.

Беспокоила учителя лишь Татьяна – дочь старосты, которая почти в открытую показывала свою увлеченность учителем: в школе на занятиях и дома, когда Иван иногда приходил на воскресные обеды, но уже не ради угощения, а для бесед с уважаемыми людьми села: старшиной волости, священником и урядником, которые тоже бывали на обедах у старосты и в свою очередь давали обеды у себя на дому.

Эта Татьяна показала хорошие знания по литературе: оказывается, она почитывала книги из библиотеки священника, и несколько книг было в доме старосты. В письме у девушки была приличная грамотность и хороший почерк; она иногда помогала отцу составить отчет в волость или уезд, в том числе и по налогам, что требовало арифметических расчетов и пояснений. На занятиях Татьяна неотступно смотрела на учителя и иногда, вскинувшись взглядом на девушку, Иван ловил на себе пристальный взор её миндалевидных серых глаз из-под припущенных пушистых ресниц. Этот взор смущал и обжигал учителя нескрываемой чувственностью юной девушки, решившей, что она нашла своего избранника и теперь нужно лишь добиться от него ответного чувства.

– Если бы не Арина на диване, – я вряд ли устоял перед обаянием и настойчивостью этой прелестной девушки, рядом с которой мне легко и свободно, – думал Иван всякий раз, встречаясь взглядами с дочерью старосты в школе или у неё дома.

На Рождество Иван отстоял службу в церкви, а остаток ночи провел в гостях у волостного старшины, который принимал в эту ночь гостей со всей волости и лишь утром Иван

вернулся домой, улегся спать и проспал до самого вечера. Арина в этот день была отпущена домой, чтобы провести праздник в кругу семьи и потому Иван удивился, когда услышал, что дверь отворилась и кто-то легкими шагами вошел на кухню.

– Видимо, Арина в честь праздника зашла поваляться на диване, – удовлетворенно подумал Иван, одевая халат на голое тело и выходя на кухню, чтобы прямо с мороза утянуть служанку на диван и там разогреть её до сладостных стонов своими любовными движениями и ласканием упругих грудей и податливого нежного тела.

Выйдя на кухню, Иван с изумлением увидел Татьяну, которая застыла на пороге, смущенно отводя глаза от голых ног учителя и обнаженной его груди, покрытой между сосками рыжеватой растительностью. Иван моментально запахнул халат поглубже:

– Хорошо, что подвязался поясом, а то увидела бы меня девушка во всей мужской наготе и в раз догадалась бы о моей связи со служанкой, если я, почти голый, выхожу в кухню, – подумал учитель, а вслух сказал:

– Извините, Таня, что вышел в таком виде на стук двери. Отсыпаюсь после всеобщей и никого не ждал с визитом. Служанка, которую вы видели в школе, еще со вчерашнего вечера отпущена домой. И вам, Таня, удобно ли заходить в гости одной к одинокому мужчине на ночь глядя? Что подумают мои соседи? Доложат Тимофею Ильичу и придется мне оправдывать ваш визит.

– Не беспокойтесь, Иван Петрович, я зашла к вам из церкви, по просьбе отца: он приглашает вас к нам на праздничный ужин прямо сейчас и наказал, чтобы без вас я домой не появлялась, – ответила девушка, уже смело глядя на полуодетого учителя.

– Если так, то деваться некуда, – ответил Иван. – Вы пройдите в горницу и подождите немного, пока я оденусь, и пойдем вместе к вашему батюшке.

Татьяна прошла в горницу и присела на диван в ожидании учителя, который удалился в спальню, поспешно оделся и вышел в горницу уже готовый к походу в гости.

– Удобный у вас диван, Иван Петрович, – заметила по-хозяйски Татьяна. Надо папеньке сказать, чтобы купил такой же и поставил в комнате, – там можно будет присесть вдвоем и вести разговоры непринужденно.

Иван даже покраснел от этих слов, вспомнив о прелюбодеяниях на этом диване со служанкой: хорошо еще, что в темноте его смущение было незаметно.

– Женщины сразу чувствуют, для чего нужен диван, – подумал учитель, – вовремя Арина убрала подстилку с дивана – по её смятости можно догадаться, что здесь не сидят, а лежат и не просто лежат, а вдвоем и занимаются богоугодным делом мужчина с женщиной.

Учитель с ученицей вышли из школы и пошли сельской заснеженной улицей к дому старосты села, здороваясь на пути с редкими прохожими.

– Завтра, уже всё село будет обсуждать мою прогулку с дочерью старосты, – с тоской подумал Иван, – и меня запишут в женихи к Татьяне. Эх, если бы не планы на учебу, то я с превеликим удовольствием взял бы эту девушку в жены: и хороша собою, и умна, и чувствует моё настроение, а потому ненавязчива. Но отец говорит, что жениться можно лишь став полностью самостоятельным и имея возможность обеспечить своим заработком семью. Можно, конечно, и жениться с выгодой на богатенькой невесте с приданым, но тогда я перестану уважать сам себя, да и не бывает такого в жизни, чтобы невеста была богата и пришлась по душе.

В дом старосты набились его родственники: ближние и дальние в честь престольного праздника, и Иван с Татьяной присоединились к застолью, которое затянулось до глубокой ночи, благо что рождественские праздники длились всю неделю.

На селе немного посудачили об учителе и дочке старосты да и стихли, поскольку появились новости поважнее: началась земельная реформа, затеянная министром Столыпиным.

Несколько зажиточных крестьян, размежевали свои наделы и подали заявления в уезд о выходе из общины со своими земельными наделами, которые оказались лучшими землями во всей общине. Власти вырезали эти земли из общинных угодий и передали в собственность заявителя, которых народ тут же окрестил отрубам – ведь они отрубили свои земли от общинных. Следом за отрубам и несколько захудалых крестьян выделили свои земли из общинных и тут же продали землю отрубам, которые и присоединили покупную землю к своим наделам, которые странным образом оказались рядом. На селе ходили слухи, что хуляки поддались уговорам отрубов и выделили свои земли из общины, чтобы продать их, а деньги пустить на ветер, либо пропить.

До самой масленицы всё село обсуждало эти события и решали сходом как жить дальше, но так и не решили: общинная земля оказалась разрезанной участками отрубов, собиравших свои земли вместе с покупными, словно зажимая их в кулак, и таких владельцев народ прозвал кулаками. Единая община раскололась по интересам: на кулаков, общинников и безземельную голытьбу, которые еще не начала враждовать между собой, но уже не здоровались, а у одного кулака вдруг ночью занялся огнем амбар и сгорел дотла, но усадьбу, удалось отстоять, забросав огонь снегом. Толковали о поджоге, но следов не было и кулак этот начал строительство нового дома на своей земле, выделившись из села хутором.

Однако, учеба в школе шла своим чередом, школьники показали успехи в грамоте, когда инспектор училищ приехал из уезда проверить работу учителя. Инспектор этот остановился на ночлег у Ивана, крепко выпил на ночь под горячую закуску, приготовленную Ариной, а на следующий день отсидел на уроках, послушал Ивана и ответы учеников, похвалил всех за прилежание и отбыл в санях обратно в уезд, сказав, что постарается отметить успехи молодого учителя небольшой премией от попечительского совета. И действительно, при очередном получении жалования, доставленного урядником из уезда, Ивану было добавлено 45 рублей вознаграждения за школьные успехи.

Пять рублей Иван пожаловал Арине за прилежное исполнение домашних дел и усердие на диване к взаимному удовольствию. За зиму от спокойной жизни и женской удовлетворенности, Арина похорошела лицом и налилась телом, которое из податливого стало упругим, что и не ущипнуть, как иногда старался сделать Иван, проходя мимо служанки на кухне. Однажды он не удержался и овладел Ариной прямо на кухне, подкравшись сзади и закинув подол платья ей на спину. Арина стерпела хозяйскую распущенность, но обиженно высказалась:

– Вы уж, Иван Петрович, больше не позволяйте себе такого баловства, чтобы сзади и по-собачьи пользоваться бедную женщину. Не по-божески это баловство, да и приятности от него нет никакой. Давайте и впредь заниматься греховодством на диване, коль места в спальне на кровати для меня нет, да и сама я не желаю на кровати.

Больше Иван не позволял себе баловства с Ариной и равные чувственные отношения между учителем и служанкой сохранялись к взаимному удовольствию обоих. Арина уже всегда пристально смотрела в лицо владевшего ею мужчины, прикрывая глаза лишь в последние мгновения, когда женская страсть захватывала всё её тело и она начинала стонать и извиваться, сжимая Ивана ногами и руками и покусывая его в плечо или в грудь, но осторожно и ласково, не оставляя следов от укусов.

Масленица в этом году была поздняя, наступила оттепель, и сельчане праздновали приход весны и проводы зимы шумными гуляниями и обильной едой в преддверии Великого поста.

Иван на масленицу посетил поочередно и старосту, и урядника, и старшину, и священника, и везде его встречали с уважением и почетом, поскольку дети и девицы наперебой расхваливали учителя своим родителям за его спокойный нрав, старание и терпение, а особенно

за то, что Иван Петрович никогда не поднимал руку на учеников и не обзывал их обидными словами.

Прежний-то учитель чуть-что брался за линейку и больно бил ею нерадивого ученика по рукам или спине, не жалея даже малолеток и девочек, да и бранных слов не жалел, обзывая учеников дураками, невеждами и другими обидными прозвищами.

В четверг масляной недели, когда Иван сидела на кухне за столом и кушал блины со сметаной и медом, которые тут же пекла Арина, раскрасневшаяся от жара печи и после утреннего блудства на диване, что устроил ей хозяин в честь Масленицы, в дверь постучали и вошла старостина дочь Татьяна.

Увидев учителя снова в одном халате, но уже рядом со служанкой, груди которой были полуоткрыты вырезом сарафана, Татьяна смутилась и хотела было выйти, но Иван остановил девушку словами: – Заходи, Таня, не стесняйся. Я завтракаю горячими блинами, вот и не оделся. Арина сейчас допечет блинов и уйдет домой к сыну. А ты опять от отца, наверное, с приглашением тоже на блины, я угадал?

– Нет, Иван Петрович, я своею волею зашла поздравить вас с масленицей, но вижу, что вам со служанкой Ариной хорошо вдвоем и без моих поздравлений и не буду вам мешать, – почти выкрикнула девушка и, хлопнув дверью, выскочила во двор. Женским чутьем она поняла, что служанка Арина по-особому относится к учителю: как женщина, а не как к хозяину. И если не поторопиться, то может улестить учителя – вон и груди у неё почти голые. То, что между учителем и служанкой уже есть связь, Татьяна ещё не допускала в мыслях, но остерегалась в будущем, по девичьей наивности полагая, что близкие отношения возможны лишь между мужем и женой, но никак не между учителем и его служанкой.

– Нехорошо получилось, – сказал Иван, заканчивая завтрак. Татьяна видимо заподозрила нашу связь, если выскочила, как угорелая, из дома. Я сижу здесь в одном халате на голое тело, ты Арина, с лицом удовлетворенной женщины, сверкаешь своими грудями прямо передо мною. Сразу можно подумать неладное.

– Что же мне отрезать груди? – обиделась Арина, выкладывая очередной горячий блин со сковороды на блюдо и выливая тесто плоской на раскаленную сковороду для следующего блина.

– Отрезать ничего не надо, но платье придется другое купить для хлопот по дому: с глухим закрытым воротом, чтобы груди твои не телепались у всех на виду, вызывая нескромные желания. Я заметил, что когда ты начинаешь мыть полы в школе после уроков, то старшие ученики подглядывают за тобою с интересом: вдруг грудь вывалится из сарафана. Мне твоя грудь тоже нравится, как и другое укромное место, – закончил учитель, вставая из-за стола и обхватывая служанку за груди, высвободив их из выреза сарафана на свободу. Прикосновения к упругим женским прелестям неожиданно возбудило его вновь и он потянул Арину снова к дивану, чему та не противилась, успев однако убрать сковороду с недопеченным блином с плиты.

В этот раз слияние учителя со служанкой было бурным и длительным. Арина дважды, с перерывом, заходилась страстными стонами от женского удовлетворения, пока Иван тоже не добился полного блаженства и не затих на жарком теле женщины, которую успел таки оголеть всю, сбросив и свой халат, так что на диване неподвижно лежали совершенно нагие мужчина и женщина, соединенные в объятиях после удовлетворенной плотской страсти.

Неподвижно полежав минуты, Арина высвободилась из-под Ивана, одернула сарафан, скомканный на теле и с улыбкой полного удовлетворения пошла на кухню допекать блины, сказав учителю похвальные слова:

– Сегодня вы, Иван Петрович, и вовсе молодец, – такое удовольствие доставили бедной вдове, да ещё и три раза, если считать с утра, чего с вами никогда не бывало. Это, навер-

ное, старостина дочка так распалила вас, что накинулись на меня словно собака на кость, – поддела служанка учителя и смеясь скрылась за дверь.

– Действительно, почему похоть снова разыграла во мне? – вяло размышлял Иван в полном изнеможении чувств, излившихся в женское тело Арины: не любимое, конечно, но очень и очень желанное.

– Так и вообще можно привыкнуть к Арине и довольствоваться только ею, как мой отец привык к служанке Фросе и она стала ему вместо жены. Арина тоже становится всё бойчее и страстнее, вздрагивая и постанывая подо мною и судорожно сжимая мою плоть в тайных глубинах женского лона, вызывая у меня нестерпимую сладость владения женщиной.

– Всё! Больше не буду покусывать Арину в грудь и не буду оголять её всю в минуты соития, – решил Иван. – Пусть останется только плотская утеха и никаких больше чувств, – иначе нам обоим несдобровать. А сейчас придется пойти к старосте, чтобы развеять подозрения его дочери Татьяны относительно моих отношений со служанкой, – закончил Иван мысленные рассуждения, вставая с дивана и направляясь на кухню допивать свой чай: после страстной близости с Ариной во рту у него совершенно пересохло.

Служанка допекла блины и отпросилась домой к сыну. На что Иван, благодарно за доставленное удовольствие, отпустил Арину и на весь завтрашний день, намереваясь навещать священника: в масленицу сельчане заходили в гости без приглашения, но соблюдая чинопочитание: крестьянину простому в дом священника хода не было, а учителю – всегда пожалуйста: как родному, да ещё и потенциальному жениху для старших дочерей – на выбор.

Иван, как и задумал, посетил старосту, принял участие в их семейном застолье, был внимателен и любезен с Татьяной, чем успокоил её подозрения насчет служанки, которую ему прислал староста: мол у отца и расспрашивайте про служанку: она убирается у меня по дому и в школе, да ещё готовит кушанья, а кто она и что она, мне без надобности.

Девицам Иван рассказал занимательные истории о семейной жизни людей Востока, где можно иметь много жен и как эти жены должны вести себя дома с мужем и при посторонних.

Староста от этих историй оживился и тоже рассказал, как в войне с турками болгарки помогали русским войскам едой и питьем, а турчанки прятались в своих домах и при обысках на женскую половину заходить солдатам было нельзя – иначе осквернишь жилище и хозяин дома – турок может из-за этого развестись с женой, трижды обойдя вокруг жены и проговорив три раза слово «талгат», а что это значит, Тимофей Ильич не ведал.

Время в беседах и застолье прошло незаметно и Иван возвращался к себе домой уже затемно, хотя день значительно прибавился и со дня на день ожидалось внешнее тепло, а там и посевная, к которой на селе усердно готовились, унавоживая огороды и пашни навозом от скотины, что скопился за зиму и лежал во дворах большими кучами.

К вечеру небо прояснилось, похолодало и Иван шел по пустынной улице, похрустывая сапогами подтаявшим за день настом на укатанной санями дороге. В окнах домов кое-где мелькали огоньки свеч, в избах горели лучины, но большинство домов и изб стояли в темном безмолвии: даже в праздничные дни крестьяне ложились спать рано, чтобы не тратить понапрасну свечи и не дымить в избах лучиной: керосиновые лампы лишь начинали входить в сельский быт, но были дороги и не каждой семье по карману, да и керосина для них не напасешься.

Придя домой, Иван налил чаю, чуть теплого, не разжигая самовара, лег в постель, почитал при свете керосиновой лампы немного из книги по истории христианства, что взял недавно у священника, задул лампу и уснул спокойным сном человека, хорошо и успешно потрудившегося за день – что было истинной правдой.

Масленица закончилась сжиганием чучела зимы на пустыре возле церкви и потянулись недели Великого поста. С каждым днем солнце пригревало всё сильнее, и даже в хмурые дни южный ветер приносил тепло из жарких стран. Вскоре прилетели грачи и стали шумно

устраиваться в своем грачином поселении на березах, что росли на сельском погосте. Весна вступала в свои права, медленно, но неуклонно изгоняя холода и снега на север, к Балтийскому морю и далеко за него в таинственную страну Лапландию, где согласно сказочнику Андерсену проживает снежная королева.

С приходом весны и в крестьянской среде появилось томление в ожидании скорой весенней страды – посевной, когда от проворности в работе и крестьянской расчетливости зависит осенний урожай, а с ним и достаток или пустые закрома в случае недорода.

Девушки, которым Иван давал уроки в школе, расцвели и похорошели и откровенно заигрывали с учителем, если на уроках не было кого-нибудь из их отцов, а отцы эти готовились к посевной, чинили утварь и сбури для конской пахоты и сева и потому перестали посещать уроки своих дочерей для надзора за их благопристойностью в общении с молодым учителем. Впрочем, Иван за зиму создал себе репутацию тихого и порядочного человека, не подверженного порокам пьянства и прелюбодеяния, посещающего церковь и дружившего с сельской верхушкой и потому надежного хранителя чести и достоинства девушек, несколько из которых собирались на Троицу выйти замуж, не дожидаясь осенних свадеб.

IX

Татьяна – дочь старосты тоже похорошела и налилась девичьей статью: формы её округлились, исчезла мальчишеская угловатость, груди приподнялись, тугие соски выпирали сквозь ситец платья и словно просились в мужскую ладонь, которая сорвет эти нераспустившиеся бутоны девичьего первоцвета.

Во время уроков, Иван постоянно ощущал на себе рассеянный взгляд серых глаз Татьяны, которые иногда заволакивала пелена неизведанных мыслей – желаний: как лучи солнца закрываются легкими весенними облачками, и тогда глаза девушки начинали светиться изнутри душевным светом, прорывающимся сквозь мысли – желания, как и солнце прорывается лучами сквозь прикрывшее его облачко.

Говорят, что чужая душа – потемки, но душа девушки Татьяны была для Ивана будто открытая книга, на каждом листе которой крупными буквами было написано неосознанное желание невинной девушки быть рядом и вместе с ним, пусть даже с утратой чести и порядочного имени. Желание девушки было смутным: прикоснуться к тому, чем образ поселился в душе, поцеловать избранника в губы и уступить мужской настойчивости, отдав всё свое тело в его власть, надеясь, что он разбудит чувственную страсть девушки и их души тоже сольются вместе, как и плотские желания, доставив радость обладания любимым человеком.

Иван с трудом удерживал всю свою чувственность, чтобы не ответить на призывные взоры девушки, и не погрузиться в бездонный омут её глаз и желанных объятий, которые, несомненно, раскроются для него стоит лишь прикоснуться к Татьяне где-нибудь наедине.

Он страстно желал этого телом, но голос разума всякий раз останавливал учителя: отдашься воле чувств и останешься в этом селе навсегда при женщине, которую желаешь телом, но не любишь душою и прощайте тогда мечты об учебе, науке и интересной жизни, которая, несомненно, ожидает его впереди.

Поэтому Иван старался не замечать призывных взглядов Татьяны на уроках и держался от неё подальше в дни посещения старосты на воскресных обедах. Мать Татьяны женским чутьем уловила приязнь дочери к учителю, о чем не преминула сказать Тимофею Ильичу и вместе они решили: пусть будет так как хочет дочь – если сладиться у неё с учителем, то и слава богу, а нет, так учитель не позволит себе непотребства с их дочерью, а Татьяна минует свое девичье увлечение и, даст бог, еще устроит свою судьбу с помощью родителей.

Склоняясь к Татьяне, сидевшей за партой для объяснения ей непонятного места из учебника, Иван вдыхал свежий запах девичьего тела и запах березы, идущий от её волос, прикрытых полотняной косынкой и с трудом сдерживался, чтобы прямо здесь, в классе, не обхватить девушку за плечи, прижать к себе всё её упругое тело, мять и тискать девичьи

прелести и овладеть ею полностью, ощущая как Татьяна покорно отдается его воле, улыбаясь сбывшимся мечтаниям.

Такие картинки рисовались воображением Ивана почти каждое утро после пробуждения, вызывая нестерпимое мужское желание в паху.

Дело в том, что Арина отказала хозяину в плотских утехах, пока идет Великий пост.

– Как хотите, Иван Петрович, но я не согласная грешить с вами в Великий пост, хотя и сама привыкла к мужской усладе и вся дрожу, лишь вспомню ваши ласки на диване. Надо охолонуть немного и замолить телесный грех – на то он и пост, Великий, чтобы ничего скоромного не употреблять, а мужские ласки – это самое скоромное, что только может быть на белом свете.

Пройдет пост и всегда пожалуйста к вашим услугам и нашему удовольствию – хоть ложкой черпайте, но в пост Великий я вам не уступлю и не надейтесь. И пощадите бедную вдову в её покаянии, за женские слабости до конца поста, – объяснила Арина свой отказ идти на диван, куда Иван, по привычке потянул женщину, в первый же день поста после масляной недели, на которой оба они охотно предавались плотским утехам чуть ли не каждый день.

Иван смирился с желанием Арины попоститься и замолить грешные плотские утехи, но молодое его тело не слушалось голоса разума и требовало удовлетворения, потому-то и начала ему сниться Татьяна ночами и являться в мыслях каждое утро. Как-то во сне ему привиделось, что он овладел девушкой на своем диване и получил полное удовлетворение. Проснувшись на мокрой простыне, Иван убедился, что сон довел его до юношеского семяизвержения. Арина, застывая постель, также заметила следы сонных мечтаний учителя на простыне и даже посочувствовала с улыбкой:

– Потерпите, Иван Петрович, немного осталось поститься – чуть больше недели, а там, чувствую, вы разорвете меня надвое прямо на диване. Ну, да ничего, стерплю вашу страсть – бог терпел и нам велел: не впервой весело услаждать мужчину и самой усладиться, – закончила служанка и ушла в кухню готовить постный завтрак учителю, покачивая бедрам, так что Иван еле-еле сдержался, чтобы не взять Арину силой и тем нарушить её пост.

Последняя неделя поста пролетела мигом: в школе скоро заканчивались занятия и учитель перед летним перерывом натаскивал учеников в грамоте, а тех, кто обучался третий год, проверял на грамотность испытаниями, чтобы потом выписать им свидетельство об окончании земской школы первого уровня обучения.

От плотских желаний Ивана отвлекло и происшествие на селе, которое горячо обсуждалось всей общиной. Один селянин, что пожелал выделиться из общины со своим наделом земли, вызвал из уезда землемера, чтобы установить точную межу с соседними наделами. Снега уже сошли с полей и межевание землемер сделал быстро и, видимо, за мзду, потому что прирезал этому крестьянину общинной земли на три сажени по всей длине.

Владелец того участка, что урезали, попытался оспорить, по-честному, эту несправедливость, но кулак отказал ему в справедливости и крестьянин, в горячке, заколол кулака вилами прямо на меже – так начала действовать земельная реформа, затеянная министром Столыпиным. Раньше такой спор на меже легко решался внутри общины, на сходе крестьян, а теперь оспорить межевание с кулаком можно только через суд, на который у крестьян не было ни денег, ни грамотности, что и привело к убийству. Целую неделю всем селом обсуждали это злодейство и решили, что ещё много крестьянской кровушки прольется, если земельная реформа помещика Столыпина будет продолжаться в тот же направлении: когда можно бессовестно прирезать себе земли за счет соседей, дав взятку землемеру или начальству в уезде.

В субботний день перед Пасхой, служанка добрую половину дня парила и жарила на кухне различные блюда для разговления, пекла пироги, плюшки и куличи и лишь к вечеру,

выложив стряпню на блюда и убрав кушанья в погреб на лёд, ушла домой, чтобы поспеть к церковной службе, но пообещав, с улыбкой, что завтра придет пораньше для разговления.

С уходом Арины учитель не стал дожидаться завтрашнего утра, а закусив пирогами с маком и съев добрый кусок буженины, что Арина принесла из лавки, пошел ко Всенощной, чтобы помаячить у сельчан перед глазами и тем подтвердить свою православную набожность. Впрочем, дождавшись полуночи и совершив крестный ход вокруг церкви, Иван при первой возможности потихоньку исчез со службы и спокойно улегся спать, справедливо считая, что утро вечера мудренее.

Ночью учителю снова приснилась Татьяна, почему-то с распущенными волосами, но в Арином платье-сарафане, которое бесстыдно приподняла, показывая женскую наготу. От такого сна Иван и проснулся. Утро уже занялось теплым солнечным и спокойным. Помнится, что служанка Фрося, жившая с его отцом Петром Фроловичем в прелюбодеянной связи, как и он с Ариной, всегда говорила, что на Пасху, какой-бы ни выдался день хмурым, солнце обязательно покажется хоть на несколько минут, чтобы осветить землю в честь воскресения Спасителя.

День и вправду обещал быть погожим и светлым. Пока Иван размышлял о религии, пришла Арина и захлопотала на кухне. Вспомнив её обещание отдаться ему на Пасху, Иван как был в подштанниках, вышел на кухню, Арина, поняв, что пришел её черед, оставила дела, трижды поцеловала Ивана в щеки, христосуясь, и сама пошла на диван, торопливо скидывая с себя сарафан и оставаясь во всем великолепии женской наготы. Их соитие было бурным, страстным и длительным: оба соскучились по плотской утехе за длинные недели Поста. Иван дважды излил мужское желание в глубины женского лона, на что Арина ответила троекратным восхождением к вершинам женского удовлетворения, истомно вскрикивая, постанывая и судорожно сжимая мужчину в своих объятиях руками и ногами.

Затихнув после любовных движений, учитель и служанка продолжали лежать неподвижно как единое целое существо, ощущая, как удовлетворенная страсть медленно покидает их тела, оставляя после себя полную опустошенность сбывшихся плотских желаний. Наконец Арина медленно пошевелила онемевшими ногами, высвободилась из-под Ивана и лукаво улыбнувшись, улыбкой полностью удовлетворенной женщины, тихо проговорила:

– С разговением, вас, Иван Петрович, Христос воскрес.

– Воистину воскрес, – машинально ответил Иван, переворачиваясь на спину и глядя бессмысленным опустошенным взглядом на лучик солнца на стене, пробившийся сквозь занавески окна и медленно скользящий вниз по мере того как солнце подымалось все выше и выше.

Арина встала с дивана, впервые, не стыдясь своей наготы, оделась прямо на глазах учителя и пошла на кухню, заканчивать свои дела.

– Иван Петрович, – раздался её голос с кухни, – я вам приготовила разных блюд на два дня или больше, а сейчас можно я уйду отмечать Пасху вместе с сыном и в кругу семьи свекра, где я живу и меня ждут.

– Конечно, Аринушка, иди и прихвати с собою половину того, что напекла и настряпала: мне одному всего этого и за неделю не съесть, да и по гостям придется походить изрядно, – ответил Иван, наблюдая за солнечным зайчиком на стене и размышляя об Арине:

– Хорошая бы из неё получилась любовница, если бы не была служанкой и крестьянкой. Чиста, пригожа, отзывчива на ласки и ненавязчива в делах и разговорах. С такой можно хоть несколько лет прожить в любовной связи, пока не появится настоящая суженая, с настоящей, а не плотской любовью. Но и так хорошо, что такая женщина заботится обо мне и, доставляя удовольствие как мужчине, избавляет меня от ненужных мыслей о женитьбе, пока не встречу ту единственную, что завладеет всем моим сердцем и душой, а в постели будет слаще Арины.

Мечты, мечты – где ваша сладость, – закончил Иван вялые рассуждения о любви и браке и забылся в сладкой дреме, не услышав ухода служанки, которая заглянула в комнату, прикрыла наготу учителя теплым одеялом и тихо вышла из дома, улыбаясь полученному удовольствию от мужчины и поздравляя встречных сельчан с воскресением Христовым.

– Вот уж я разговелась, так разговелась, аж ноги ломит, – прости господи и ты, мой муженек, прости меня на своих небесах, ибо грешу я и каюсь, потому что грешу ради сыночка моего, а то что грех этот мне в радость, так это не моя вина, а учительская: этот разноглазый какую хочешь распалит для плотского удовольствия.

Взглянешь ему в разноцветные глаза и сразу любовная истома захлестывает всё тело, ударяет в голову сладкой болью от которой начинаешь стонать и вжимать его в себя до крайнего предела, – счастливо думала удовлетворенная женщина, направляясь домой к праздничному столу, на который и она выставит немалые угощения, как и велел ей учитель-сожитель.

Учитель, тем временем очнулся от дремы, встал, отдел халат, и прошел на кухню позавтракать: после любовных скачек с Ариной, он изрядно проголодался и нуждался в пополнении сил. Присев за стол рядом с ворчавшим самоваром, который Арина растопила перед своим уходом, Иван налил чаю и только принялся за расстегивание с мясом, как послышались торопливые шаги, в дверь постучали и не успел Иван ответить, как в дом ворвалась Татьяна: именно ворвалась, потому что запыхалась от быстрой ходьбы. Глаза девушки смотрели прямо и решительно, как у человека, принявшего важное решение.

Иван встал ей навстречу, несколько смущаясь своего вида: в одном халате на голое тело и в шлепанцах. Не обращая внимания на обнаженность учителя, Татьяна подошла вплотную и тихо, но четко произнесла:

– Пришла похристосоваться с вами, пока другие не нагрянули. Христос воскрес, – и не ожидая ответа от Ивана, обняла его и поцеловала прямо в губы, что было не по обычаю и дозволялось лишь мужу с женой.

От этого поцелуя горячих девичьих губ у Ивана закружилась голова, он отстранился от девушки и в замешательстве предложил ей пройти в комнату:

– Проходите, Таня, в горницу, а я заварю свежего чаю и принесу вам: кухарку-то я отпустил домой и теперь хозяйничаю сам.

Девушка прошла в комнату, а учитель налив две чашки свежего чая, поставил их на поднос, добавил кулич, плюшек, вазочку с медом и понес угощение в горницу. Войдя в комнату, он остолбенел от увиденного. Татьяна, обнажившись донага, стояла перед ним совершенно голая во всей красоте девичьего тела.

Черные шелковистые волосы девушки ниспадали до пояса, оставляя открытыми чашечки груди, призывно светившиеся в лучах солнца розовыми сосками. Ниже талии тело девушки раздавалось округлыми упругими бедрами, в центре которых манил мужской взгляд тёмный треугольник девичьего лона. Татьяна смотрела учителю прямо в глаза, немигающим взором, словно отрешившись от своего поступка. Поднос едва не выпал из рук учителя от увиденного. Он неловко поставил поднос на стол, чувствуя, как мужская плоть восстает навстречу обнаженной девушке.

– Что это вы удумали, Таня! – опомнившись, воскликнул Иван, немедленно оденьтесь, пока кто не вошел и не застал нас вместе в таком виде.

Но девушка смело подошла к учителю и прижалась к нему всем телом, ощущая через халат восставшее мужское естество.

– Возьми меня здесь и сейчас, Ваня, и пусть я подарю тебе на Пасху свою невинность, а дальше будет так, как тебе угодно, мой любимый, – прошептала девушка, прижимаясь дрожащим телом к мужчине и целую его в губы. Горячая волна желания ударила учителю в голову, и если бы не утренняя разгрузка похоти со служанкой на диване, он едва удержался

бы от исполнения девичьего предложения. Но пересилив огонь желания, Иван отпрянул от девушки и учительским тоном, не терпящим возражения, громко приказал:

– Немедленно оденьтесь, Таня, а потом обсудим наше положение, – и выскочив за дверь, бросился в спальню, судорожно, одеваясь и моля бога, чтобы кто-нибудь случайно не вошел в дом и не застал этой сцены, что устроила ученица учителю: ведь никто не поверит, что девушка сделала это нарочно и не по учительской воле. Тогда стыда не оберешься и даже женитьба на этой Татьяне не смоем позора связи учителя с ученицей до брака.

Но в доме было тихо, и одевшись, Иван осторожно заглянул в комнату. Татьяна, одевшись, но с распущенными волосами, сидела на диване и беззвучно плакала в оскорблении чувств: если бы учитель знал, чего стоило девушке решиться на такой бездумный поступок, чтобы завлечь любимого мужчину своим девичьим естеством, он бы не отказался от предложенного ему и стал бы её мужем перед богом, а перед людьми они бы оправдывались вместе.

Иван, понимая, что своим отказом, он нанес смертельное оскорбление девушке, которое она будет помнить всю свою жизнь, не зная, что делать, присел рядом с Татьяной на диван, на котором совсем недавно занимался умиротворением страстной похоти со служанкой, вскрикивая от удовлетворения. Он погладил девушку по голове и на это его движение Татьяна зарыдала в голос и, прижавшись к груди мужчины, всхлипывая, выговорила: – Я тебя, Ванечка, сразу полюбила, когда увидела в нашем доме и взглянула в твои разноцветные глаза, но ты не обратил на меня внимания, вот я и решилась завлечь тебя своим телом. Бабы говорят, что ни один мужчина не устоит перед голой девушкой, но ты устоял и значит я тебе совсем безразлична, – закончила Таня свое объяснение в любви и зарыдала еще громче от своих разбившихся мечтаний соединиться с любимым человеком – пусть и во грехе.

– Нет, Танечка, ты мне не безразлична и часто снишься, иногда и таком виде, как только, что была, – расслабленно отвечал Иван, поглаживая девушку по плечу и вдыхая сенный аромат её волос. – Но не могу я сейчас жениться и завести семью: не достиг ещё мужской самостоятельности и независимости, чтобы и делом заниматься, и семью содержать.

Хочу доучиться и быть не простым учителем земской школы в глухом селе, а преподавать в гимназии или даже в университете в большом городе и не только учить, но и заниматься наукой. Иначе я не буду уважать сам себя, а когда человек находится в разладе сам с собою, то и близким к нему людям тоже становится плохо. Ты не знаешь, каких усилий мне стоило сдерживать себя, когда увидел твой порыв отдаться мне. Нельзя только на плотской страсти строить отношения между мужчиной и женщиной: страсть проходит с годами и наступает пустота в отношениях – даже дети не смогут её заполнить, если не будет духовной связи между нами. Ты думаешь, что любишь меня, а это, может быть, молодость просит утех, да ещё и весна страсти прибавляет.

Тебе, Таня, тоже учиться надо: ты способная девушка и вполне можешь выучиться в учительской семинарии на учительницу и будешь, как я учить детей. Я хочу через год поступать в учительский институт и может быть года через два, если наши чувства не изменятся, мы сможем быть вместе, но уже не просто в постели, а как друзья-соратники. А теперь, Таня, успокойся и иди домой: я к вечеру зайду к вам поздравить твоих отца и мать с Пасхой. Надеюсь, никто не узнает о том, что здесь случилось.

Таня постепенно успокоилась, перестала плакать, вытерла остатки слез и буквально через пару минут уже приняла свой спокойный прелестный вид, как ни в чем не бывало: правду говорят в народе, что девичьи слезы подобны майской грозе, которая налетит неожиданно и так же мгновенно исчезнет, оставив после себе посвежевший воздух и омытые дождем листья деревьев, траву и прозрачный воздух, напитанный ароматами весны.

Таня нехотя отстранилась от учителя, связала волосы в узел, который заколола шпильками, повязала яркий платок, в котором пришла, потом смущенно отвела глаза и тихо сказала: – Ваня, ты видел меня в полной наготе, и я все равно буду считать тебя своим мужчи-

ной, как если бы ты владел мною. Если ты говорил правду, что я тебе снилась, то по первому твоему слову я готова прийти вновь сюда и делай со мною всё, на что ты не решился сегодня. Так и знай, мой любимый, – она подошла к учителю, чмокнула его в губы и, засмеявшись, выскочила из дома так же торопливо, как и вбежала сюда час назад или чуть меньше.

Иван, оставшись один, вновь подивился случившемуся, мысленно поблагодарил Арину, которая вовремя сняла его мужское томление – иначе не устоять ему перед прелестями гордой и решительной степнячки Татьяны, и, одев сюртук, пошел в село поздравлять знакомых со светлым праздником Пасхи, который едва не ввел его во второй грех плоти за день.

Ближе к вечеру, когда Иван зашел к старосте поздравить с Пасхой, Татьяна встретила гостя совершенно спокойно, как если бы видела его в этот день впервые и, как хозяйка, поцеловала учителя трижды в щеки, залившись, однако, нежным румянцем и потупив глаза, скрывая их блеск за пушистыми ресницами.

– Однако диковатая красота делает Таню лучшей девушкой на селе, – подумал Иван, вспоминая её прелестную наготу, открывшуюся ему утром.

В остальном, Светлая неделя прошла в веселии людей накануне весенней полевой страды: всем хотелось отдохнуть и повеселиться перед тяжелым крестьянским трудом в полях от весны и до поздней осени, когда подводятся итоги этого труда по запасам в амбарах и клетях, погребам и подполах, скотных дворах и свинарниках.

С того дня, всякий раз, когда Таня снилась Ивану во всей своей обнаженности или вспоминалась утром, после пробуждения, учитель понимал, что надо вести служанку Арину на диван, чтобы видения Татьяны во сне или поутру пропало на пару дней до очередного наплыва страстного желания девичьего тела.

Так, женщина Арина, удовлетворяя похоть учителя, помогала ему избавиться от плотского желания другой девушки Татьяны: иначе плоть учителя могла бы победить его разум, и он пошел бы под венец с желанной девушкой, забыв о намерениях учиться дальше, чтобы выйти в образованные и независимые люди.

В трудные минуты жизни, годы спустя, Иван частенько сожалел потом об отвергнутой любви этой девушки, которая, исполни он её желания, могла привести к спокойной человеческой жизни даже в выпавшую на их долю жизнь в эпоху перемен с лишениями и крутыми поворотами судьбы.

Х

В начале мая ученики перестали посещать школу, занявшись в помощь родителям работами в поле и в огородах: добыча пропитания на будущее есть более важное занятие для крестьянских детей, чем добыча грамотности на уроках в школе – пропитание нужно всегда, а пригодится-ли грамотность во взрослой крестьянской жизни, это еще не факт.

Из уезда приехал школьный инспектор, что был у Ивана и зимой, вдвоем они аттестовали выпускников школы, которых Ивану с трудом удалось уговорить зайти в школу за свидетельством об её окончании:

– Зачем нам эта бумажка, – обижались ученики, – грамоте обучились и довольно, а бумажка, что школу закончили вовсе и ни к чему крестьянским детям.

Выдачей свидетельств школьные занятия Ивана закончились до осени, на селе ему делать было нечего, жить в одиночестве не хотелось и он решил уехать на всё лето к отцу в родное село, где ему будет не так одиноко, хотя без утех с Ариной будет трудно укрощать мужские желания.

Получив причитающееся учительское жалованье, Иван расплатился с Ариной за все лето вперед, наказав присматривать за домом и школой, что она охотно обещала сделать.

Потом учитель собрал чемодан вещей в дорогу и пошел прощаться с сельчанами, с которыми сдружился за зиму.

Первым делом он навестил батюшку Кирилла, который занимался устройством свадьбы своей старшей дочери Даши: объявился –таки поповский сынок из соседнего уезда, что учился в семинарии и должен был непременно жениться, чтобы получить приход вместе с саном священника – поповская дочка в самый раз и сгодилась ему в жены. Отец Кирилл благословил Ивана в дорогу на родину и напутствовал словами:

– Хорошего вам отдыха, Иван Петрович, от мирских хлопот по обучению крестьянских отроков. Непременно возвращайтесь к осени: как раз моя следующая дочка Маша войдет в возраст и заневестится: может вы присмотритесь к ней, и возьмете заботу о дочери на себя – хватит вам одному-то жить при школе. Пора и семью заводить: лучше поповской дочки вам на селе жену не сыскать, помяните моё слово. На том и расстались.

После отца Кирилла учитель зашел к старосте, который случайно оказался дома. Тимофей Ильич тут же усадил гостя за стол, его жена соорудила обед, позвала дочек и прощание Ивана с семьей старосты превратилось в застолье, где староста, по случаю, махнул пару графинчиков водки, несмотря на зной, наступивший в этом году неожиданно рано, в середине мая, и стоял уже две недели без единой капли дождя с раскаленных небес, вызывая тревогу крестьян за будущий урожай зерновых.

Таня, открыто и доброжелательно глядя Ивану прямо в глаза, рассказала, что вскоре уедет тоже в Могилев к сродному брату отца и надеется устроиться в учительскую семинарию, если выдержит испытания.

– Должно пригодиться мне ваше, Иван Петрович, обучение, а если не поступлю, то вернусь сюда обратно и придется вам меня доучивать дальше, – лукаво улыбнулась девушка и зарделась румянцем, видимо вспомнив свой пасхальный визит к учителю. Иван, поняв её смущение, почти пожалел, что не овладел этой прелестницей в тот раз, расстроился от известия об отъезде Татьяны, но напутствовал девушку пожеланиями успехов в учебе: – Может вам, Таня, и не придется работать учительницей, но обретёте знания, поживёте в большом городе и тогда сами сможете выбрать себе судьбу и суженого по сердцу, а здесь вам пару, под стать вашей красоте и характеру вовек не сыскать, даже с фонарём средь бела дня. – Пошутил Иван, ощущая легкую грусть от полученного известия о скором отъезде Татьяны в город.

Дочери старосты вышли во двор, а Иван ещё посидел с Тимофеем Ильичем, попил чаю, попросил присматривать за школой, чтобы кто лихой не учинил зла селу и не спалил школу. Такое было в прошлом году в соседней волости: забудыга устроился ночевать в пустой школе, когда учитель с семьей тоже уехали отдыхать, закурил сигарку, уснул и спалил школу дотла и себя сжег заживо, оставив село без школы. Староста обещал присмотреть и за школой, и за Ариной, чтобы не допускала запустения в доме при отсутствии учителя.

– Как вам Арина, впору пришлась, Иван Петрович? – вдруг спросил староста. – Если чем недовольны, то скажите, и я пришлю другую женщину: здесь много желающих найдется прислуживать учителю, кормиться при нем, да еще и деньгу получать хорошую за легкую работу. Арина-то вон расцвела вся за зиму спокойной жизни – прямо невестой выглядит: жаль у нас на вдовых женщинах жениться не принято, а то враз-бы такую кобылицу какой-нибудь добрый молодец охомутил и увел на свой двор.

Арину-то я спрашивал не раз о службе на вас, так она не нахвалится: учитель, мол, скромненький, тих, без выкрутасов, не злобится понапрасну, ученики довольны и она довольна услужить вам и впредь. Иная жена о своем муже столько похвалы не скажет, как Арина говорит о вас, Иван Петрович. Повезло шибко этой женщине, коль так расхваливает своего хозяина, – закончил Тимофей Ильич разговор о служанке.

Иван вспомнил разом, как Арина стонет и бьётся под ним в женском удовольствии, кусает его в плечи, царапает грудь, заходясь в страсти и ответил старосте:

– Ариной я вполне доволен. Ведет хозяйство моё аккуратно, сама чистенькая и опрятная, претензий у меня к ней нет, пусть и далее служит мне экономкой по совести, а я её сыночка грамоте уже выучил и ещё подучу: на добро надо отвечать добром. На этом, простившись со старостой, Иван вышел из дома, столкнувшись в сумраке сеней с Татьяной, возвращавшейся со двора.

Неожиданно для себя, он обнял девушку и поцеловал в нежный изгиб шеи, где билась пульсом синенькая жилка. Таня вздрогнула от неожиданности, но тотчас прижалась всем телом к учителю и стала целовать его в губы и щеки, ощущая, как мужская плоть уперлась ей в бедро и вздрагивает, словно ищет путь к её лону. На крыльце послышались шаги, и Иван едва успел отстраниться от Татьяны, как в сени вошла её сестра Ольга. Иван торопливо простился с девушками и вышел со двора, намереваясь уехать сегодня же – иначе, чего доброго Таня придет к нему ночью и тогда не устоять учителю перед девичьими прелестями ученицы.

Время было три часа пополудни, и Иван вернулся в школу продолжать сборы в дорогу. Он собирал вещи, когда служанка вошла в спальню, смело подошла, сунула свою руку учителю в пах и нащупав возбужденную мужскую плоть, хрипловатым от желания голосом, выговорила:

– На посошок, Иван Петрович, не удовлетворите бедную женщину? Мне теперь без сладкого вашего колышка придется всё лето обходиться, так вбейте его в меня так, чтобы воспоминания услаждали одинокие дни бедной вдовы, – и Арина потянула учителя к заветному дивану. Желание к Татьяне перекинулось у него на Арину и добрый час Иван терзал служанку, которая несколько раз заходилась то стонами, то счастливым смехом, пока учитель, совершенно изнурившись, опустошенно не скатился с неё, замерев в неподвижности сладкой дремы.

Арина прикрыла наготу Ивана простыней, привела себя в порядок, придала лицу строгость и скорбь, присущие вдове и ушла домой, зная, что завтра с утра хозяин уедет в уезд, попутчиком к лавочнику, собравшемуся в город за товаром. К отъезду она намеревалась готовить завтрак и собрать припасы в дорогу: кое-какую снедь она уже приготовила и оставила в леднике погреба. Тело женщины ныло сладостной истомой после мужских ласканий.

– Прямо как с цепи сорвался, Иван Петрович, – думала Арина, выходя их школы. – Хотел, наверное, насытиться, на всё лето, но так не бывает: такой сладостью не насытишься даже на пару дней и про запас не оставишь.

Хороший мне барин попался – жаль в мужья не может быть как простой крестьянин. Но и так ладно получается: и деньги платит за работу, и свою и мою страсть греховную удовлетворяет, – думала служанка, покидая школу, где в своей половине мирно спал учитель в изнеможении чувств после страстного соития со служанкой, которая в сонном забытии представлялась ему юной и нагой девушкой Татьяной.

В это самое время Татьяна у себя дома, уединившись в светлицу размышляла: – Пойти ли ей навестить учителя перед отъездом или нет? Если пойдёт, то случится ей потеря девичьей чести: она не сомневалась, что в этот раз Иван уже не откажется от неё как тогда – тому порукой его поцелуй в сенях, но что потом? Утром учитель уедет на всё лето, потом она уедет и эта близость с любимым может оказаться единственной за всю жизнь и она, по бабьим словам, подслушанным летними вечерами, даже и не поймет всей женской радости в объятиях мужчины, как придется расстаться надолго, а быть может и навсегда.

– Нет, не пойду сегодня за девичьим грехом к учителю, – решила девушка: в конце лета он вернется сюда и я, наверное, определюсь со своими чувствами – вот тогда пусть всё и случится – если мы оба этого пожелаем. Таня была решительная, но разумная девица и даже

согрешить надеялась с пользой для себя и для улады Ванюши: чтобы он распробовал её всю и прикипел к ней душой и телом – тогда ему будет хорошо с ней и он ответит её под венец, если она не передумает: бабы, обсуждая свои дела с мужьями, летними вечерами на лавочках у дома, часто сетовали, что парень-то вроде нравился, но стал мужем и в постели супружеской нет от него ни тепла, ни радости женской: никакого удовольствия, кроме детей нет от таких мужей.

Рассудительность Татьяны спасла Ивана от совращения девушки, если бы она наведася к нему перед отъездом, и, очнувшись от дремы после скачек с Ариной, учитель продолжил свои сборы к отъезду в родные края.

Утром Арина пришла пораньше, собрала корзину снеди в дорогу, фляжку с водой, покормила завтраком, подошла сзади, когда Иван допивал чай и, сунув руку учителю в пах, ухватила за восставшую сразу плоть и предложила: – На дорожку, Иван Петрович, согрешить и облегчиться не желаете? Я мигом исполню – только прикажите. Лавочник еще не скоро подъедет на своей тарантайке – он всегда долго собирается в дорогу.

– Нет, Арина, хочу, но не буду. После нашей вчерашней скачки на диване, я до сих пор не оправился: ноги ноют, будто весь день шел пешком. Удивляюсь твоей прыти: вчера стонала и билась подо мною словно рыбешка на крючке, а сегодня готова повторить женский грех как ни в чем не бывало. Истинно говорят, что женщины, как кошки – ничего их не берет.

– Неправда ваша, Иван Петрович, – обиделась Арина отказом учителя согрешить прямо сейчас. Мы, женщины, лишь исполняем мужские желания и потому должны быть всегда готовы уступить, чтобы и для себя получить малую толику удовольствия. Я вот попросила сейчас вашего внимания, но вы отказались, сославшись на дальнюю дорогу. Что же мне теперь пригорюниться в обиде? Нет, дождусь вашего возвращения и, надеюсь, вы не расколете меня надвое с голодухи без женщины всё лето, если, конечно, батюшка ваш не оженит вас за лето и вы не вернетесь сюда с молодою женою.

Некому тогда будет утешить бедную вдову, потому что с женатым учителем я грешить не буду – хоть убейте, мне это противно будет. Одно дело с одиноким мужчиной согрешить одинокой вдове, а совсем другое дело мужа соблазнять – это смертельный грех, который не замолить в церкви. Прощевайте, Иван Петрович, хорошего вам отдыха и знайте, что Арина будет ждать вас здесь и никому не позволит прикоснуться к себе. Я женщина верная, даже в плотском грехе, – закончила служанка свои слова, услышав скрип подъехавшей телеги лавочника.

Иван прихватил свой чемодан, Арина взяла корзину с припасами в дорогу и они пошли навстречу лавочнику, причем Иван ухитрился шлепнуть служанку по упругой ягодице, чем снял обиду женщины за свой недавний отказ ублажить плотские чувства на диване перед длительной разлукой. – Вернусь из дома, держись Арина, – пошутил учитель, – или сам напополам расколуюсь, или тебя вдребезги разнесу на диване от накопившегося желания.

– Ничего, потерплю, – ответила женщина, – бог терпел и нам велел; только возвращайтесь, а уже плоть нашу мы умиротворим как-нибудь и к взаимному удовольствию. Я тоже иногда хочу в приступе похоти укусь вас до крови, но терплю и кусаю лишь до синяков, – так и вы стерпите и не замучаете меня до смерти, дорвавшись после разлуки до женских прелестей, которые у меня налились желаниями, благодаря вашей неустанной заботе о бедной вдовушке, – отшутилась Арина и мимоходом цапнула Ивана за мужское естество, которое тут же воспрянуло от прикосновения женской руки.

Надо сказать, что за зиму Арина привела свои руки в порядок: грубая кожа сменилась на мягкую, исчезли шишки на пальцах, ладони уменьшились и теперь прикосновение этих рук к мужскому телу было нежным и мягким и вызывало прилив желания, чем Арина иногда пользовалась, вызывая ответную страсть учителя, если он два-три дня не приглашал её на диван для взаимной утех. Природная женская интуиция помогала Арине добиться жела-

емого посещения дивана легкими прикосновениями к мужчине в чувствительных местах, вместо унижительной, как она считала, просьбы к учителю совершить с нею прелюбодеяние, которого жаждала её здоровая женская натура.

Женской лаской от мужчины всегда можно добиться желаемого результата, тогда как просьбу или приказание мужчина часто считает покусением на свои права и выполняет их не всегда и неохотно.

Во дворе школы Иван погрузил на телегу, что подогнал к дому лавочник, чемодан и корзину, присел сбоку на охапку сена и выехал со двора под прощальные взмахи руки Арины, которая другой рукою вытирала уголком передника набежавшую вдруг женскую слезу: не чужого все-таки человека провожала служанка и будет теперь она ворочаться во сне, вскрикивая от накатившего желания ощутить в себе этого мужчину с разными глазами, что пришелся ей по вкусу, разбудив дремавшие в молодой вдове плотские страсти.

Далеко за полдень, телега трясась и громыхая деревянными колесами, вкатилась на выложенную булыжником пристанционную площадь уездного города, где пути учителя и лавочника расходились. Учитель направился к извозчикам, справиться о попутном транспорте в сторону отчего села, а лавочник отправился к лабазникам загружаться товаром, чтобы к ночи успеть вернуться обратно в село.

Иван поговорил с извозчиками, оказался случайный попутчик, и они сговорились за умеренную плату в четыре рубля на двоих завтра выехать поутру до Мстиславля, откуда Ивану было рукой подать до родной отцовской обители.

Уговорившись с поездкой, Иван снял до утра комнату на съезде двора, оставил чемодан с корзинкой и пошел прогуляться по городу, который оставил год назад, закончив учебу. За год здесь ничего не изменилось: горожане копались в огородах, работали на железной дороге и в мастерских. Местные жида, коих была добрая половина населения городка, торговали в лавках и на складах, шили одежду, тачали обувь и давали деньги в рост под большой процент, чем вызывали тихую злобу заемщиков и всеобщую неприязнь ко всему еврейскому племени, дошедшую до еврейских погромов два года назад, с убийствами людей и поджогами лавок и жилищ иудеев, чему Иван был свидетелем и участником.

Сейчас в городе было тихо и расслабленно по летней жаре и ничего не напоминало о взрыве страстей и насилия, что случилось в то бурное время революционных перемен.

Иван навестил инспектора школ и училищ, что приезжал к нему в школу с проверкой и выхлопотал потом в попечительском совете вознаграждение Ивану за хорошую работу: визит вежливости не помешает, а участие инспектора в его судьбе может и сгодиться. Инспектор этот, плешивый округлый человечек жил, неподалеку от станции и как раз всем семейством пил чай на веранде, когда Иван, стукнув щеколдой, вошел во двор. Лохматая собачонка, что сидела на цепи возле будки, зашлась звонким лаем до остервенения, почуяв чужого человека, но тотчас поджала хвост и оказалась в будке, едва хозяин вышел на крыльцо и, прикрикнув на нее, пригласил гостя в дом. Он искренне обрадовался молодому учителю и пригласил почаявничать с ними, на что Иван, пожевавший в дороге лишь хлеба с ветчиной да пироги с капустой, что собрала ему в дорогу Арина, охотно согласился. Гостю к чаю подали борща, жареные грибы с картошкой, селедочки, буженины, так что чаепитие превратилось в полноценный обед.

У инспектора, Виктора Силантьевича, в семье было два сына-подростка и жена Аграфена – полная одутловатая женщина болезненной внешности, наподобие матери Ивана в последний год её жизни. Тем не менее, Аграфена оказалась бойкой и смешливой хозяйкой с легким характером, что всегда нравилось Ивану в женщинах.

Мужчины поговорила о делах, Иван поделился планами насчет учебы, что Виктор Силантьевич горячо одобрил, посоветовав идти учиться в учительский институт в городе

Вильне, чтобы потом вернуться сюда, в Оршу преподавателем учительских курсов, а потом можно и в Петербург махнуть наудачу, если семья не будет обременять.

– Я вот, обзавелся семейством и врос здесь в землю, будто старый пенёк, а ведь тоже собирался в Петербург искать счастья в науке. Но нисколько теперь не жалею о том: есть жена-хохотушка, сыновья подрастают, служба идет исправно, имею классный чин и будет хорошая пенсия: что еще надо мужчине в возрасте? Пусть юноши, вроде вас, Иван Петрович, попытают судьбу, норовя ухватить жар-птицу удачи за хвост.

Войдете в возраст, Иван Петрович, и поймете, что нет лучше ничего на свете, чем семья, в которой лад и покой обретаются. А вам, конечно, можно еще и покуролесить вобретении своей судьбы и своей суженой. Небось там, в селе, уже присмотрели себе девицу – тогда прощайтесь с мечтами и становитесь обывателем – иначе будет ждать вас душевный разлад самого с собою и со своей суженой.

Сделали поступок – никогда не сожалейте о нем, если в поступке вашем нет плохого и унижительного: такова жизнь и нет в этом ничего дурного, – поучал инспектор училищ своего молодого коллегу под вниманием жены и сыновей.

Из благополучного семейства уходить не хотелось, но Ивану надумалось навестить еще и своего товарища, с которым вместе учились, ходили в эсеровский кружок и участвовали в революционных событиях пятого года, за что посидели в полицейском участке в Могилеве почти неделю: хорошо, что из училища их не исключили. Звали этого товарища Адам Шанявский, он здесь женился и остался учителем благодаря хлопотам тестя – довольно крупного, по местным меркам, лавочника.

Попрощавшись с радушным семейством Виктора Силантьевича, молодой учитель направился к дому Шанявского, где перед выпуском из училища отпраздновали свадьбу, а Иван был шафером со стороны жениха, поскольку родители Адама жили где-то на западе Польши, были католиками и не пожелали участвовать в православной свадьбе своего сына.

На стук в глухие ворота, что вели во двор, окруженный высоченным забором, во дворе басовито залаяла собака и вышел мужчина: по виду тесть Шанявского, который на просьбу Ивана увидаться с Андреем, злобно ответил, что Адам уехал с женою к своим родителям в Польшу, там склонил жену в католичество и теперь он, отец этой жены, не желает видеть ни свою дочь, ни своего зятя, которого обул, одел, пристроил к должности да еще и приданое немалое дал за своей дочерью.

Несолоно хлебавши, Иван вернулся на заезжий двор, вечером попил чаю с припасами из корзины, собранными заботливой Ариной ему в дорогу, и заснул на жесткой кровати спокойным сном молодого здорового мужчины, находящегося в пути.

Утром, Иван быстро привел себя в порядок, опять попил кипятку без заварки, из самовара, стоявшего в коридоре у входа в номера, собрал вещи и вскоре стоял на условленном месте, ожидая попутчика и извозчика. Ждать пришлось недолго, появились оба: попутчик с саквояжем и извозчик на лошади, запряженной в коляску. Путники сели в коляску и лошадь затрусила, понукаемая извозчиком, в нужном направлении.

Попутчик у Ивана оказался неразговорчивым мужчиной, лет сорока. Иван пытался его разговорить, но бесполезно, однако от перекуса Ариными пирогами этот мужик, представившийся Михаилом Яковлевичем, не отказался и жевал пироги до самого вечера, пока кучер не въехал на постоянный двор для ночлега. Дорожная тряска измучила Ивана с непривычки и он без, всякого ужина, устроился на ночлег вместе с Михаилом. Утром они сообща доели припасы Арины, попили чаю вместе с кучером и тронулись в путь, который закончился за полдень в городе Мстиславле, куда отец Ивана одно время намеревался отдать сына на обучение в местное училище, но передумал и отдал Ивана под опеку тётки Марии.

Путники расплатились с извозчиком и расстались без печали, каждый направляясь своею дорогою. Иван направился на тракт, ведущий к его селу в надежде перехватить попут-

ную телегу и эта надежда очень быстро оправдалась: рядом остановился возница на телеге и в этом вознице Иван признал соседа отца, часто выручавшего Петра Фроловича при необходимости поездки в уезд. У отца была коляска, а у соседа лошадь и за небольшую плату сосед отвозил отца в уезд и обратно, а также не единожды увозил Ивана с отцом к тётке Марии или приезжал один, увозя Ивана от тётки к отцу на летние каникулы.

Сейчас сосед ехал на телеге, в которой лежал большой чугунный котел для каких-то крестьянских нужд. Сосед Ивана не признал в новом учительском облики, но Иван припомнил ему и сосед радостно соскочил с телеги, помог Ивану погрузить чемодан и, взбодлив лошадь ударом кнута, повез Ивана к отчому дому, рассказывая, по обычаю, все сельские новости за истекший год с последнего приезда Ивана.

Отец Ивана – Петр Фролович, жив здоров, да и что ему сделается при такой молодайке, как Фрося. В селе, как и во всей округе, идет земельная реформа, некоторые дворы уже выделились из общины, а он еще подумывает, но, вероятно, осенью тоже выйдет из общины: тогда можно будет под заклад земли взять ссуду в земельном банке, прикупить еще земли и вместе с сыновьями, которых у него трое, младшему под тридцать, хозяйничать на своей земле.

Разбогатеть и чтобы внуки вышли в люди, вроде Ивана, стали учителями, механиками, а даст бог, то и лавочку торговую попробовать завести: торговать – это не за плугом днями ходить и землю пахать: здесь дело легкое – в одном месте купил подешевле, в другом – продал подороже – вот и все умение, а навар-то хороший получается, которого за плугом не выходить никогда.

За разговорами незаметно въехали в село и Иван, спрыгнув с телеги, взял чемодан с вещами, пустую корзину и направился к усадьбе отца, где не был с лета прошлого года.

XI

Повернув кованное кольцо на воротах, Иван открыл калитку и вошел во двор своего детства. Собачонка, проживающая в будке у ворот с незапамятных времен его детства, затаивкала было в голос, но замолчала, признав в Иване хозяина, который частенько кормил её наловленной рыбешкой наравне с котом и подбрасывал кости, когда Фрося варила студень.

Отец, как всегда в погожие дни, сидел на веранде со старой газетой в руках: эти газеты ему завозил иногда почтальон и Петр Фролович с удовольствием читал годичной давности новости, тщательно соблюдая последовательность номеров газеты, чтобы ненароком не заскочить вперед. Сейчас Петр Фролович как раз читал постановление правительства о начале земельной реформы, прозванной в народе «Столыпинской», то есть газета была за ноябрь прошлого года. Увидев вошедшего сына, Петр Фролович степенно отложил газету и вышел на крыльцо навстречу Ивану.

За прошедший год отец Ивана совершенно не изменился: это был по-прежнему крепкий старик с седой бородой и обветренным лицом, одетый по-крестьянски в домотканую рубаху, подпоясанную обычной пеньковой веревкой, но в мягких полусапожках, чем и отличался от крестьян, обутых в лапти и лишь в праздники носивших сапоги, яловой кожи, которые были далеко не у всех.

– Ожидал, ожидал тебя сынок со дня на день: у нас-то занятия в школе ещё месяц назад закончились, вот и думал, что освободившись от занятий, непременно приедешь, если не завел себе зазнобу там у себя и не надумал жениться. Но бог, кажется, уберег тебя от поспешного шага связать судьбу с женщиной, раз ты приехал один и без предупреждения письмом.

Фрося и вовсе зажала тебя: она считает тебя за сына и все глаза проглядела на дорогу и все уши мне прожужжала, когда, мол, Ванечка приедет в отчий дом, отдохнуть после школьных сорванцов. Я ведь тоже немного учительствовал и знаю, как трудно учить

крестьянских детей, которые ходят в школу только по воле родителей, а не за грамотностью и потому шалят на уроках и боятся лишь розог, которых ты не практикуешь. А вот и Фрося: иди, встречай Ванюшку, да накрывай на стол – по такому случаю можно и чарку-другую пропустить в честь жданного гостя.

Фрося, выскочив на крыльцо, вскрикнула, увидев Ивана и бросившись к нему, по-матерински прижалась головой к его груди, всхлипывая бабьими слезами. Фрося за прошедший год тоже не изменилась. Она была на тридцать лет моложе отца, служила в усадьбе лет пятнадцать и потому не успела измучиться крестьянским трудом, который превращает крестьянок уже к тридцати годам в пожилых женщин, согнувшихся от труда на ногах, семейных забот и детей, которых рожали почти каждый год, но выживала лишь половина из них и даже меньше.

Фрося детей не рожала, на ногах давно не сгибаясь с серпом в жатку и это помогло ей сохранить стать и внешнюю привлекательность моложавой женщины, что без сомнения было и

заслугой отца, с которым Фрося сожительствовала с самого начала её работы в усадьбе, еще при живой, но больной матери Ивана – вскоре умершей от чахотки.

О сожительстве Фроси с барином знало всё село, но никто её не осуждал, а многие бабы втайне завидовали её спокойной и обеспеченной жизни. Детей от мужа и Петра Фроловича бог Фросе не дал, она привязалась к Ивану, как к сыну, чему отец Ивана не препятствовал. Он был вполне доволен своею Фросею и даже завещал ей усадьбу, о чем сыновья и дочь знали, но не осуждали стариковскую прихоть отца: без женской заботы, которой Фрося обеспечила отца, Петр Фролович ненамного бы пережил свою жену: одиночество и неухоженность сокращают мужскую жизнь хуже болезней, а жить со взрослыми детьми Петр Фролович не хотел и не умел.

– Повезло отцу с Фросей, – в очередной раз подумал Иван, по – сыновьи прижимая к себе плачущую от радости женщину.

– Хватит, Фрося, плакать, собирай на стол, будем праздновать нашу встречу и мой первый год учительства, который прошел успешно, да и у вас здесь, погляжу, жизнь течет чистым ручейком в ладу и согласии. Спасибо, Фрося, за отца, что при твоих заботах живет на старости лет как у Христа за пазухой – годы идут, а он не меняется, – успокаивал Иван женщину.

– Да какой же он старик, – смутилась Фрося, – Петр Фролович даст фору любому молодому: говорят, что старый конь борозду не портит, но и глубоко не пашет, но ваш батюшка и форму держит, и пашет как не всякий молодец сможет, – без всякого смущения похвалила Фрося мужские качества Петра Фроловича его сыну.

– Ладно хвалится, – беззлобно укорил отец свою сожительницу, – собирай на стол, а не корми гостя баснями: чай Иван проголодался с дороги – по себе знаю, что в пути толком и поесть не удастся, а если и перекусишь удачно, то растрясёт на ухабах в коляске до тошноты. Ты как добрался-то сюда? Из уезда или прямым путем по проселкам?

– С Орши до Мстиславля на извозчике с попутчиком, а из уезда до дома с твоим соседом на телеге, – ответил Иван и пошел в дом с чемоданом: переодеться с дороги, умыться и почиститься, пока Фрося накрывает на стол.

За обедом, который у Фроси, как всегда, был вкусен и обилен, Иван рассказал о своем первом учительском годе, о людях того села и о своих планах на будущий год продолжить учебу в институте, чтобы выбиться из земских учителей в преподавателя гимназии или даже университета.

– Может хватит, сынок учиться дальше, – возразил Петр Фролович на планы сына. – Двадцать два года нынче стукнет тебе, а ты учиться еще собрался. Так до старости и проучишься и жизни не увидишь. Женись удачно, чтобы жена была приветлива, хороша собою

и с приданым – вот и вся твоя учеба будет не нужна. Братья твои живут в столицах, образование вроде твоего и ничего не жалуются: в люди вышли на казенной службе, чины имеют классные – вроде моего капитанского, а Иосиф и вовсе в табели о рангах майором числится.

Умному человеку можно подучиться самостоятельно, по книгам, потом заплатить, кому следует, пройти испытания и получить грамоту, будто учился – всего и делов-то. Я в твои годы подпоручиком был, орудийным взводом командовал, а ты студентом собираешься стать. Хотя дело твое – решай как знаешь, только я уже стар и помогать не смогу: сам знаешь, капиталов у меня нет, кроме пенсии. Сейчас все так дорожает, что пенсии моей хватает лишь на житьё – даже служанку нанять не могу, чтобы Фросю освободить от домашних дел, – объяснял Петр Фролович положение дел, наливая очередную стопку водки.

– Хватит, старый, прибежаться, – одернула Фрося отставного капитана. – Если надо будет, то поможем Ивану в учебе, да он и сам знает, чего хочет. Как, Ваня, зазнобу себе не завел ещё в своем селе? Наверное, девки летят на твои разноцветные газа, как бабочки ночью на свет лампы: не одна, поди, опалила крылышки, обжегшись о тебя? Кстати, кто ведет твое хозяйство, пока ты уроки даешь детям?

– Женщину вдовую староста мне прислал в услужение – она и ведёт дела на кухне и по дому днями, а живет с сыном у свёкра, – смутился Иван.

– Лет-то сколь этой вдове? – продолжала расспрашивать Фрося, заметив смущение Ивана.

– Двадцать шесть нынче летом будет.

– Хороша ли собою? – не отставала Фрося, – самый бабий возраст, а?

– Ну, не хуже тебя в молодости будет, – сдержил Иван и тут же пожалел о сказанном, поскольку, Фрося оживилась, почуяв в словах Ивана некий намек.

– Ванюша, да ты никак сожительствуешь со своею служанкою, – всплеснула Фрося руками, – то-то я гляжу у тебя взгляд спокойный, как у нашего пса Шарика, когда ему удаётся случка с соседской сучкой. Ты, Ваня, как отец твой: я сюда в услужение пошла, а он не мешкая, меня в сарай затянул на сеновал и вот уже пятнадцать лет сожительствуем вполне благополучно.

Только не след тебе, Ваня, по стопам отца идти: он был уже в возрасте и с детьми, когда со мною связался, а я тоже была вдовою, но бездетною. Тебе надо настоящую семью заводить, чтобы в законном браке и детишки пошли. Но и служанку свою не обижай: по глазам твоим цветным вижу, что хорошо ей с тобою, но жениться не вздумай: старая она для тебя и с ребенком. Теперь я точно знаю, что уезжать тебе надобно, Ваня, из того села, пока служанка твоею душою не завладела, как я твоим отцом, да по селу тому молва не пошла, что учитель со служанкой сожительствует, – закончила Фрося расспросы и пошла разжигать самовар, оставив отца с сыном наедине.

Петр Фролович слушал разговоры молча, но успел хватить пару рюмок водки без присмотра Фроси, отчего лицо отставного капитала побагровело, а глаза заблестели стариковской влагою – ему было шестьдесят семь лет.

– Как служанку-то звать? – спросил отец, когда Фрося ушла на кухню.

– Арина, – ответил сын.

– Сама согласилась или ты обманом её взял? – продолжал отец.

– Сама, конечно, я лишь прикоснулся к ней – она и отдалась на диване и с тех пор безотказна, а иногда и сама ко мне: прижмется молча и к дивану.

– Это хорошо, что сама согласилась, и ты ей не в тягость, – подвел итог отец. – Но Фрося дело говорит: не пара она тебе по жизни, а лишь для плотской утехы по согласию. На селе рано или поздно догадаются о вашем сожительстве и придётся тебе, сынок, убираться из села с позором: община не прощает прелюбодеяние даже по согласию. Мне, по-стариковски,

простили, а тебе не простят. Но и без женщины в твоём возрасте никак нельзя жить: дурь может в голову ударить. А девушки какой у тебя на примете нет?

– Есть одна, дочка старосты, хочет в жены – только помани: и по сердцу пришлась и собою хороша, но тогда из этого села мне не выбратся никогда, а всю жизнь быть земским учителем мне не по душе, – откровенничал Иван.

– Тогда езжай учиться в город: мы с Фросей поможем, чем сможем, но ты подумай еще не раз: простая жизнь на селе с любимой женщиной в ладу и с детишками, зачастую лучше погони за успехом в неустроенной городской жизни. Десяток лет еще минет – оглянуться не успеешь, а старость на пороге и уже ничего будет не нужно, кроме покоя в семейном кругу, а там и детки разлетятся по свету, и останешься наедине с женою: когда-то любимой, а теперь старой и больной.

Мы с твоей матерью в ладу жили, пока болезнь её не подкосила. Она сама Фросю сюда привела, чтобы у нас связь образовалась; умная была твоя мать: знала, что мужчине женщина нужна, чтобы не заикнуться – вот и подыскала мне сожительницу, коль сама больна, царство ей небесное. Озаботилась мать, чтобы я не остался бобылем в этом доме и не привел сюда, по мужской глупости, вздорную мачеху тебе.

Матери нет, мы с Фросей живем в ладу её заботами и ты не пасынок Фросе, но вроде сына – вот как твоя мать угадала и распорядилась. Завтра же сходим к ней на могилку и свечку поставим за твой приезд, – подвел итог отец и торопливо налил рюмку водки, пока Фрося отсутствовала.

Фрося принесла ворчавший самовар, поставила на стол и все стали пить чай с вишневым вареньем, которое Фрося оставила с прошлого года, зная, что Иван любит вишню.

– Храпеть начал Петр Фролович, видно и впрямь стареет, – пожаловалась Фрося, – и снадобья от храпа вроде нет, спрашивала я у бабы-ворожейки на селе. Переверну его на бок – замолчит, но стоит ему повернуться во сне на спину – как снова музыка играет на все лады: иногда даже уши затыкаю ваткой – иначе не заснуть, а ему хоть бы что, приходится приспособливаться: не бросать же Петра Фроловича из-за храпа – так и пробросаться можно, – хитро улыбнулась Фрося и добавила: – Твоя-то служанка не жалуется на твои причуды во сне: помню, ты всё вздрагивал, если до тебя дотронуться спящего.

– Не спим мы вместе, – возразил Иван, – нельзя этого допускать, чтобы как муж с женой спать вместе.

– Значит, затащить женщину в постель можно, а спать с ней вместе нельзя? – возмутилась Фрося словами Ивана.

– Никто вас, женщин, в постель насильно не тащит, вы, сами кого захотите, того и затащите, а мы, как бычки на поводу, идем за вами отведать сладенького. Мужчина выбирает женщину, которая его уже выбрала, а уж что она позволит ему – это полностью в её власти. Конечно, когда за деньги – это уже не отношения, а торговля: её товар – наши деньги, вот и вся любовь, как называют это люди, а фактически – те же собачьи отношения: если сука не захочет, то кобель не вскочет, – высказался Иван.

– Вижу, что ты не только грамоте учился в своем училище, но и про любовь знаешь кое-что. Желаю тебе влюбиться когда-нибудь по настоящему, да помучиться ревностью – может тогда изменишь свои взгляды на любовь, как на собачью утеху, – возразила Фрося. – Мне бог не дал любви, но дал покой и удовлетворение с твоим отцом, а это, поверь мне на слово, многого стоит.

У нас на селе в прошлом году один муж любил свою жену, а она с соседом спуталась, так этот муж взял и повесился – вот до чего любовь-то доводит, не приведи господа.

– Может этот муж был бракованный и не давал жене удовлетворения, вот она и загуляла, а от добра – добра не ищут. Но без любви тоже нельзя: брак по расчету и без взаимного влечения – это та же проституция, когда один покупает, а другая продает или наоборот,

но, как говорится, хрен редьки не слаще. Учту, Фрося, ваши пожелания и постараюсь влюбиться так, чтобы зубы ломило от страсти и голова кружилась, будто с вина, а пока мне довольно утешения со служанкой, к взаимному удовольствию, но без общей постели, где и храпеть нельзя, – подколот Иван отцову пассиву и пошел за оградой прогуляться по просёлку до села и обратно: в село решил сегодня не заходить, чтобы не ввязаться с дороги в долгую беседу со знакомыми крестьянами или друзьями детства.

На следующий день Иван с отцом сходили на погост, прибрали могилку матери, поставили по свече за упокой её души и далее учитель предан был полному безделью. Он переоделся, по-отцовски, в холщовую рубаху на голое тело, портки и лапти, нашел в сарайчике соломенную шляпу: еще дедовскую и в таком крестьянском затрапезном виде ходил в село до лавки, где покупал харчи по заказу Фроси.

В этом виде его никто не узнавал, а он и не напрашивался, тем более, что все сельчане были заняты в полях и на огородах: жара стояла уже три недели, земля пересохла, поля и огороды жаждали дождей, которые всё не приходили и не приходили.

Дня через четыре, по приезду Ивана, ночью небо загромыхало так, что посуда зазвенела у Фроси на кухне, замелькали стрелы молний и дождь стеною обрушился на землю, будто разверзлись хляби небесные, как во времена Потопа.

Следующие два дня дождь лил не переставая на радость крестьян: ещё бы несколько жарких сухих дней и урожай пшеницы сгорел бы на корню, да и рожь не успев налить колос, дала бы урожай не больше, чем сам-три, когда на каждое посеянное зерно приходится три зерна урожая.

Потом распогодилось и Иван начал целыми днями пропадать на речке с удочкой, занимаясь, на взгляд сельчан, пустым делом: крупной рыбы в реке почти не осталось поблизости от села, а ловить мальков – одно баловство.

– Чудит сынок нашего барина, – ворчали одни крестьяне, завидев Ивана на берегу речки в одних портках и при соломенной шляпе.

– Не скажи, он учитель, уважаемый человек, – возражали другие, – пусть побалуется, пока детишки не учатся, грамота – штука тонкая, тоже труда требует, а каждый труд требует отдыха – вот и пусть себе отдыхает у речки и балуется удочкой.

С друзьями детства Ивану видаться не удавалось: то на покосе целыми днями, то на рубке леса на дрова, то в полях – они стали взрослыми мужиками, обзавелись семейством и им некогда было точить лясы с барчуком: пути крестьян и дворянина разошлись окончательно, оставив лишь воспоминания детства, которое скрылось за пеленой прожитых лет.

Пару раз Иван наведлся к сестре Лидии, которая уже превратилась в пожилую женщину, хотя ей не минуло и тридцати пяти лет: сельская жизнь быстро старит людей, несмотря на сословия. Лида числилась мещанкой, будучи замужем за сыном лавочника и имела уже трех детей, старшему из которых было пятнадцать лет и они прислуживали отцу в лавке деда: крепкого еще старика лет шестидесяти.

Общение с сестрой не принесло радости Ивану: она погрязла в быту сельской жизни и её ничего не интересовало, кроме собственного здоровья, здоровья детей и торгового оборота в лавке – залого обеспеченной жизни всего семейства лавочников, частью которого и стала сестра Лидия.

Встречи с сестрой окончательно укрепили намерения Ивана учиться дальше и никакой женитьбы, даже на Татьяне – иначе сельский быт засосет и его и жизнь сельского учителя уподобится жизни сельской лавочницы, в которую превратилась его сестра Лида. А ведь он помнил её озорной девушкой, читающей романы из отцовской библиотеки и мечтающей о жизни в большом городе, учёбе и встрече любимого человека, в итоге оказавшимся сыном местного лавочника, замужество за которым погасило все девичьи мечты в однообразности сельского быта.

Хорошая летняя погода продержалась две недели, а потом зарядили нудные дожди, свойственные осени, но не лету. В дожди на селе и вовсе нечего делать отдыхающему учителю, и он лениво почитывал книги из отцовской библиотеки, кушал Фросину стряпню и отсыпался под тихий шорох дождя за окном его комнаты.

Иногда, под настроение, Иван играл с отцом в шахматы и частенько проигрывал: у отца мышление артиллерийского офицера подчинялось логике шахматной игры, тогда как у Ивана преобладали эмоции и импульсивность, мало способствующая успеху на шахматной доске. Вечерами, вдвоем играли в карты в подкидного дурака, по просьбе Фроси, которая радовалась как ребенок каждому своему выигрышу. Иван снова и снова благодарил судьбу, которая послала отцу эту милую непосредственную женщину с легким характером, непомнящим обид: с такой женщиной отец будет жить долго и спокойно и дай бог им обоим здоровья.

Глядя на отцовскую жизнь с Фросей, учитель частенько вспоминал Татьяну – дочь старосты и от безделья по шум дождя пытался представить свою жизнь вместе с Татьяной, если бы в тот день на Пасху, он не устоял перед обаянием и обнаженным телом этой девушки. В мыслях получалось, что семейная жизнь с Таней могла сложиться для него не хуже, чем спокойная жизнь отца с Фросей: обе эти женщины обладали редким даром чувствовать настроение мужчины, с которым Фрося связала свою жизнь, а Татьяна мечтала об этом – связать свою жизнь с учителем навсегда.

Жить интересами своего мужчины, помогая и сопереживая ему, инстинктивно чувствуя его настроение – в этом и есть высшее предназначение женщины и если она следует этому, то и возникает настоящая семья, которая так и называется: семь «я», то есть, муж, жена и их дети образуют единое целое, где каждый является частью другого, но при безусловном и добровольном подчинении главному члену этого сообщества, каковым Иван считал, без всяких сомнений, мужчину – главу и основателя семьи.

Подчинение женщины мужу и воспитание детей отцом должно быть добровольным и тогда в семье будут царить любовь, покой и лад без всякого принуждения и подавления одним членом семьи других. Но стоит жене проявить свое «я» вопреки возможностям и настроению мужа, как мгновенно рвется духовная их связь: пусть даже в этом, конкретном случае, мужчина неправ и искренне заблуждается.

На взгляд Ивана, отцова Фрося, никогда не переча Петру Фроловичу, лаской и сочувствием всегда добивалась от него желаемого результата: такими же качествами, как казалось Ивану, обладала и старостина дочка Татьяна, несмотря на юный возраст и отсутствие жизненного опыта близкого общения с женщиной, опираясь лишь на врожденный женский инстинкт.

В минуты таких размышлений, вечерами, убаюкиваемый мерным стуком дождевых капель по подоконнику, Ивану представлялось, что Татьяна здесь рядом, присутствует незримо в

его комнате и от нее исходит магическая сила добра и понимания, которая обволакивает его мужскую душу, расслабляет все тело в сладком упоении и он засыпал, с умиротворенной улыбкой на лице, спокойным сном праведника без плотской похоти и чувственных желаний, свойственных молодому мужчине длительное время, не знающего близости с женщиной.

По утрам, при пробуждении, Ивану, напротив, всегда представлялась близость с Татьяной именно плотская, во всей прелестной девичьей наготе, которую Таня обнажила ему в тот пасхальный день.

В такие моменты Ивану частенько приходила решительная мысль: – По приезду в свое село посвататься к Татьяне и осенью справить свадьбу. Потом он поедет учиться в институт, будет прирабатывать уроками на дому, а Танечка будет учиться в учительской семинарии и вместе они, конечно, добьются желаемого результата.

Но следующая мысль разрушала предыдущую: – А если появится ребенок, то как и на что тогда жить? Отправить Татьяну с дитем к отцу: значит лишит её образования и разлучиться с нею до окончания института. Если оставить при себе, то как прожить в городе, не имея твердых доходов? Рассчитывать на помощь отца своего и старосты – неприлично для его лет, да и помощь эта будет небольшая, а репетиторством в городе с семьей не прожить в достатке.

Бедность же разрушает семью и чувства супругов друг к другу сильнее любых других обстоятельств: житейских, моральных и нравственных. По твердому убеждению Ивана – безнравственно заводить семью, если не можешь её содержать в достатке.

Утренние мечты о близости с Татьяной и браке с нею стали повторяться каждый день и Иван понял, что пора возвращаться домой в школу, где его ждет заботливая Арина, которая быстро снимет с него плотскую страсть, накопившуюся за лето, и поможет ему освободиться от мыслей жениться на Татьяне. Тогда, на Пасху, именно утренняя связь с Ариной, помогла ему устоять перед прелестями Татьяны, которые она обнажила, соблазняя его на решительный поступок. Так и теперь – плотская утеха со служанкой освободит его от грешных мыслей соединиться с Татьяной душой и телом: не самостоятельный он еще мужчина, чтобы заводить семью.

Дожди начала лить с перерывами, а потом и вовсе прекратились и Иван решил воспользоваться даром ясной погоды и вернуться к себе в село, тем более, что наступало время поиска и записи учеников в школу. От того, скольких родителей ему удастся уговорить на обучение их детей в школе зависело и его учительское жалование: при недоборе жалование сокращалось на треть, но если учеников было более 50-ти, то увеличивалось на четверть.

Деньги были нужны Ивану про запас, для обучения в институте, куда он намеревался поступить на следующий год. Ему, как дворянину, обучение будет бесплатным, но на студенческую жизнь он должен обеспечивать себя самостоятельно.

Иван сказал о своем решении уезжать за ужином. Фрося всплакнула, что время идет быстро и вот уже отъезд, а она не успела наварить варенье Ивану в дорогу из-за постоянных дождей. Отец известие об отъезде сына воспринял спокойно, лишь предупредил снова, чтобы Иван был осторожнее в общении со служанкой: пойдут по селу слухи, и жди неприятностей.

– Лучше бы жениться тебе, Иван, там на селе: говорил, что и девушка есть хорошая и ну её к чёрту твою учебу, хватит, двадцать два года скоро наступит, а ты еще хочешь учиться. Живут же люди на селе без всякой учебы: женятся, работают, растят детей и счастливы, по своему, без учебы и без городской жизни. Ничего-то в городе хорошего нет – одна маета. На селе ты всех знаешь и тебе все знают и уважают, если заслужил, а в городе люди прикрываются богатством, знатностью рода и чинами, но копнешь такого человечка поглубже и, оказывается, что он полное ничтожество. На селе даже бедняк – умелец людьми ценится за свое умение – не то что в городе.

Женись, Иван, по душе и будешь счастлив без всякой учебы, – закончил отец свое напутствие сыну и пошел договариваться с соседом, чтобы тот отвез Ивана в уезд: там попутной лошадей или поездом до Орши, от которой, с оказией, сын доберется и до своего села, готовится к школе.

Всё так и сложилось, и через два дня Иван после полудня уже въезжал в село, где учительствовал. Крестьянин, что довез учителя до села, видимо, рассказал о его возвращении, поскольку не прошло и часа, как объявилась Арина, чтобы хозяйничать по дому и, если угодно Ивану, исполнить его мужское желание.

Иван, изголодавшись по женскому телу за два месяца проживания у отца, вцепился в Арину, как клещ, уложил женщину на диван и целый час ублажал себя и её плотскими удо-

вольствиями, пока женщина, получив свое, не взмолилась отпустить её для хозяйственных дел – иначе она не сможет ходить от безудержного напора Ивана на её женское достоинство.

Так состоялось возвращение учителя к своей школе и своим ученикам, которыми ему еще предстояло обзавестись. Остаток дня Иван отсыпался и отъедался с дороги, ночью спал как убитый, но поутру, когда Арина загремела чугунами на кухне, встал, вновь утащил служанку на диван, чему она не противилась и, забыв свои вчерашние опасения, предалась женской страсти, вскрикивая от приступов желания, которое как и накануне случилось с нею дважды и такой силы, что ноги женщины онемели и не сгибались ещё и час спустя, как учитель выпустил её из своих объятий.

Облегчивши плоть, Иван позавтракал и пошел к старосте, доложить о своем приезде, узнать новости и приступить к рекрутированию учеников в школу. Арина, когда собирала завтрак на стол, печально обмолвилась, что на селе стало худо жить: грядёт неурожай и ждет крестьян голодная зимовка, но Иван не придавал словам служанки значения: известное дело, что бабы в любой малой трудности видят вселенскую беду, а сама Арина пышет здоровьем и так живо вела себя на диване, как с голодухи не сможет. Если Арина и изголодалась, то лишь по мужской плоти Ивана.

На дворе начал моросить мелкий дождь, когда Иван вышел из дома, накиннув на голову и плечу холстину, чтобы не промокнуть насквозь. Сапоги учителя скользили по размокшей дороге, все рытвины и канавы были доверху заполнены водою: чувствовалось, что дожди здесь идут долго и постоянно, потому что большие лужи уже затянуло болотной ряской и кое-где в канавах высились стрелки молодого камыша, чего Иван не видел ни прошлой осенью, ни весной до отъезда к отцу.

Староста Тимофей Ильич был дома: в дождь на полях и в огородах делать нечего – в пропитанной влагой почве ноги утопают по икры, лапти, в которых крестьяне работают на полях, размокают и разлазятся на лыковые полосы, оставляя ноги босыми в холодной грязи.

– Иван Петрович, прибыл для дальнейшего прохождения учительской службы, как говорили, на воинской службе, – усмехнулся староста. Трудный год будет у вас господин учитель – многих учеников не досчитаетесь нынче в школе. Дай бог, чтобы дети живы остались – если будет им не до учебы.

– Неужели так плохо, Тимофей Ильич? – спросил Иван, присаживаясь рядом со старостой, который сидел на лавке в веранде и печально смотрел, как струйки воды стекают с крыши, объединяются в ручейки, которые вытекают на улицу, где и без них воды по колено.

– Видишь ли, Иван, – молвил староста, – позволь я так буду называть тебя и впредь без посторонних, как отец Татьяны, которая уехала к моему брату в Могилев учиться на учительницу, а перед отъездом поведала мне, что любит тебя, но ты отказался принять её любовь, сославшись на то, что будешь учиться дальше и не можешь сейчас содержать семью.

– Да, это так, – ответил Иван, – но в будущем я видел Татьяну своею женою, правда, лишь во сне, а наяву частенько хотел отказаться от учебы, чтобы быть вместе с вашей дочерью, если вы, конечно, не против.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.